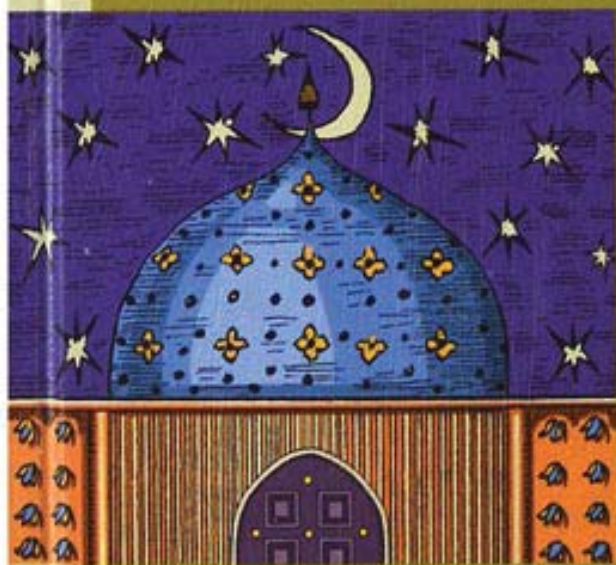

история / география / этнография

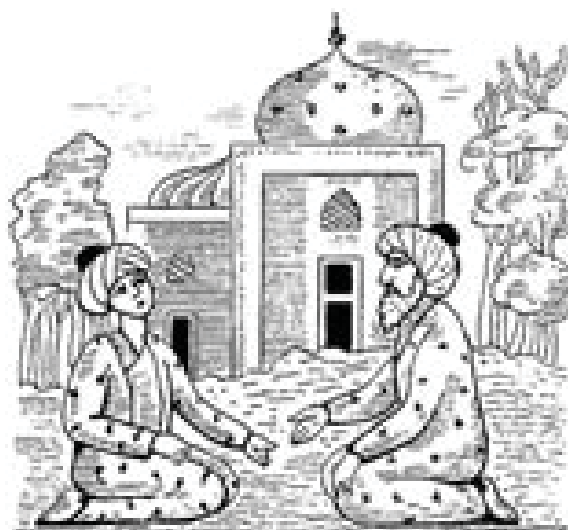

Вашингтон Ирвинг

Жизнь
пророка
Мухаммеда

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Вашингтон Ирвинг

Ж

ИЗНЬ

пророка Мухаммеда

Перевод с английского
Петра Киреевского

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2012

УДК 929
ББК 86.38
И78

Washington Irving
LIFE OF MAHOMET

Иллюстрации И. Тибиловой

ISBN 978-5-91678-156-4

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2012

Печатается по русскому изданию 1857 г. с незначительными сокращениями. Написания имен, названий племен, народов и народностей, географических названий, цитаты из Корана и т. д. сохранены — за рядом исключений — в редакции 1857 г.

Предлагая читателям историю жизни Мухаммеда, я считаю нужным предварить ее небольшим объяснением. Много лет тому назад, во время моего пребывания в Мадриде, я предполагал в ряде очерков описать время господства арабов в Испании и хотел предпослать им жизнь основателя ислама. Многие частности я заимствовал из испанских источников и из перевода арабского историка Абульфеды, копию с которого я нашел в библиотеке иезуитов в монастыре св. Исидора в Мадриде.

Во время моего последнего пребывания в Испании я воспользовался утомительной скукой довольно продолжительного недомогания, чтобы просмотреть рукописи, пользуясь при этом разъяснениями, сделанными за последнее время различными писателями, и в особенности библиотекарем Гейдельбергского университета Густа-

вом Вейлем, тщательным исследованиям которого я очень многим обязан.

Таково происхождение труда, предлагаемого теперь вниманию публики. Он носит на себе отпечаток сочинения, предназначенного для семейной библиотеки, причем я больше всего имел в виду передать в легкой, понятной форме факты, относящиеся к жизни Мухаммеда, и те легенды и предания, которые встречаются постоянно в восточной литературе; в то же время я старался сообщить сущность веры Мухаммеда, насколько она может заинтересовать обычного читателя. При таких обстоятельствах я счел излишним испещрять страницы ссылками и цитатами.

*В. И.
Сансейд, 1849 г.*

Глава первая

Предварительные сведения об Аравии и арабах

В течение длинного ряда лет, начиная с самой ранней исторической эпохи и вплоть до VII столетия христианской эры, обширный полуостров, окруженный Красным морем, рекой Евфрат, Персидским заливом и Индийским океаном и известный под именем Аравия, оставался в прежнем неизменном виде, и события, глубоко потрясавшие остальную Азию, Европу и Африку, почти не коснулись его. В то время как царства и империи возникали и погибали, как древние династии исчезали с лица земли, как границы и населения стран изменялись, а их обитатели истреблялись или уводились в плен, — Аравия, невзирая на то, что пограничные ее области переживали некоторые перемены, сохранила в глубине своих пустынь свой первоначальный характер и свою независимость, а населявшие их кочевые племена никогда не склоняли своей главы под игом рабства.

Арабы относят предание о своей стране к самой отдаленной древности. По их словам, она заселена была вскоре после потопа потомством Сима, сына Ноя, постепенно разбившимся на несколько племен, из которых наиболее замечательными были адиты и тамудиты. Все эти первоначальные племена, по сказанию, или стерты были с лица земли в наказание за их беззакония, или же исчезли при после-

дующих поколениях, так что относительно их остались только смутные предания и несколько страниц в Коране. О них иногда упоминается в истории Востока как о «древних первобытных арабах» или как об «исчезнувших племенах».

Уцелевшее население полуострова, по мнению тех же авторитетных источников, произошло от Катана или Иокатана, потомка Сима в четвертом колене. Его потомство распространилось по южной части полуострова и вдоль Красного моря. Яраб, один из его сыновей, основал государство Йемен, и вся территория получила название в честь его; от Яраба аравитяне производят название как себя, так и своей страны. Другой его сын, Джургам, основал царство Хеджена, где его потомки царили в течение нескольких поколений. Это тот самый народ, который оказал гостеприимство Агари и Измаилу, изгнанным из дома патриархом Авраамом. Впоследствии Измаил женился на дочери Водада, владетельного князя из рода Джургама, и, таким образом, чужеземец и еврей привился к первоначальному арабскому родословному дереву. Это доказывает мощную силу этого дерева. Жена Измаила принесла ему двенадцать сыновей, приобретших господство над страной, и их обильное потомство, разделившись на двенадцать колен, изгнало первоначальное потомство Иокатана.

Такие сведения о своем происхождении сообщают арабы, населяющие полуостров¹. Христианские же писатели приводят их в доказательство исполнения завета между Богом и Авраамом. Согласно Священному Писанию, «сказал Авраам Богу: о, хотя бы Измаил был жив пред лицом Твоим!» Бог же сказал: «И о Измаиле Я услышал тебя; вот, Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и Я произведу от него великий народ» (Быт. 17:18, 20). Далее в Библии упоминается об этих двенадцати князьях и о том, что они со своими племенами занимали страну «от Хавилы до Сура, что пред Египтом, как идешь к Ассирии» (Быт. 25:18), — область, отождествляемую библейскими географами с частью Аравии. Описание их согласуется с тем, что мы видим у современных арабов: некоторые жили в городах и укреплениях, другие — в палатках или поселках в пустыне. Наваиоф и Кидар, стар-

шие сыны Измаила, чаще всего упоминаются как отличавшиеся богатством стад, табунов и тонкостью руна овец. От Наваиофа произошли наватей (набатей, набатейцы), населившие каменистую Аравию, а именем Кидара в Библии называется иногда весь арабский народ. «Горе мне, — говорит псалмопевец, — что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских» (Пс. 119:5). Наваиоф и Кидар стали родоначальниками кочующих арабов, этих пастушеских племен, «свободных сынов пустыни», «народа мирного», как говорит пророк Иеремия, живущего беспечно: «ни дверей, ни запоров нет у него, живут поодиночке» (49:31).

Строгое различие возникло в самые ранние времена между арабами, «жившими в городах и укреплениях» и «жившими в палатках». Некоторые из числа первых занимали плодородные ущелья или долины, где эти города и укрепления окружены были виноградниками и плодовыми садами, пальмовыми рощами, хлебными полями и плодоносными пастбищами. Они вели оседлый образ жизни и занимались обработкой земли и скотоводством.

Другие же из числа их занимались торговлей и имели гавани и города вдоль Красного моря, южного берега полуострова и Персидского залива и вели заграничную торговлю на кораблях и караванах. Таковыми в особенности были арабы, населявшие Йемен, или Счастливую Аравию, эту страну пряностей, благовоний и ладана, которую поэты называли Сава (Савея, Саба, Сабей), а Священное Писание — Шеба (Шева). Они были из числа самых деятельных торговых мореплавателей восточных морей. Их корабли доставляли бальзамы с противоположного берега, золото, пряности и другие богатые и роскошные продукты из Индии и из Тропической Африки. Все эти товары вместе с продуктами их собственной страны перевозились караванами через пустыни к полуарабским городам — Аммону, Моаву, Едому или Идумее, к финикийским гаваням Средиземного моря и отсюда распространялись по странам Запада.

Верблюды назывались «кораблем пустыни», а караван можно было бы назвать ее флотом. Караваны Йемена обыкновенно снаряжались, охранялись и велись кочующими арабами, обитателями палаток, которых в силу этого можно было

бы назвать пловцами пустынь. Они доставляли массу нужных верблюдов и дополняли груз тонкою шерстью своих бесчисленных стад. Из книг пророческих видно, какое важное значение в библейскую эпоху имел торговый путь, соединявший южные страны — Индию, Эфиопию и Счастливую Аравию с древней Сирией.

Иезекииль, оплакивая Тир, говорит: «Аравия и все князья Кидарские производили мену с тобою: ягнят, и баранов, и козлов променивали тебе. Купцы из Савы и Раемы торговали с тобою всякими лучшими благовониями и всякими дорогими камнями, и золотом платили за товары твои. Харан, и Хане, Еден, купцы Савейские, Ассур и Хилмад торговали с тобою» (Иез. 27:21–23). А Исая, обращаясь к Иерусалиму, говорит: «Множество верблюдов покроет тебя — дромадеры из Мадиама и Ефы; все они из Савы придут, принесут золото и ладан... Все овцы Кидарские будут собраны к тебе; овны Наваиофские послужат тебе» (Ис. 60:6–7).

Арабы-земледельцы и ремесленники, обитатели городов и поселков, никогда, однако, не считались представителями истинного типа этого народа. Нравы их смягчились благодаря оседлым и мирным занятиям, и они лишились многих типичных черт вследствие сношений своих с чужестранцами. Кроме того, Йемен, как более доступная местность сравнительно с остальными частями Аравии, представлял больше приманок для грабителей и неоднократно подвергался нападениям.

Арабы — обитатели палаток были гораздо более многочисленны, и в них национальный характер сохранился во всей первобытной мощи и свежести. Кочевники по своим привычкам, пастухи по занятию, они знакомы были со всеми тайными сокровищами пустынь и, ведя бродячую жизнь, переходили с места на место в поисках колодцев и источников, которые служили прибежищами для их предков; они разбивали палатки всюду, где находили финиковые деревья, служившие им тенью, и пастбища для своих стад и табунов, и перекочевывали дальше, как только истощались средства для жизни.

Эти кочующие арабы разделялись и подразделялись на бесчисленные мелкие роды и семьи, имевшие своих шейхов

или эмиров, возле палатки которых были воткнуты копья как знак их власти. Власть шейха, хотя и сохранялась в течение многих лет, не была строго наследственной и зависела от доброй воли рода. Его могли сменить и назначить на это место другого человека. Шейх мог вести переговоры о войне и мире, предводительствовать своим племенем в войне против неприятеля, выбирать место для лагеря и принимать знаменитых чужестранцев. Но при этом он обязан был следовать желаниям своего народа².

На какое множество мелких групп ни распадалось бы племя, родственные узы тщательно оберегались в памяти всех семей. Все шейхи одного племени признавали общего главу, называемого шейхом над шейхами, который — безразлично, обитал ли он в замке, выбитом в скалах, или в палатке среди стад и табунов, — мог всегда собрать под своим знаменем все рассеянные ветви племени, признававшие общую власть.

Многочисленность кочующих племен, каждое со своим маленьким князьком и скудной территорией, но без общего главы, вызывала частые столкновения. К тому же месть признавалась у них почти религиозным принципом. Ответить за убийство родственника считалось обязанностью семьи, и нередко в это дело вовлекалась изрядная часть племени; иногда долг кровной мести оставался неисполненным в течение целых поколений и приводил к смертельной вражде, в которую вовлекалось все больше людей.

Необходимость быть вечно настороже, чтобы защищать свои стада и табуны, заставляла араба приучаться с раннего детства к оружию. Никто не умел лучше его употреблять лук, копье и палаш, равно как и управлять конем. Но он оставался преимущественно разбойником и, хотя иногда служил купцам, доставляя им верблюдов, проводников и погонщиков для перевозки товаров, куда более склонен был брать выкупы с караванов или, не стесняясь, грабить их во время утомительного шествия по пустыне. Все это он считал вполне законным, считая корыстолюбивых сынов торговли за людей более низкой расы, приниженной жаждой и привычкой к наживе. Таковы были арабы пустыни, обитатели палаток, на которых сбылось пророчество относительно их пред-

ка Измаила: «Он будет между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него...» (Быт. 16:12).

Природа как бы создала араба для этой участи. Он был легок и худ, но мускулист и деятелен, способен переносить значительную усталость и трудные переходы. Он был умерен и даже воздержан, обходясь малым количеством пищи, и притом самой простой. Его ум, как и его тело, был легок и подвижен. Он обладал интеллектуальными свойствами семитской расы, тонкой проницательностью, остроумием, быстротой соображения и блестящим воображением. Он воспринимал все очень быстро и горячо, но у него часто менялось настроение. Можно было быстро увлечь его красноречием и очаровать прелестью поэзии. Говоря на языке очень богатом, слова которого сравнивались с жемчужинами и цветами, он был оратором по природе; но он восторгался больше пословицами и остроумными изречениями, чем последовательной логической речью, и был склонен выражать свои мысли в восточном духе — нравоучительными баснями и притчами.

Неутомимый воин и грабитель, он был великодушен и гостеприимен. Раздавать подарки доставляло ему наслаждение. Дверь его всегда была настежь открыта для путника, с которым он охотно делился последним куском; и самый смертельный враг, переломив с ним хлеб, мог в полной безопасности отдыхать под кровом его палатки, считавшейся нерушимой святыней.

Свои религиозные взгляды арабы в ту эпоху, которую они называют «днями неведения», заимствовали большей частью от сабеев и магов, религии которых преимущественно господствовали в то время на Востоке. Но больше они склонялись к сабеизму, относя начало его к Саби, сыну Сифа. Это название также производят от еврейского слова «саба», или «звезда», что указывает на то, что это была вера пастухов, которые пасли свои стада на равнинах, расстилавшихся под безоблачными небесами, следили по ночам за движением звезд и составляли различные догадки о добром и злом влиянии их на человеческие дела; смутные их догадки халдейские философы и жрецы возводили затем в систему, считавшуюся даже более древней, чем религия египтян.

Некоторые приписывали эту религию еще более высокому авторитету и утверждали, что она существовала до потопа. Эту религию будто бы исповедовали Авраам и его потомки, дети Израиля, и она подтверждена была на скрижалях законов, врученных Моисею среди грома и молний на Синайской горе.

В первоначальном виде религия сабеев была чиста и духовна; заключая в себе веру в единого Бога, она учила о возмездии за добро и зло в будущей жизни и о необходимости добродетельной и святой жизни для приобретения счастливого посмертия. Так велико было благоговение сабеев к Верховному Владыке, что они никогда не произносили Его имени, никогда не дерзали приблизиться к Нему иначе, как через ангелов. Последние, по мнению сабеев, населяли и оживляли небесные светила подобно тому, как в человеческом теле обитает душа, наполняющая его жизнью. Ангелы эти обитали в религиозных небесных сферах, чтоб наблюдать над Вселенной и управлять ею по воле Верховного Владыки. Обращаясь к звездам и другим небесным светилам, сабеи не поклонялись им как божествам, но старались умиловать обитающих на них ангелов как посредников между Богом и людьми.

Но постепенно религия эта лишалась своей первоначальной простоты и чистоты, затемнилась таинствами и погрязла в идолопоклонстве. Сабеи, вместо того чтобы считать небесные светила за жилища посредников, стали поклоняться им как божествам; воздвигать грубые изображения их в священных рощах и в глубине лесов и, наконец, ставить их в своих храмах, чтобы воздавать им божеские почести. У арабов же вера сабеев смешалась с дикими предрассудками и с грубым идолопоклонством.

Каждое племя поклонялось своей отдельной звезде или планете и имело своего особенного идола. Детоубийство примешалось к их религиозным обрядам, в силу чего они стали ужасны и отвратительны. У кочующих племен рождение дочери считалось несчастьем; женщина не могла быть особенно полезна при кочующей и разбойничьей жизни, но могла навлечь бесчестье на семью, попав в плен или ведя развратную жизнь. Таким образом, поводы, вытекавшие из

естественного строя жизни, примешивались к религиозным чувствам арабов и побуждали их приносить детей женского пола в жертву идолам.

Господствовала на Востоке и еще одна секта — магов, или гебров (огнепоклонников); она возникла в Персии, где несколько времени спустя ее учение было изложено письменно великим пророком и учителем Зороастром в книге «Зенд-Авеста». Это верование, как и вера сабеев, было вначале просто, чисто и духовно, признавая единого верховного и вечного Бога, Которым и через Которого существует весь мир. Он Своим творческим словом породил два действующих начала: ангела света и добра Ормузда и ангела мрака и зла Аримана; оба эти начала образовали Вселенную из соединения противоположных своих свойств и ведут вечную борьбу, управляя делами мира. Отсюда перевес то добра, то зла, смотря по тому, побеждает ангел света или ангел мрака; эта борьба будет продолжаться до конца мира; когда же настанет всеобщее воскресение и день суда, ангел мрака и его последователи будут изгнаны в обитель ужасной тьмы, а их противники войдут в блаженное царство вечного света.

Первоначальные обряды этой религии были очень просты. У магов не было ни храмов, ни алтарей, ни религиозных символов; они обращались со своими молитвами и гимнами непосредственно к Богу или к солнцу, считая его обителью божества. Они чтили это светило как жилище Бога и как источник света и тепла, из которых состоят все остальные светила, и возжигали огни на вершинах гор, чтобы не угасал свет, когда заходило солнце. Зороастр первый устроил храмы, где священный огонь, будто бы нисшедший с неба, поддерживался всегда жрецами, охранявшими его день и ночь.

Со временем и в этой секте, как и у сабеев, символ затемнил понимание божественного принципа, и последователи ее стали поклоняться свету и огню как реальным божествам и страшиться мрака как сатаны или дьявола. В своем фанатическом рвении маги готовы были хватать неверующих и бросать их в пламя для умиловления огненного божества.

В Книге премудрости Соломона о приверженцах этих двух сект говорится: «Подлинно суетны по природе все люди,

у которых не было ведения о Боге, которые из видимых совершенств не могли познать Сущего и, взирая на дела, не познали Виновника, а почитали за богов, правящих миром, или огонь, или ветер, или движущийся воздух, или звездный круг, или бурную воду, или небесные светила».

Из этих двух религий среди арабов, как мы уже заметили, более господствовала сабейская, но в значительно искаженном виде, смешанная с разного рода злоупотреблениями. Религии магов придерживались преимущественно арабские племена, которые, живя близ границ, имели частое общение с Персией.

Иудейская вера рано проникла в Аравию, но в очень неопределенном и несовершенном виде; однако ж многие из ее обрядов, церемоний и причудливых традиций прижились в этой стране. Впоследствии, когда Палестина была опустошена римлянами, а Иерусалим взят и разрушен, многие евреи искали убежища в Аравии, поселились среди ее коренных жителей, образовали собственные общины, приобрели плодородные участки, построили замки и крепости и достигли значительной власти и влияния.

Христианская религия тоже имела последователей среди арабов. Апостол Павел в своем Послании к галатам говорит, что он, вскоре после того как призван был проповедовать среди язычников, «пошел в Аравию». Распри, возникшие в церкви в первой половине III столетия, образовали различные секты, из которых каждая, достигнув господства, преследовала остальные, члены которых расселялись по всему Востоку, и таким образом распри эти содействовали распространению христианства среди некоторых арабских племен.

Вышеприведенные обстоятельства могут дать нам некоторое понятие о причинах, в силу которых арабы несколько столетий не претерпевали резких переворотов. Их особенное положение и обширные пустыни служили им защитой от завоеваний врагами, а их внутренние раздоры и недостаток общих уз, политических или религиозных, были причиной того, что они не представляли опасности как завоеватели. Они были разделены на отдельные части, нуждавшиеся в общей связующей их силе. Кочевая жизнь делала их отважными и деятельными, большинство их было воинственно

с детства, но их оружие было направлено друг против друга, и исключение составляли только некоторые пограничные племена, игравшие роль наемных войск во внешних войнах. Поэтому в то время как другие кочевые племена Центральной Азии в течение столетий успешно делали набеги на цивилизованный мир, этот воинственный народ, не сознавая своей силы, оставался разъединенным и безопасным в глубине своих родных пустынь.

Но настало наконец время, когда враждующие арабские племена объединились одной верой и воодушевились одной общей задачей; явился мощный пророк, сплотивший эти разрозненные части, вдохновивший их одной смелой и восторженной идеей и двинувший этих титанов пустыни потрясать и пересоздавать земные царства.

Глава вторая

Рождение и семья Мухаммеда.

Его детство и отрочество

Мухаммед, великий основатель ислама, родился в Мекке в 570 году по Р. Х. Он происходил из воинственного и значительного племени курайшитов, в котором существовали две ветви, происходившие от двух братьев — Хашима и Абд Шима. Хашим, прадед Мухаммеда, был великим благодетелем Мекки. Город этот построен в бесплодной и каменистой местности и часто в прежнее время терпел нужду от недостатка в съестных припасах. В начале VI столетия Хашим установил ежегодно отправлять два каравана: один, зимой, в Южную Аравию и Йемен, другой, летом, в Сирию. Благодаря этому в Мекку обильно доставлялись всякие продукты и разнообразные товары; город превратился в торговый центр, и племя курайшитов, принимавшее живое участие в этих экспедициях, стало богато и могущественно. Хашим в это время был охранителем Каабы — объекта великого почитания арабов, стекавшихся на поклонение ему. Охранение этого камня вверялось только самым почетным родам и семьям, подобно тому как в прежнее время Иерусалимский храм находился исключительно на попечении левитов. Охранение Каабы соединено было с гражданскими должностями и с привилегией управлять священным городом.

По смерти Хашима его сын Абд аль-Мутталиб унаследовал его почетные должности. Он избавил священный город от напавших на него владетелей Абиссинии, во власти которых находился в то время Йемен. Выдающиеся заслуги отца и сына упрочили должность охранителя Каабы за родом Хашима — к великому неудовольствию потомков Абд Шима, питавших глубокую к нему зависть.

Абд аль-Мутталиб имел несколько сыновей и дочерей. Из числа его сыновей история упоминает: Абу Талиба, Абу Лахаба, Аббаса Хамзу и Абдаллаха. Последний был младшим и возлюбленным сыном. Он женился на Амине, девушке из отдаленной ветви того же знаменитого рода курайшитов. Абдаллах отличался красотой и качествами, пленяющими женщин, и, по мусульманскому преданию, в ночь его свадьбы с Аминой двести девушек из племени курайшитов умерли от разрыва сердца.

Мухаммед был единственным плодом этого брака, так мрачно ознаменованного. Его рождение, по тем же преданиям, сопровождалось явлениями, указывавшими на то, что это необыкновенный ребенок. Его мать не испытала никаких болей во время родов. В момент появления Мухаммеда на свет небеса всей окрестной территории озарились необыкновенным блеском, и новорожденный младенец, подняв глаза к небу, воскликнул: «Велик Бог! Нет Бога, кроме Бога, и я Его пророк».

Небо и земля, опять же как утверждает предание, колыхались при его рождении. Озеро Сава вернулось к своим тайным источникам, и дно его оказалось сухим, в то время как река Тигр, выйдя из берегов, затопила все окрестные страны. Дворец персидского царя Хосрова был потрясен до самого основания, и многие башни рухнули на землю. В эту тревожную ночь кади, или судья, Персии увидел во сне дикого, яростного верблюда, укрощенного арабским всадником. Он утром рассказал свой сон персидскому царю и объяснил его тем, что со стороны Аравии грозит Персии великая опасность.

В ту же знаменательную ночь, по словам тех же преданий, священный огонь Зороастра, поддерживаемый магами непрерывно в течение тысячи лет, внезапно потух, и идо-

лы всего мира упали на землю. Демоны, или злые джинны, скрывавшиеся в звездах и знаках зодиака и имевшие злое влияние на детей, были свергнуты чистыми ангелами и вместе со своим главным вождем Иблисом канули в бездне морской.

Родственники новорожденного ребенка были поражены удивлением и ужасом. Брат его матери, астролог, по гороскопу Мухаммеда предсказал, что он достигнет обширной власти, будет основателем царства и даст людям новую религию. Его дед Абд аль-Мутталиб на седьмой день после рождения Мухаммеда задал пир всем главным курайшитам, и представил им младенца как зарю зарождающейся славы их племени, и назвал его Мухаммедом, или, вернее, Мухаммадом, в указание на его будущее призвание.

Едва прошло два месяца после рождения Мухаммеда, как умер его отец, оставив ему в наследство пять верблюдов, несколько овец и рабыню Баракат, родом из Абиссинии. Мать вначале кормила его своим молоком, но горе и заботы иссушили ее грудь, и так как воздух Мекки был нездоров для детей, то она приискала ему кормилицу из числа женщин соседних племен бедуинов. Последние приходили обыкновенно в Мекку два раза в год, весной и осенью, чтобы брать на воспитание детей горожан; но они преимущественно выбирали детей богатых людей, рассчитывая на обильное вознаграждение, и с презрением отворачивались от бедняков. Наконец одна женщина, по имени Халема, жена пастуха, сжалась над беспомощным ребенком и взяла его к себе; жила она в одной из пастушеских долин, раскинутых среди гор.

Много различных чудес рассказывала Халема о своем питомце. По дороге из Мекки мул, на котором он ехал, получил вдруг дар слова и громко провозгласил, что ребенок, покоящийся на его спине, будет величайшим пророком, главою небесных посланников, любимцем Всемогущего. Овцы, мимо которых они проезжали, кланялись ему; и, когда младенец лежал в своей колыбели и глядел на луну, она из благоговения останавливалась на небе.

Арабские писатели утверждают, что небесное благословение вознаградило Халему за ее великодушие. Пока ребенок

оставался под ее кровлей, все кругом нее процветало. Источники и колодцы никогда не высыхали, пастбища вечно зеленели; стада и табуны умножались; дивное плодородие царило на полях, а мир — в ее жилище.

Арабские легенды продолжают далее повествовать о сверхъестественных силах, телесных и духовных, которые этот дивный ребенок проявлял с самых ранних лет. В три месяца он мог уже стоять один, в семь -- бегать, а в десять месяцев участвовал вместе с остальными детьми в состязаниях, стреляя из лука. В восемь месяцев он так говорил, что его можно было понять; а в девять стал свободно разговаривать, проявляя мудрость, удивлявшую всех слушавших его.

Когда ему минуло три года, он однажды играл в поле со своим молочным братом Мафудом — и перед ним предстали два ангела в блестящих одеждах. Они нежно положили Мухаммеда на землю, и один из ангелов, Гавриил, не причиняя ему ни малейшей боли, вынул его сердце и очистил от всяких скверн, выжав те черные и горькие капли первородного греха, которые мы наследуем от нашего прародителя Адама и которые, таясь в сердце даже лучших из его потомков, наталкивают их на преступления. Очистив сердце, Гавриил наполнил его верой, знанием и пророческим ясновидением и снова вложил в грудь ребенка. Тогда, по уверению тех же писателей, от него стал изливаться таинственный свет, который, начиная с Адама, сиял во всем священном ряде пророков, вплоть до Исаака и Измаила, но который затем погас у их потомков, чтобы снова еще более лучезарно засиять от лица Мухаммеда.

От этого сверхъестественного посещения, прибавляют арабы, осталась у ребенка печать пророчества величиной с куриное яйцо между плечами, служившая всю жизнь символом и доказательством его божественного посланничества, хотя неверующим она казалась родимым пятном.

Когда Халема и ее муж узнали о чудесном посещении ангелов, они устремились, опасаясь, чтобы не случилось какого-нибудь несчастья с ребенком, ибо предположили, что сверхъестественные посетители были из числа злых духов, причиняющих несчастья детям. Поэтому кормилица отнесла Мухаммеда обратно в Мекку и передала его в руки Амины.

Он оставался с нею до шести лет, когда она повезла его с собою в Медину, чтобы навестить родственников; на обратном пути Амина заболела и умерла; ее похоронили в деревне Абва, расположенной между Мединой и Меккой. Могила Амины, как мы увидим дальше, стала для Мухаммеда предметом набожных посещений и нежных воспоминаний в последующие годы его жизни.

Раба-абиссинка Баракат отвела осиротевшего ребенка к деду Абд аль-Мутталибу, у которого он оставался два года и где о нем заботились нежно и ласково. Но Абд аль-Мутталиб был в очень преклонных годах. Чувствуя приближение смерти, он призвал к себе старшего своего сына Абу Талиба и поручил Мухаммеда его особенному попечению. Добрый Абу Талиб прижал племянника к своему сердцу и впоследствии всегда по-родственному относился к нему. По смерти отца Абу Талиб унаследовал обязанность охранителя Каабы, и Мухаммед несколько лет жил в обстановке, где строго соблюдались все обряды и церемонии священного дома. Здесь мы считаем нужным несколько подробнее ознакомить читателей с происхождением Каабы, равно как и с обрядами, преданиями и поверьями, связанными с нею, так как все это имеет очень близкое отношение к исламу и к истории его основателя.

Глава третья

Предание о Мекке и Каабе

Когда Адам и Ева были изгнаны из рая, то, по арабским преданиям, они очутились на различных частях земного шара: Адам — на горе острова Серендиба, или Цейлона, а Ева — в Аравии, на берегу Красного моря, там, где в настоящее время находится порт Джидда. Двести лет блуждали они отдельно и одиноко по земле, пока наконец ввиду раскаяния им позволено было сойтись снова на горе Арафат близ Мекки. Адам, по словам предания, вознес руки и глаза к небу и умолял Бога о милосердии, прося у Него даровать ему алтарь, подобный тому, которому он поклонялся в раю и вокруг которого витали ангелы, воспевая хвалу Богу.

Мольба Адама была услышана. Храм, или алтарь, из лучезарных облаков был спущен ангелами на землю, как раз под тем самым местом, где находится его первообраз в небесном раю. К этому нисшедшему с неба ковчегу Адам обращался с тех пор во время молитвы и ежедневно обходил его семь раз, как бы подражая тому, что делали ангелы, прославляя Бога.

По смерти Адама, согласно тем же преданиям, облачный ковчег исчез или взят был обратно на небо; но другой, сходный по форме, на том же месте был воздвигнут из кам-

ня и глины Сифом, сыном Адама. Но этот алтарь смыт был потопом. Спустя много лет после того, во времена патриархов, когда Агарь и ее сын Измаил умирали в пустыне от жажды, ангел указал им источник, полный воды, вблизи того места, где прежде находился алтарь. Это был источник Земзем. На этом месте была основана Мекка, где и поселились Агарь с Измаилом. Измаил женился на дочери владетельного князя и имел от нее многочисленное потомство, считающееся предками арабского народа. По Божьему повелению он предпринял попытку восстановить Каабу на том самом месте, где находился заоблачный алтарь, и в этом набожном деле ему помогал отец его Авраам.

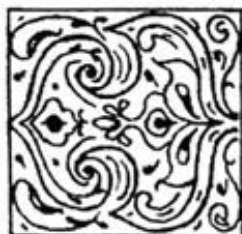
В то время как Авраам и Измаил были заняты постройкой здания, архангел Гавриил принес им камень, относительно которого древние предания несколько расходятся. По одним сказаниям, это один из драгоценных камней рая, упавших на землю вместе с Адамом. По другому, более распространенному сказанию, это был сначала ангел-хранитель, приставленный к Адаму в раю, но затем он превратился в камень и при падении Адама низвергся вместе с ним. Как бы то ни было, Авраам и Измаил приняли камень с подобающим благоговением и вделали его в угол внешней стены Каабы, где он остается и в настоящее время, причем все правоверные целуют его каждый раз, как обходят вокруг храма. Когда в первый раз камень этот был вделан в стену, он был блестящ и бел, как гиацинт, но постепенно почернел от поцелуев грешных уст смертных людей. При воскрешении он снова примет вид ангела и станет свидетелем пред Богом в защиту тех, которые вполне выполнили все обряды посещения святых мест.

Таковы арабские предания, в силу которых Кааба и источник Земзем являются предметами особенного почитания с самых древнейших времен у всех восточных народов, а в особенности у потомков Измаила. Мекка, вмещающая эти священные предметы в своих стенах, была священным городом за много лет до возникновения ислама и центром, куда стекались богомольцы со всех частей Аравии. Так глубоко и так всеобщее было уважение к исполнению этих обрядностей, что ежегодно четыре месяца посвящены были путе-

шествию для поклонения Каабе, и никакое насилие, а тем более никакая война в это время не дозволялись. Враждовавшие племена складывали свое оружие, снимали наконечники с пик, в полной безопасности следовали по самым опасным пустыням и в одеждах богомольцев толпами входили во врата Мекки. Тут они в подражание ангелам семь раз обходили вокруг Каабы, прикасались и целовали таинственный «черный камень», пили и делали возлияние при источнике Земзем в память своего предка Измаила и, исполнив все остальные обряды, безопасно возвращались домой, чтобы снова взяться за оружие и вести войны.

В числе религиозных обязанностей арабов в те «дни неведения», то есть до возвещения мусульманского учения, пост и молитва играли первенствующую роль. В течение года существовало три главных поста: один продолжался семь, другой — девять и третий — тридцать дней. Они молились ежедневно по три раза: при восходе солнца, в полдень и при закате, обращаясь лицом по направлению к Каабе.

Церемонии и обряды, совершавшиеся в священном здании, могли с раннего детства наложить свой отпечаток на Мухаммеда, воспитанного в доме охранителя Каабы, и направить его на религиозные размышления, которые и поглотили его всецело. Хотя мусульманские биографы Мухаммеда и утверждают, что великая будущность его была ясно предсказана еще в детстве знамениями и чудесами, но, по-видимому, воспитание его велось так же нерадиво, как и воспитание остальных арабских детей, и мы знаем, что он не научился ни читать, ни писать. Впрочем, это был ребенок очень даровитый, наблюдательный и размышлявший обо всем, что видел, одаренный пылким воображением, отважный и общительный. Ежегодный наплыв пилигримов из отдаленных стран превращал Мекку в центр всех летучих сведений, которые мальчик, по-видимому, жадно воспринимал и сохранял в своей богатой памяти; по мере же того как он подрастал, перед ним все сильнее раскрывалась более широкая сфера для наблюдений.

Глава четвертая

Первое путешествие Мухаммеда в Сирию с караваном

Мухаммеду минуло двенадцать лет, но, как мы видели, он был развит не по летам. В нем уже пробудилась жажда знания, вызванная общением с пилигримами из разных частей Аравии. Его дядя Абу Талиб наряду со священническим саном охранителя Каабы был и купцом и как один из наиболее предприимчивых торговцев из курайшитов вел начатые предком его Хашимом обширные дела с караванами, торговавшими с Сирией и Йеменом. Приход и отход караванов, стекавшихся у ворот Мекки, производили приятное уличное оживление и действовали возбуждающим образом на такого юношу, как Мухаммед, перенося его воображение в далекие края. Он не мог более подавлять возникшего жгучего любопытства. И однажды, когда дядя его собирался отправиться с караваном в Сирию и уже сажился на верблюда, он стал просить позволения сопровождать его: «На чье же попечение ты оставишь меня, дядя, когда уедешь?» — сказал он.

Просьба эта тронула нежное сердце Абу Талиба. Он решил, что юноша уже достаточно взрослый и может оказать значительные услуги каравану; поэтому он охотно уважил просьбу Мухаммеда и взял с собою в Сирию.

Путь пролегал по странам, богатым преданиями, которые с увлечением рассказывают арабы при вечерней остановке караванов. Беспредельное одиночество в пустыне, в которой этот кочующий народ проводит большую часть своей жизни, способствует развитию суеверных фантазий; арабы населили ее добрыми и злыми джиннами, разукрасили баснословными сказаниями о чудесных событиях, случившихся будто бы в старинные годы.

Во время таких вечерних остановок каравана молодой ум Мухаммеда, без сомнения, воспринял многие суеверия пустыни, которые впоследствии сохранялись в его памяти и имели могущественное влияние на его воображение. Мы отметим здесь два предания, которые он должен был слышать тогда и повествование о которых мы находим в Коране. Одно из них относится к гористой области Хиджаз. Тут, когда караван проходил по безмолвным, пустынным долинам, по склонам гор виднелись пещеры, некогда населенные тамудитами, одним из вымерших племен Аравии. Вот предание, существовавшее о них.

Это было надменное племя великанов, жившее до времен праотца Авраама. Когда они впали в идолопоклонство, Бог послал пророка по имени Салех, чтобы вернуть их на истинный путь. Они отказались, однако, повиноваться ему, пока он не докажет им божественности своего посланничества, заставив верблюдицу, носящую во чреве детеныша, появиться из недр горы. Салех стал молиться об этом, и тут гора расступилась, и из нее вышла самка верблюда, которая произвела на свет детеныша. Некоторые из тамудитов благодаря этому чуду отпали от идолопоклонства, большинство же продолжало пребывать в неверии. Салех оставил им верблюда как знамение того, что небесная кара постигнет их, если они причинят какое-нибудь зло животному. В продолжение некоторого времени самке дозволялось мирно пастись, уходя утром и возвращаясь вечером. Если она наклоняла голову, чтобы напиться из ключа или источника, то не выпрямлялась, пока не выпивала все до последней капли. Возвращаясь, она доставляла такое количество молока, что его было достаточно для удовлетворения потребностей все-

го племени. Но на пастбище она пугала других верблюдов, из-за нее начали оскорблять тамудитов, так что они наконец убили ее. Вслед за тем страшный голос и сильнейшие раскаты грома раздались с небес, а на следующее утро тамудиты найдены были мертвыми. Таким образом, целое племя было сметено с лица земли, а страна их осталась навсегда под проклятием неба.

История эта произвела такое сильное впечатление на Мухаммеда, что и впоследствии он не разрешал своему народу располагаться станом вблизи этого места, но торопил всех проходить мимо, считая его проклятым.

Другое предание, услышанное Мухаммедом во время этого путешествия, относилось к городу Эль-Ула, расположенному недалеко от Красного моря.

Место это, как говорят, было населено в древние времена еврейским племенем, которое впало в идолопоклонство и оскорбило святость субботнего дня тем, что занималось в этот день рыболовством; за это старые люди были превращены в свиней, а молодежь — в обезьян.

Мы отметили эти два предания потому, что Мухаммед приводит и то и другое, доказывая, что Бог карает за грех идолопоклонства. Из этого видно, какой интерес возбуждал уже и в то время этот важный вопрос в уме юноши.

Мусульманские писатели, по своему обыкновению, рассказывают о чудесных явлениях, сопровождавших молодого Мухаммеда во все время его путешествия, как о явном доказательстве постоянного покровительства неба. Однажды, когда он проходил по раскаленной песчаной пустыне, ангел незримо носился над ним, осеняя его своими крыльями; в другой раз его защищало облако, висевшее над его головой во все время полуденного зноя. Был и такой случай: однажды, когда он хотел укрыться под тенью сухого дерева, дерево это тотчас покрылось листьями и цветами.

Пройдя вдоль окраины древних владений моавитян и аммонитян, часто упоминаемых в Священном Писании, караван прибыл в Босру (или Бостру), лежавшую за Иорданом в стране, смежной с Сирией и населенной племенем манасехов. Во времена библейские это был город левитов, но

теперь он был населен христианами-несторианами и служил торговым центром, куда ежегодно стекались караваны; здесь наши путешественники устроили стоянку, расположившись станом недалеко от несторианского монастыря.

Абу Талиб и племянник его были радушно приняты братством этих монахов. Один из них, называемый одними Сергием, а другими — Бахарой³, был поражен развитием Мухаммеда, которое явно не соответствовало его юному возрасту. Мухаммед был жаден до знаний, причем особенно его, по-видимому, интересовали вопросы религии. Монах яростно выступил против идолопоклонства, в духе которого воспитывался молодой Мухаммед, — несториане осуждали не только почитание икон, но и простое употребление их, причем шепетильность несториан в этом отношении доходила до того, что запрещение всякого поклонения распространялось отчасти даже на крест — эту общую эмблему христианства.

Многие утверждают, что благодаря разговорам с этим монахом Мухаммед познакомился с христианской верой; эти знания он обнаружил впоследствии; вероятнее всего, что он продолжал общение с этим монахом и при последующих поездках в Сирию.

Мусульманские писатели утверждают, что интерес к молодому иностранцу появился у монаха потому, что он случайно увидел между его плечами печать пророчества. Когда Абу Талиб возвращался в Мекку, монах будто бы советовал ему зорко следить за тем, чтобы его племянник не попался в руки евреев, предвидя проницательным взором те неприятности и противодействия, которые Мухаммеду предстояло встретить со стороны этого народа.

Не нужно было, конечно, никаких чудесных знаков, чтобы сектанта-монаха, стремившегося найти себе последователей, заинтересовать умным и любознательным юношей, племянником охранителя Каабы, который мог перенести в Мекку семена христианского учения, заброшенные в его впечатлительную душу; понятно, что монах, рассчитывая обратить Мухаммеда в свою веру, страстно желал предохранить его от увлечения верой еврейской.

Мухаммед вернулся в Мекку; воображение его переполнено было странными рассказами и преданиями, слышанными в пустыне; в уме его глубоко запечатлелось учение, сообщенное ему в несторианском монастыре. Он и в дальнейшем, по-видимому, был полон таинственного благоговения к Сирии — вероятно, вследствие религиозных впечатлений, полученных там. То была страна, куда из Халдеи пришел некогда патриарх Авраам, принеся с собою первоначальное верование в единого истинного Бога⁴.

Глава пятая

Торговые занятия Мухаммеда.
Его женитьба на Хадидже

Мухаммед окончательно погрузился в деятельную жизнь, сопровождая своих дядей во время их разнообразных путешествий. Когда ему было около шестнадцати лет, он вместе с дядей Зобиром отправился с караваном в Йемен; затем он исполнял обязанности оруженосца у того же дяди, предводительствовавшего курайшитами, помогавшими кенатитам в их борьбе с племенем хавазан.

Это, как считается, было первое участие Мухаммеда в войне, хотя все оно состояло только в том, что он снабжал дядю стрелами во время сражения и защищал его своим щитом от вражеских стрел. Войну эту арабские писатели называют позорным именем «Аль-фоджар», или «Нечестивой войной», потому что она велась в священные месяцы, посвященные богомолью. Когда Мухаммед возмужал, он стал наниматься к зажиточным торговцам в качестве торгового агента и таким образом побывал с караванами во многих местах. Это способствовало расширению его кругозора.

Он посещал часто ярмарки, которые в Аравии были не только местами торговли, но часто и ареной для поэтических состязаний между различными племенами, где призы присуждались победителям, а поэмы, заслуживавшие награды, передавались на сохранение в княжеские архивы. Чаше все-

го такие состязания происходили на ярмарке в Окаде, и семь премированных там поэм были помещены в Каабе. Ярмарки служили также местом распространения народных преданий и религиозных верований, господствовавших в то время в Аравии. Так Мухаммед усвоил самые разнообразные сведения о религиозных учениях.

В Мекке жила в то время вдова по имени Хадиджа, происходившая из племени курайшитов. Она уже дважды была замужем. Второй муж ее, зажиточный купец, только что умер, и обширные дела его торгового дома требовали руководителя. Племянник вдовы Чузима познакомился с Мухаммедом во время его торговых путешествий и заметил, с какою ловкостью и добросовестностью тот исполнял все свои обязанности. Он рекомендовал его тетке как человека, вполне пригодного для управления ее делами. Внешность Мухаммеда сильно помогла этой рекомендации: ему было в это время около двадцати пяти лет, и арабские писатели с восторгом отзываются о его приятных манерах. Хадидже так захотелось воспользоваться услугами Мухаммеда, что она предложила ему двойную плату за управление караваном, который был наготове к отправке в Сирию. Мухаммед посоветовался со своим дядей Абу Талибом и с его согласия принял предложение. Помощниками, сопровождавшими его в этой экспедиции, были племянник вдовы и раб ее Майсара. Хадиджа до такой степени осталась довольна безукоризненно выполненным поручением, что по возвращении Мухаммеда заплатила ему вдвое больше против обещанной суммы. Впоследствии она не раз посылала его на юг Аравии.

Сорокалетняя Хадиджа была женщина благоразумная и опытная. Она все больше и больше проникалась уважением к умственным способностям Мухаммеда, а кроме того, и сердце ее все больше и больше пленялось молодым и красивым юношей. По арабским легендам, окончательно склонило ее к Мухаммеду совершившееся чудо. Однажды в полдень она находилась со служанками своими на плоской крыше своего дома и поджидала возвращения каравана, во главе которого шел Мухаммед. Когда Мухаммед приблизился, Хадиджа увидела, что два ангела осеняют его крылами, защищая от солнца. Взволнованная, она, обратилась к слу-

жанкам: «Взгляните, — сказала она, — вот любимец Аллаха, пославшего двух ангелов для его охранения!»

Легенда ничего не говорит о том, были ли служанки настроены так же благоговейно, как их госпожа, и видели ли и они двух ангелов. Как бы то ни было, вдова прониклась живой верой в сверхчеловеческие качества своего молодого управителя и тут же уполномочила своего верного раба Майсару предложить Мухаммеду жениться на ней. О сватовстве рассказывается безыскусно, просто и кратко. «Почему бы тебе не жениться, Мухаммед?» — спросил Майсара. «У меня нет средств», — отвечал Мухаммед. «А если бы тебе сделала предложение богатая женщина, да к тому же красивая и знатная?» — «Кто же это?» — «Хадиджа!» — «Да этого быть не может!» — «Я это устрою», — сказал Майсара и, вернувшись к госпоже, передал ей весь разговор. Назначен был час их свидания, и дело прекрасно уладилось с той же быстротой и рассудительностью, какими отличался Мухаммед в своих отношениях с вдовой. Отец Хадиджи воспротивился этому браку ввиду бедности Мухаммеда — он разделял общее мнение, что богатство должно присоединиться к богатству. Но вдова мудро считала свое богатство только средством, дающим ей возможность следовать влечению сердца. Она устроила большой пир, на который были приглашены ее отец и другие родственники, дяди Мухаммеда и многие курайшиты. Вино лилось в изобилии, и вскоре воцарилось всеобщее веселье. Бедность Мухаммеда как препятствие к браку была забыта, и дорога к браку открылась.

Мухаммед распорядился, чтобы был зарезан верблюд и мясо роздали бедным. Двери дома его были открыты для всех; рабыни Хадиджи танцевали под звуки тамбуринов, и шумное веселье и радость царили всюду. Абу Талиб, забыв свои лета и обычную меланхолию, также отдался веселью по этому случаю. Он дал на свадьбу сумму, равноценную двадцати молодым верблюдам. Халема, кормилица Мухаммеда, была приглашена на праздник и получила в дар сорок овец, с которыми и вернулась, довольная, в свою пустыню.

Глава шестая

Жизнь Мухаммеда после свадьбы.
Его расположение к религиозным
размышлениям. Видение в пещере.
Провозглашение себя пророком

Брак с Хадиджей дал Мухаммеду возможность занять место среди самых богатых людей своего города. Благодаря нравственным своим качествам он имел огромное влияние на общество. Аллах, говорит историк Абульфедя, наградил его всеми дарами, какие нужны для совершенства и украшения честного человека; он был так чист и искренен, так далек от дурной мысли, что его больше знали под именем аль-Амин, то есть верный.

Вследствие необыкновенного доверия к его здравому смыслу и к честности сограждане часто в своих распрях обращались к его посредничеству. Существует предание, обрисовывающее мудрость, проявляемую Мухаммедом в подобных случаях.

Кааба, поврежденная огнем, потребовала восстановления, для чего священный «черный камень» нужно было переместить. Тут возник спор между начальниками разных племен из-за вопроса, кому из них принадлежит право выполнить эту священную обязанность, и они постановили, что решить это должен тот, кто первый войдет в ворота аль-Харамы. Случилось, что первым вошел Мухаммед. Выслушав все претензии, он распорядился, чтобы на землю был послан большой ковер, на него положен камень и по

одному человеку из каждого племени взяли за края этого ковра. Таким образом священный камень был перемещен, а затем приподнят до уровня, на котором находилось предназначенное ему место, куда уже собственноручно положил его Мухаммед.

У Мухаммеда и Хадиджи родились четыре дочери и два сына. Старший сын получил имя аль-Касим, почему и Мухаммеда, согласно арабскому обычаю, стали называть Абу аль-Касимом, или «отцом Касима». К несчастью, оба мальчика умерли в детстве.

В течение многих лет после женитьбы Мухаммед не бросил торговли, посещая большие арабские ярмарки и совершая дальние путешествия с караванами. Экспедиции эти, однако, не были уже так выгодны, как в былые дни, и поэтому состояние, взятое им за женой, не росло, а, скорее, уменьшалось. Впрочем, богатство это избавило его от необходимости трудиться ради обеспечения своего существования и дало ему досуг для религиозных размышлений, тяга к которым обнаружилась у него в раннем возрасте. Она, как мы видели, росла во время путешествий благодаря общению с евреями и христианами, составлявшими часть населения городов. Арабские пустыни, очевидно полные фантастических суеверий, тоже давали пищу его восторженным мечтам. После брака с Хадиджей на его религиозные мнения повлиял также Барака, двоюродный брат жены, человек пытливого ума и неопределенной веры. Сначала он был иудеем, потом христианином, но в то же время интересовался астрологией. Он достоин упоминания потому, что первым перевел на арабский язык часть Ветхого и Нового Заветов. Предполагают, что и Мухаммед заимствовал у него сведения об этих священных книгах, как и о преданиях Мишны и Талмуда, из которых он так много почерпнул для Корана.

Знания, полученные из таких разных источников и удержанные его превосходной памятью, шли вразрез с господствовавшим в Аравии идолопоклонством, которое практиковалось и в Каабе. Это священное здание постепенно наполнялось и окружалось идолами, число которых дошло наконец до трехсот шестидесяти, так что приходилось по

одному идолу на каждый день арабского года. Сюда с разных мест свозились идолы разных народов, из которых главный, Хобал, был доставлен из Сирии и имел, как утверждалось, власть вызывать дождь. Среди этих идолов были также Авраам и Измаил, почитаемые раньше как пророки и праотцы, теперь же изображенные с волшебными стрелами в руках — символами их магической власти. Мухаммед все больше и больше убеждался в грубости и нелепости идолопоклонства — особенно когда сопоставлял его с теми духовными религиями, которые изучал. В различных местах Корана ясно проглядывает господствующая идея, которая постепенно возникала в его уме, пока на ней наконец не сосредоточились все его помыслы и она не стала главной руководительницей всех его дел. Идеей этой была религиозная реформа. Из всех своих знаний и размышлений он почерпнул непоколебимую уверенность, что единственная истинная вера была возведена Адаму при сотворении его и исповедовалась до грехопадения. Религия эта состояла в прямом и духовном поклонении единому истинному Богу, Творцу неба и земли.

Мухаммед посчитал, что эта возвышенная и простая вера неоднократно искажалась и унижалась людьми, и проявлялось это главным образом в идолопоклонстве; поэтому время от времени для восстановления этой религии в ее первоначальной чистоте посылались пророки, вдохновленные откровением Всевышнего. Таковы были Ной, Авраам, Моисей, таков был и Иисус Христос. Каждым из них истинная религия была возрождаема на земле, но затем снова искажалась последующими поколениями. Вера, которую проповедовал и исповедовал Авраам, прибыв из Халдеи, стала, по-видимому, для Мухаммеда образцом религии, так как он очень чтит этого патриарха как отца Измаила, родоначальника своего племени.

Мухаммеду казалось, что время для реформы религии настало. Но для этого необходимо было пришествие нового пророка, призванного вернуть заблудших сынов человеческих на путь истины и восстановить поклонение Каабе, каким оно было во времена Авраама и патриархов. Мысли о тех преобразованиях, которые пророк должен произвести, по-видимому, не выходили у Мухаммеда из ума и все

более развивали в нем привычку к созерцательной жизни и к размышлениям, несовместимым с обычными житейскими заботами и с мирскою суетою. Передают, что он мало-помалу начал избегать общества и искать одиночества в пещере на горе Хира, мили на три севернее Мекки, где, подражая христианским пустынножителям, проводил дни и ночи в молитве и размышлениях. Таким же образом проводил он всегда и священный месяц арабов — рамадан. Упорная работа мысли над одним и тем же вопросом, сопровождаемая лихорадочным подъемом духа, не могла не иметь сильного влияния на организм: у него начались видения, галлюцинации, иступленные припадки. По словам одного из его биографов, он в течение полугода постоянно видел пророческие сны. Часто Мухаммед совсем переставал сознавать окружающее и лежал на земле в состоянии полного бесчувствия. Халиджа, как верная супруга разделявшая с ним иногда его уединение, с великой заботливостью относилась к нему. Она умоляла Мухаммеда открыть ей причину припадков, но он или избегал ее вопросов, или отвечал непонятно для нее. Некоторые из его противников приписывали его припадки эпилепсии⁵, но набожные мусульмане провозгласили их действием пророческой силы; указания Всевышнего, говорили они, уже проникали в его душу, и он перерабатывал идеи, слишком возвышенные для человеческого ума. Наконец то, что раньше виделось Мухаммеду смутно и только в грезах, стало ясным и очевидным после явления ангела и божественного откровения.

Мухаммеду было сорок лет, когда он получил это замечательное откровение. Он проводил, по своему обыкновению, месяц рамадан в пещере горы Хира, стремясь постом, молитвами и уединенными размышлениями возвысить свои мысли до понимания божественной истины. Настала ночь, называемая арабами аль-кадер, то есть ночь Божественного повеления; в эту ночь, согласно Корану, ангелы нисходят на землю и Гавриил возвещает повеления Бога; мир царит на земле, и священный покой воцаряется во всей природе до наступления утра.

Бодрствуя среди ночного безмолвия, Мухаммед услышал голос, зовущий его; когда он приподнял голову, то его озарил поток света невыносимого блеска, и он увидел ангела в образе человека, который, приближаясь к нему, развернул исписанный шелковый свиток. «Читай!» — сказал ему ангел. «Я не умею читать!» — ответил Мухаммед. «Читай, — повторил ангел, — во имя Бога, сотворившего Вселенную, создавшего человека из сгустка крови. Читай во имя Всевышнего, научившего человека пользоваться пером, озаряющего его душу лучом знания и открывающего ему то, чего он раньше не знал».

Тут Мухаммед почувствовал, что сознание его озарилось божественным светом, и он прочел написанные на свитке повеления Бога, как они впоследствии для всеобщего сведения изложены были им в Коране. Когда он окончил чтение, посланник неба воскликнул: «Ты, Мухаммед, воистину пророк Бога, а я его ангел, Гавриил!»

Мухаммед, дрожащий и взволнованный, пришел утром к Хадидже, не зная, правда ли то, что он видел и слышал, и верно ли, что он пророк, которому велено осуществить преобразование — предмет его долгих размышлений, или же все это было просто видением, обманом чувств, может быть, даже хуже того — обманом злого духа.

Но Хадиджа смотрела на все это глазами верующей и любящей женщины. В том, что произошло, она увидела исполнение желаний мужа и надеялась, что теперь закончатся его припадки и мучения. «Радостную весть принес ты мне! — воскликнула она. — Клянусь именем Того, в чьих руках находится душа Хадиджи, что с этих пор я буду считать тебя пророком нашего народа. Радуйся, — прибавила она, видя, что он еще мрачен, — Аллах не потерпит, чтобы это послужило к твоему позору. Разве ты не любил родных, разве не был добр к соседям, милосерд к бедным, гостеприимен к странникам, верен своему слову? Разве ты не был постоянным защитником истины?»

Хадиджа поспешила сообщить обо всем слышанном двоюродному брату своему Бараке, переводчику Священного Писания, который, как мы уже видели, был в вопросах религии домашним оракулом Мухаммеда. Он сразу, со

свойственным ему пылом, увлекся этим чудесным видением. «Клянусь именем Того, в чьих руках душа Бараки, — воскликнул он, — что ты говоришь правду, о Хадиджа! Ангел, являвшийся твоему мужу, — тот самый, который в былое время был послан к Моисею, сыну Амрама. Эта весть истинна. Муж твой действительно пророк!»

Говорят, что горячая уверенность Бараки сильно укрепила все еще колебавшийся ум Мухаммеда.

Глава седьмая

Мухаммед тайно передает другим
свое учение, получает новые откровения
и возвещает их своим родным.
Восторженная преданность Али.
Дурные предчувствия христиан

В течение некоторого времени пророк поверял свои откровения только домашним. Одним из первых, кто открыто объявил себя последователем Мухаммеда, был Зайд, его слуга-араб из племени калб. Этот юноша был в детстве взят в плен шайкой вооруженных курайшитов и затем перешел в собственность Мухаммеда. Через несколько лет отец Зайда, услышав, что он в Мекке, отправился туда и предложил выкупить его за значительную сумму денег. «Если он предпочтет отправиться с тобой, — сказал Мухаммед, — то пусть идет без выкупа, если же он сочтет лучшим остаться со мной, то как же мне не согласиться на это?» Зайд предпочел остаться на том основании, что к нему относятся не как к рабу, а, скорее, как к сыну. После этого Мухаммед усыновил его. Обратившись в новую веру, Зайд получил полную свободу, однако остался при Мухаммеде преданным слугой. Из дальнейшего рассказа мы увидим, что он на всю жизнь сохранил благоговейную привязанность к Мухаммеду, который, по-видимому, имел особый дар внушать ее своим последователям и подчиненным.

Первые шаги Мухаммеда в качестве пророка делались тайно. Он ощущал постоянную угрозу со стороны своих близких родственников из рода Хашима, все могущество

и благоденствие которых зависело от идолопоклонства, а еще больше от рода Абд Шима, с давних пор смотревшего завистливо и подозрительно на хашимитов и с величайшей радостью провозгласившего бы их еретиками и беззаконниками, чтобы отодвинуть от должности охранителей Каабы. Во главе рода Абд Шима стоял Абу Суфьян, сын Харба, внук Омейя и правнук Абд Шима. Это был человек даровитый, очень богатый, властолюбивый и влиятельный; позже он стал одним из наиболее упорных и сильных противников Мухаммеда.

Распространение новой веры шло медленно: в первые три года обращенных было не более сорока человек, преимущественно из среды людей молодых, иностранцев и рабов. Соборы для молитв устраивались тайно — или дома у кого-нибудь из посвященных, или в пещере недалеко от Мекки.

Одним из жесточайших противников Мухаммеда был его дядя Абу Лахаб, человек богатый, надменный и вспыльчивый. Сын его Утба был женат на Рукайе, дочери Мухаммеда, так что они были в двойном родстве. Абу Лахаб был, однако, в родстве и с врагами курайшитов, так как сам он был женат на Омм-Джемили, сестре Абу Суфьяна, и находился под сильным влиянием жены и зятя. Он относился неодобрительно к тому, что сам называл ересью племянника, находя, что она покроеет позором весь их род. Мухаммед принимал близко к сердцу злобное противодействие дяди и приписывал его влиянию Омм-Джемили. Враждебность Абу Лахаба печалила его и потому, что он видел, как она дурно отражается на счастье Рукайи, которая вынуждена была терпеть упреки со стороны мужа и его семьи.

Все это угнетало и усиливало болезненное настроение его ума. Мухаммед ослаб, сделался угрюм и все более и более стремился к уединенным размышлениям. Родные, замечая эту перемену, опасались, что он может заболеть душевно; другие же относились к Мухаммеду насмешливо и находили у него помрачение ума.

Вот в такой обстановке Мухаммеду было видение, в котором повелевалось «проповедовать и прославлять Господа». Теперь ему предстояло смело и открыто провозгласить свое

учение, и прежде всего своему роду и племени. На четвертом году своего посланничества он созвал всех курайшитов из рода Хашима сойтись на холме Сафа, близ Мекки, обещая сообщить им вести, очень важные для их благополучия. Среди тех, кто пришел по приглашению Мухаммеда, были Абу Лахаб с женой. Лишь только пророк заговорил о своей миссии и сообщил о своих откровениях, как Абу Лахаб в бешенстве вскочил с места, стал поносить Мухаммеда и схватил камень, чтобы бросить в него. Но пророк гневно взглянул на дядю и проклял его руку, поднявшуюся с угрозой, — он предсказал Абу Лахабу гибель в геенне огненной, причем прибавил, что Омм-Джемиль принесет пучок веток терна, чтоб разжечь этот огонь. И проклятие это, как считается, исполнилось.

Собрание разошлось в смущении. Абу Лахаб и Омм-Джемиль, взбешенные проклятием Мухаммеда, заставили сына своего Утбу развестись с Рукайей и отослать ее обратно к отцу. Впрочем, Рукайя скоро утешилась, выйдя замуж за правоверного Османа ибн аль-Аффана, ревностного ученика Мухаммеда.

Нимало не унывая после первой не самой удачной попытки, Мухаммед созвал второе собрание хашимитов в своем собственном доме, где, угостив их бараниной и молоком, возвестил полученные с неба откровения и божественное повеление сообщить их своим близким родственникам. «О дети Абд аль-Мутталиба, — воскликнул он восторженно, — вам, предпочтительно пред другими людьми, Аллах даровал эти самые драгоценные дары! От имени Его я предлагаю вам блаженство в этом мире и бесконечные радости в будущем. Кто из вас хочет разделить со мной предлагаемое бремя? Кто хочет быть моим братом, моим заместителем, моим визирем?»

Все молчали, а кое-кто улыбался недоверчиво и презрительно. Но тут вдруг вышел вперед Али и с юношеским энтузиазмом предложил себя к услугам пророка, заметив, правда, при этом, что пока слишком молод и слаб телесно. Мухаммед обнял великодушного юношу и прижал к своему сердцу. «Смотрите! Вот мой брат, мой визирь и мой намест-

ник! — воскликнул он. — Пусть все внимают его словам и повинуются ему!»

Порыв Али встречен был собравшимися взрывом презрительного хохота, и они принялись подтрунивать над Абу Талибом, отцом молодого новообращенного, говоря, что он должен падать теперь ниц перед сыном и повиноваться ему.

Но хотя учение Мухаммеда и было отвергнуто его родственниками и друзьями, оно постепенно стало находить понимание у простого народа — главным образом среди женщин, всегда готовых сочувствовать тому, кто подвергается преследованию. Многие евреи также проявили интерес к проповедям Мухаммеда, но, узнав, что он позволяет ученикам своим есть мясо верблюдов и других животных, не дозволенных их законом, евреи отвернулись от Мухаммеда и признали его веру нечистой.

А Мухаммед, отбросив всякую осторожность или, вернее, проникаясь все большей восторженностью, ходил всюду, открыто и ревностно проповедуя свое учение и выдавая себя за пророка, посланного Богом с целью уничтожить идолопоклонство и смягчить суровость еврейского и христианского законов. Холмы Сафа и Кубеис, освященные преданиями об Агари и Измаиле, были его любимыми местами проповеди, а гора Хира стала его Синаем, куда он в порывах возбуждения и восторга иногда удалялся и, пробыв несколько времени в уединенной пещере, появлялся с новыми откровениями Корана.

Христианские писатели, обсуждая появление Мухаммеда, которого называют врагом церкви, приводят суеверные рассказы о различных чудесах, совершившихся около того времени, — страшных предвестниках смут. В Константинополе явилось много уродов и были страшные видения, вселявшие ужас в сердца очевидцев. Во время некоторых религиозных процессий кресты внезапно начинали сами двигаться и сильно колебаться, приводя присутствующих в ужас и изумление. Нил — древняя мать чудес — родил двух монстров, не то мужчин, не то женщин, которые, выйдя из его вод, несколько времени страшно оглядывались кругом и потом снова скрылись в волнах. В течение целого дня

солнце казалось уменьшенным на треть против обыкновенной величины и бросало бледные, печальные лучи. В одну темную, безлунную ночь адский огонь ярким светом озарил небо, на котором засверкали кровавые копья.

Старые служители Бога мрачно качали головами, предсказывая наступление царства Антихриста, великих гонений на христиан и разорение церквей. Многие из этих святых высказывали намерения прославить Бога прежде, чем исполнятся их пророчества, и уже с высот небес смотреть с состраданием на смуты в христианском мире, подобно людям, которые, стоя на безоблачных высотах гор, смотрят вниз на бури, бушующие на земле, и на море, разрушающее высокие башни и потопляющее большие корабли.

Глава восьмая

Очерк мусульманской веры

Хотя мы и не имеем здесь в виду подробно изучать учение, проповедуемое Мухаммедом, нам необходимо, однако, рассмотреть его в главных чертах для верной оценки характера и деятельности Мухаммеда и тех событий и обстоятельств, о которых дальше пойдет речь.

Нужно, главным образом, помнить, что Мухаммед не объявлял открыто, что он основывает новую религию, а считал, что только возрождает веру, полученную людьми в очень давние времена непосредственно от Самого Бога. «Мы следуем, — говорится в Коране, — религии правоверного Авраама, не бывшего идолопоклонником. Мы верим в Бога и в то, что ниспослано нам и было ниспослано Аврааму и Измаилу, Исааку и Иакову и племенам их; верим в то, что было даровано от Господа Моисею и Христу и другим пророкам. Мы не делаем различия между ними и покоряемся Богу»⁶. Коран — великая книга, излагающая его веру, — появлялся не вдруг, а по частям, смотря по требованию обстоятельств и по степени возбуждения его чувств.

В Коране говорит как бы Само Божество. «Мы ниспослали тебе книгу истины, подтверждающую ее во всей чистоте»⁷. Закон Моисея был одно время правилом, руководящим жизнью людей. С пришествием Христа он заменен

Евангелием, а последнее в свою очередь должно уступить свое место Корану, который более полон, точен и ясен, чем предыдущие законы, и имеет в виду исправить искажения, которые вошли в них по небрежности или испорченности их последователей. После Корана не будет больше Божественных откровений. Мухаммед — последний и величайший из ряда пророков, посылаемых для возвещения воли Бога.

Единство Бога было краеугольным камнем этой исправленной религии. «Нет Бога, кроме Бога» — вот главный ее догмат. К этому руководящему догмату прибавлено: «Мухаммед — Божий пророк». Многие в Коране заимствованы из Библии, Мишны и Талмуда, в особенности же предания об ангелах, пророках, патриархах, злых и добрых джиннах. Мухаммед в детстве проникся уважением к еврейской вере, так как его мать, как предполагают, исповедовала эту религию.

Система, лежащая в основе Корана, опирается главным образом на христианское учение Нового Завета в том виде, как его усвоил Мухаммед, беседуя с христианскими еретиками в Аравии. Христос чтится высоко, как боговдохновенный пророк, величайший из всех посланных раньше Мухаммеда для исправления закона; но всякая мысль о его божественности отвергнута как нечестивая, а учение о Троице объявлено посягательством на единство Бога. И то и другое признано ошибочными или умышленными вставками толкователей; и мнение это, как увидим, разделяли и некоторые арабские христианские секты⁸.

Поклонение святым, иконам и картинам, их изображающим, отвергалось как уклонение от чистой христианской веры в сторону идолопоклонства, и таковы были взгляды несториан, с которыми Мухаммед, как мы видели, был коротко знаком.

Всякая живопись, изображающая живые существа, запрещалась. Мухаммед любил повторять, что ангелы не входят в дом, где имеются подобные изображения, а людей, рисующих их, они обяжут в будущем мире под страхом наказания найти душу для своих картин.

Большая часть христианских заповедей милосердия введена в Коран. Раздача милостыни считается обязанностью,

а непреложный закон справедливости — «поступай с другими так, как хочешь, чтобы и с тобой поступали» — предписан как нравственный долг для правоверных.

«Не поступай несправедливо с другими, — говорит Коран, — и никто с тобой не поступит несправедливо. Если должнику трудно уплатить долг, то кредитор должен ждать, пока ему будет легко, а лучше всего, если он обратит такой долг в милостыню».

Мухаммед проповедует благородную честность и искренность в поступках. «О купцы! — говаривал он. — Ложь и обман сродни торговле; очишайте же ее милостыней, отдавайте сколько-нибудь на дела милосердия, как бы в искупление; потому что Бога гневит обман, а милостыня смягчает Его гнев. Продающий негодную вещь и скрывающий ее недостатки вызывает гнев Божий и проклятие ангелов».

«Не пользуйтесь нуждой другого, чтобы купить у него за бесценок; лучше избавить его от нищеты».

«Накорми голодного, посети больного и освободи заключенного, если он неповинен».

«Не смотри гневно на ближнего и не ходи по земле бесцеремонно, потому что Бог не любит гордых и тщеславных. Ходи скромно и не возвышай голоса, потому что самый неблагоприятный из всех голосов есть голос осла».

Всякого рода идолопоклонство запрещалось, и действительно Мухаммед относился к нему с величайшим отвращением. Однако много религиозных обрядов с незапамятных времен укоренилось у арабов, к которым и сам он привык с детства; они были несовместимы с учением о единстве Бога, но были все-таки сохранены. Таковы были путешествия в Мекку и все обряды, сопряженные с почитанием Каабы, посещение колодца Земзем и других окрестных святых мест.

Древний арабский молитвенный обряд омовения, сопровождающий молитву или, скорее, предшествующий ей, был сохранен.

Молиться повелевалось в определенные часы дня и ночи; молитвы были составлены просто и обращены прямо к Богу, причем, когда требовались поклоны, а иногда и падение ниц, правоверные обращались к кибле, то есть месту поклонения.

После каждой молитвы читался стих из второй суры Корана. Говорят, что в арабском оригинале он чрезвычайно хорош; его вырезают на золотых и серебряных украшениях и на драгоценных камнях и носят как амулет. «Боже! Нет иного Бога, кроме Его, живого, вечно живущего, не спящего и не дремлющего. Ему принадлежат небеса и земля и все, что на них есть. Кто может предстать пред Ним без Его воли? Он ведает прошедшее и будущее, но никому не доступны Его знания, кроме тех, которые Он открывает. Он царит над небом и землей, и управлять ими не трудно Ему. Он Всевышний, Всемогущий».

Мухаммед настойчиво выставлял на вид важность и силу молитвы. «Ангелы, — говорил он, — одни днем, другие ночью, постоянно пребывают среди вас; когда ночные ангелы возвращаются на небо, Бог спрашивает их, в каком положении они оставили его создания. “Мы нашли и оставили их молящимися”, — ответят они».

Учение Корана относительно воскресения мертвых и Страшного суда до некоторой степени сходно с учением христианской религии, но к нему примешаны понятия, заимствованные из других источников. Таким образом к духовным блаженствам мусульманского рая примешаны земные, чувственные.

Описание последнего дня в восемьдесят первой суры Корана, данное Мухаммедом, вероятно, в начале своего посланничества в Мекку, не лишено величия.

«Наступит день, когда исчезнет солнце и звезды спадут с неба,

Когда самка верблюда, готовая родить, будет оставлена без призора, и когда дикие звери со страху соберутся все вместе,

Когда поднимутся волны океана и души умерших соединятся с телами своими,

Когда девочка-ребенок, погребенная заживо, спросит, за какое преступление принесена она в жертву,

Когда книги вечности будут раскрыты,

Когда небеса исчезнут, как бумажные свитки; когда ад яростно запыхает и явны станут блаженства рая,

В этот день откроются все дела каждой души,

Воистину, клянусь звездами, быстро несущимися и мерцающими при солнечном блеске, клянусь мраком ночи и рассветом дня, что слова эти не от злого духа, но от ангела, властного и достойного, которому доверяет Аллах и которого чтут другие, подвластные ему ангелы; клянусь, что собрат ваш, Мухаммед, не безумен. Он видел посланника небес при свете ясного дня, и ему открыты были слова увещевания для всех тварей».

Глава девятая

Насмешки над Мухаммедом
и его учением. Требование чудес.
Поведение Абу Талиба. Применение силы
курайшитами. Дочь Мухаммеда Рукайя
со своим мужем Османом и некоторыми учениками
пророка ищет убежище в Абиссинии. Мухаммед
в доме Оркама. Злоба Абу Джахля
и его наказание.

Мухаммеду в начале его пророческой деятельности было всего труднее бороться с насмешками противников. Все, знавшие пророка с детства, видевшие сначала мальчиком на улицах Мекки, а потом погруженного в обычные жизненные заботы, насмеялись над его апостольством. Когда он проходил мимо, его поднимали на смех и, указывая на него пальцами, кричали: «Смотрите на внука Абд аль-Мутталиба, утверждающего, что он знает все, что творится на небе!» Очевидцы же его припадков считали Мухаммеда помешанным; некоторые уверяли, что он одержим злым духом, другие же обвиняли его в колдовстве и чародействе.

Проходя по улицам, он подвергался тем насмешкам, упрекам и оскорблениям, какие чернь всегда любит изливать на человека, отличающегося иною жизнью и независимостью ума. Когда он начинал проповедовать, голос его заглушался неистовым шумом и непристойными песнями; в него даже бросали грязью, когда он молился в Каабе.

Но не только чернь и невежды осыпали его оскорблениями; одним из самых грозных его противников был юноша по имени Амру; и так как он впоследствии займет видное место в истории ислама, мы хотим дать читателю понятие

о тех обстоятельствах, при которых он впервые выступил. Он был сын жившей в Мекке куртизанки, до того обаятельной, что она могла бы соперничать с Фринами и Аспазиями Греции; в числе ее любовников было немало лиц очень знатного происхождения. Родив этого ребенка, она назвала многих людей из курайшитов, имевших одинаковые права считаться его отцом. Но так как его признавали больше всего похожим на Ааса, самого старого из ее поклонников, то к имени Амру начали прибавлять ибн аль-Аас, то есть сын Ааса.

Природа щедро одарила этого незаконнорожденного ребенка — вероятно, дабы загладить бесчестие его рождения. В молодости он уже был одним из самых популярных поэтов Аравии и одинаково отличался как едкостью своей сатиры, так и пленительной нежностью своих серьезных песен.

Когда Мухаммед впервые возвестил о своей миссии, этот юноша осыпал его пасквилями, которые, приходясь по вкусу арабам и быстро распространяясь, задерживали рост ислама больше, чем самые жестокие преследования.

Люди, противодействовавшие Мухаммеду, требовали от него сверхъестественных доказательств истинности его утверждений. «Моисей, Иисус и другие пророки, — говорили они, — чудесами доказывали божественность своего посланничества. Если ты действительно пророк, и даже больший, чем они, то твори хоть такие же чудеса».

Ответ на это дан Мухаммедом в Коране. «Какое чудо может быть больше Корана, книги откровения, написанной при посредстве неграмотного человека? Язык ее так возвышен, доводы так неоспоримы, что дары дьявола и человека, соединенные вместе, не могли бы составить ничего подобного. Какое же еще нужно большее доказательство, что книга эта исходит от Самого Бога? Сам Коран есть чудо».

Но они требовали других чудес. Им хотелось, чтобы он заставил немого говорить, глухого — слышать, слепого — видеть, мертвого — воскреснуть; или чтобы он изменил вид природы: заставил бы источники переполниться водой; превратил бы бесплодную местность в цветущий сад с пальмами, виноградными лозами и журчащими ручьями; воздвиг

бы золотой дворец, осыпанный жемчугом и драгоценными камнями; или в их присутствии вознесся бы на небо. Наконец, если Коран действительно, как он утверждает, ниспосылается с неба, то им хотелось бы видеть, как он нисходит, или увидеть ангела, приносящего его, — тогда бы они поверили.

Мухаммед, возражая, то приводит доказательства, то прибегает к угрозам. Он говорит: «Я — человек, посланный Богом, Его апостол. Если бы ангелы являлись обыкновенно на земле, то, наверно, ангел послан был бы для этой миссии; и как жалко было бы тогда положение тех людей, которые, как в настоящем случае, не поверили бы его словам! Они не могли бы рассуждать и спорить, как со мной; у них не было бы времени для того, чтобы убедиться, и их гибель была бы мгновенна. Бог не нуждается в ангелах, чтобы придать больше силы и значения моей миссии. Он сам является свидетелем между мной и вами. Те, которым Он даст способность убедиться, поверят искренно; те же, которых Он допустит остаться в заблуждении, не найдут никого, чтобы помочь их неверию. В день воскресения они предстанут слепыми, глухими, немыми и будут пресмыкаться, наклонив лицо к земле. Обителью их будет неугасаемая огненная геенна. Такова будет кара за их неверие».

«Вы настаиваете на чудесах. Бог дал Моисею силу творить чудеса. И что же вышло? Фараон пренебрег его чудесами, обвинил его в волшебстве и старался изгнать его вместе с народом из страны; но фараон был потоплен вместе с войском своим. Станете ли вы, зная это, искушать Бога чудесами и подвергаться опасности, чтоб и вас постигли кары, ниспосланные на фараона?»

Аль-Маалем, арабский писатель, рассказывает, что некоторые из учеников Мухаммеда однажды присоединились к крику толпы, требовавшей чудес, настаивая, чтобы он раз навсегда доказал божественность своего посланничества, превратив в золото холм Сафа. Слыша отовсюду такие настойчивые требования, Мухаммед предался молитве; кончив ее, он объявил своим последователям, что архангел Гавриил возвестил ему: если бы Бог внял его молитве и сотворил желаемое чудо, то все не уверовавшие

в Него были бы истреблены. Из сострадания к толпе, упорной в своем неверии, он не хочет подвергать ее истреблению; таким образом, холму суждено было остаться в прежнем виде.

Другие мусульманские писатели утверждают, что Мухаммед иногда отступал от предписанного себе правила и творил чудеса, а именно — когда находил, что его слушатели чересчур слабы в вере. Так, однажды в присутствии толпы он, говорят, подозвал быка и снял с его рога свиток, на котором написана была глава Корана, только что ниспосланная с неба. В другой раз, когда он проповедовал народу, белый голубь закружился над ним и, сев потом на плечо, как будто нашептывал ему что-то на ухо. По словам Мухаммеда, этот голубь был ниспослан Богом. Наконец, однажды он велел вырыть перед собой яму, в которой оказались два кувшина, один — с медом, другой — с молоком. Пророк объяснил, что это — символы изобилия, обещанного небом всем, кто будет повиноваться его законам.

Христианские писатели отнеслись с насмешкой к этим чудесам, объясняя, что голубь был приучен к этому делу и по привычке искал пшеничного зерна в ухе Мухаммеда, что свиток был ранее привязан к рогам быка, а кувшины с молоком и медом заранее закопаны в землю. В общем, лучше всего было бы совершенно отбросить в сторону эти чудесные истории как сказки, придуманные фанатиками, как это и признано наиболее серьезными мусульманскими комментаторами.

Нет доказательств того, чтобы Мухаммед пускался на подобного рода проделки с целью придать больше силы своему учению и упрочить свои притязания на роль пророка. По-видимому, он в эту раннюю и нерешительную пору своей деятельности полагался только на свой ум и красноречие, вдохновляемое религиозным энтузиазмом. Его настойчивые нападки на идолопоклонство, развратившее и заменившее первоначальное почитание Каабы, имели заметное влияние и встревожили курайшитов. Они настаивали, чтобы Абу Талиб или заставил племянника замолчать, или выгнал его вон. А затем, видя тщетность своих требований, они объявили старику, что если этот мнимый пророк и его после-

дователи будут упорствовать в своей ереси, то поплатятся за это жизнью.

Абу Талиб поспешил уведомить Мухаммеда об этих угрозах и умолял его не восстанавливать против себя и своей семьи многочисленных и сильных врагов.

Энтузиазм Мухаммеда выразился в следующих словах: «О дядя! — воскликнул он. — Если бы они восстановили против меня справа солнце, а слева месяц, я и тогда не отказался бы от своей задачи, пока Бог не повелел бы мне сделать это или не взял бы меня отсюда».

Он удалился опечаленный, но Абу Талиб снова позвал его. Старик не был еще правоверным, но его восхищала непоколебимая стойкость племянника, и он объявил ему, что, сколько бы тот ни проповедовал, он не выдаст его врагам. Чувствуя, что сам он не может оказать племяннику достаточно сильного покровительства, старик обратился к другим потомкам Хашима и Абд аль-Мутталиба для защиты их родственника от преследования со стороны остальных курайшитов. Семейные узы очень сильны у арабов, и, хотя приходилось защищать то, что они считали опасной ересью, все, однако, изъявили согласие, кроме дяди Мухаммеда — Абу Лахаба.

Ожесточение против Мухаммеда нарастало, и наконец дошло до насилия. На пророка напали в Каабе и едва не задушили его. Абу Талиб с трудом спас его и сам пострадал во время схватки. Ближайшие родственники пророка сделались предметом ненависти, в особенности же дочь его Рукайя и ее муж Осман ибн аль-Аффан. Те же из учеников его, у которых не было сильных друзей-защитников, рисковали поплатиться жизнью. Сильно тревожась об их безопасности, Мухаммед посоветовал им удалиться от его опасного общества и искать убежища в Абиссинии. Красное море довольно узко, и достичь африканского берега было нетрудно. Абиссинцы были несторианами, их наджаши, или царь, пользовался славой человека веротерпимого и справедливого, и Мухаммед был уверен, что его дочь и бежавшие ученики найдут у него верное убежище.

Осман ибн аль-Аффан возглавил небольшой мусульманский отряд, состоявший из одиннадцати мужчин и четы-

рех женщин. Они пустились в путь по берегу моря к Джидде, гавани, находящейся на расстоянии двухдневного пути к востоку от Мекки, где нашли два абиссинских корабля; на них Осман и его люди и переправились на абиссинский берег, где надеялись найти себе приют.

Событие это, случившееся в пятый год миссии Мухаммеда, названо первой хиджрой, или бегством, в отличие от второй хиджры, или бегства, самого пророка из Мекки в Медину. Хороший прием, оказанный беглецам, побудил и других приверженцев Мухаммеда последовать их примеру, так что число мусульман, укрывавшихся в Абиссинии, дошло до восьмидесяти трех мужчин и восемнадцати женщин, не считая детей.

Курайшиты, убедившись, что Мухаммеда нельзя заставить замолчать и что число обращенных им увеличивается с каждым днем, издали закон, по которому все последователи его подлежали изгнанию. Мухаммед удалился, прежде чем разразилась гроза, и укрылся у одного из своих учеников по имени Оркам, дом которого находился на холме Сафа. Этот холм, как мы уже говорили, упоминается в арабских преданиях как место, где Адаму и Еве еще раз позволено было сойтись после долгого одинокого странствования по земле, последовавшего за изгнанием их из рая. Холм этот также связан в предании с судьбой Агари и Измаила.

Целый месяц оставался Мухаммед в доме Оркама, где откровения его продолжались и куда собирались к нему приверженцы из разных частей Аравии. Злоба курайшитов последовала за ним и в это убежище. Абу Джахль, араб этого племени, разыскал его, осыпал обидными словами и даже нанес оскорбление действием. Об этом донесли Хамзе, дяде Мухаммеда. Хамза не был приверженцем ислама, но он обещал покровительствовать племяннику. Держа слабо натянутый лук, он вошел в собрание курайшитов, где Абу Джахль хвалился своим подвигом, и ударил хвастуна по голове. Толпа родственников Абу Джахля бросилась на помощь к пострадавшему, но тот, страшась могучей руки горячего Хамзы, сказал: «Оставьте его, я действительно очень грубо отнесся к его племяннику».

Для смягчения своей вины он сослался на вероотступничество Мухаммеда, но это не могло успокоить Хамзу. «Хорошо! — вскричал Хамза с яростным презрением. — Я тоже не верю в ваших каменных богов! Разве вы можете силой принудить меня к этому?!» Гнев произвел в душе его переворот, который не мог совершиться под влиянием рассудка. Он тотчас же поклялся в верности пророку и стал одним из самых ревностных и доблестных поборников новой веры

Глава десятая

Омар ибн аль-Хаттаб, племянник Абу Джахля, собирается убить Мухаммеда, чтобы отомстить за своего дядю. Чудесное обращение Омара ибн аль-Хаттаба. Мухаммед находит убежище в замке Абу Талиба. Абу Суфьян во главе враждебного колена курайшитов преследует Мухаммеда и его приверженцев. Мухаммед покидает свое убежище и приобретает новых приверженцев. Легенда об обращении Хабиба Мудрого

У Абу Джахля был племянник по имени Омар ибн аль-Хаттаб — двадцатилетний гигант, необычайной силы и неустрашимой отваги. Его дикий вид смущал даже самых смелых, а его посох внушал зрителям больше ужаса, чем меч иного человека. Так повествует арабский историк Абу Абдаллах-Мохаммед ибн Омаль-Алвакеди, и последующие подвиги этого воина доказывают, что слова эти едва ли преувеличены.

По наущению дяди Абу Джахля этот свирепый араб взялся проникнуть в убежище Мухаммеда, который все еще жил в доме Оркама, и заколоть его кинжалом. Курайшиты обвиняются в том, что обещали ему за это кровавое дело сто верблюдов и тысячу унций золота, но это неправдоподобно: разгоряченный мстью племянник Абу Джахля не нуждался в подкупе. Направляясь к дому Оркама, он встретил одного курайшита, которому сообщил о своем намерении. Этот последний был тайным приверженцем ислама и попытался отклонить его от исполнения этого кровавого намерения. «Прежде чем убить Мухаммеда и навлечь на себя мсть его родственников, — сказал он, — ты посмотри, свободна

ли от ереси твоя собственная родня!» — «Разве и среди моих родственников есть вероотступники?» — спросил удивленно Омар. «Да, есть, — был ответ. — Это твоя сестра Амина и ее муж».

Омар быстро направился к жилищу сестры и, внезапно войдя к ним, застал ее вместе с мужем за чтением Корана. Зять попытался было спрятать книгу, но его смущение убедило Омара в правдивости обвинения. В исступлении он повалил зятя на пол, придавил ногою грудь и собирался пронзить его мечом, но тут вмешалась его сестра. Омар ударил ее по лицу. «Недруг Аллаха, — проговорила, рыдая, Амина, — неужели ты нанес мне этот удар за мою веру в единого истинного Бога? Вопреки тебе и твоей ярости я сохраню эту истинную веру. Да! — прибавила она с горячей набожностью. — Нет Бога, кроме Бога, и Мухаммед Его пророк. Теперь, Омар, довершай свое дело!» Но Омар остановился.

«Покажи мне писание», — сказал он. Амина, однако, не позволила ему дотронуться до священного свитка, пока он не омыл рук. Говорят, что он прочел из Корана двадцатую суру, начинающуюся таким образом:

«Во имя милосердного Бога! Мы не ради того ниспослали Коран, чтобы причинить несчастье человечеству; мы ниспослали его как наставление, чтобы научить людей верить в истинного Бога, Творца земли и необъятного неба.

Престол Милосердного в небесах; Ему принадлежит все и в небесной выси, и внизу, на земле, и все под землей.

Не громким ли голосом произносишь ты молитвы? Знай же, что в этом нет нужды, потому что Богу ведомы самые сокровенные тайники твоего сердца.

Воистину Я — Бог, и нет другого Бога, кроме Меня. Служи только Мне и никому другому. Не обращай с молитвой ни к кому, кроме Меня».

Слова Корана глубоко проникли в сердце Омара. Он читал дальше, и внимание его все больше росло; когда же он дошел до той части, где говорится о воскресении и Страшном суде, обращение его уже совершилось.

Он продолжал путь к дому Оркама, но уже совсем в другом настроении. Скромно постучавшись в дверь, он попросил впустить его.

«Войди, сын аль-Хаттаба! — воскликнул Мухаммед. — Зачем ты явился сюда?» — «Я пришел внести свое имя в список верующих в Бога и Его пророка».

Омар не успокоился до тех пор, пока весть о его обращении не разнеслась всюду. По его просьбе Мухаммед тотчас же отправился с ним в Каабу, чтобы публично совершить исламские обряды. Омар шел по левую, а Хамза — по правую руку пророка, чтобы охранять его от поношений и издевательств, а за ними следовало более сорока учеников. При свете дня прошли они по улицам Мекки, вызвав этим удивление жителей, и семикратно обошли вокруг Каабы, прикасаясь при этом каждый раз к священному «черному камню» и выполняя другие соответствующие церемонии. С ужасом смотрели на эту процессию курайшиты, но не решились приблизиться к пророку и оскорбить его, уstraшенные взглядами таких смелых воинов, как Хамза и Омар, — их глаза сверкали, как у львицы, лишенной детеныша. Отважный и решительный во всем, Омар на следующий же день отправился один помолиться к Каабе, сделав этим открытый вызов курайшителям.

Со временем Омар сделался знаменитейшим поборником ислама. Курайшиты были так ожесточены этим новым торжеством Мухаммеда, что Абу Талиб стал опасаться новых покушений на жизнь племянника. Настойчивые просьбы его заставили Мухаммеда в сопровождении некоторых своих последователей удалиться в принадлежавший Абу Талибу укрепленный замок, находившийся недалеко от города.

Тем временем Абу Суфьян воспользовался якобы ересью пророка, чтобы обесславить не только родичей, принявших его веру, но и весь род хашимитов, который покровительствовал Мухаммеду. Он и его последователи объявили о запрещении всему племени курайшитов вступать в брак и поддерживать какие бы то ни было, даже торговые, отношения с хашимитами, пока они не выдадут Мухаммеда. Указ этот был написан на пергаменте и вывешен в Каабе. Это поставило Мухаммеда и его учеников в крайне затруднительное положение: они оказались в замке Абу Талиба чуть ли не в осаде, и порой им приходилось голодать.

Лишь ежегодное время богомолья, когда со всех концов Аравии богомольцы отправлялись в Мекку, приносило временное облегчение преследуемым мусульманам. В продолжение этого священного периода по закону и по стародавнему обычаю, существовавшему у арабов, все распри прекращались — враждующие племена заключали перемирие с целью спокойно посетить Каабу. В это время и Мухаммед с учениками отваживались являться в Мекку. Пользуясь привилегией священного месяца, Мухаммед вливался в толпу богомольцев и молился. В эти дни он приобретал многих последователей, которые, возвращаясь домой, заносили в отдаленные области семена новой веры. Среди этих обращенных встречались иногда главы племен, пример которых имел влияние на их подданных. Арабские легенды передают рассказ об обращении одного из таких вождей. В этом рассказе упоминаются некоторые наиболее известные чудеса, приписываемые Мухаммеду, и поэтому нелишне будет кратко изложить его.

Вождя, или князя, о котором идет речь, звали Хабиб ибн Малек; за свои обширные знания и ученость он получил прозвание Мудрого. Ему приписывают основательное знакомство с магией и другими науками, равно как и со всеми религиями, так как он перечитал все, что было о них написано; он приобрел также практические о них сведения, потому что поочередно принадлежал к каждой из них: был иудеем, христианином и волхвом. Правда, у него для этого было больше времени, чем у обыкновенных людей, потому что, по арабским легендам, он дожил до ста сорока лет. В этот раз он явился в Мекку во главе сильной двадцатитысячной рати и привез с собой молодую дочь Сатиху, родившуюся, вероятно, тогда, когда он уже был в зрелом возрасте. За нее он возносил теперь молитвы в Каабе, потому что Сатиха была глухонемая, слепая и страдала параличом всех членов.

Легенда повествует, что Абу Суфьян и Абу Джахль донесли Хабибу Мудрому о ереси так называемого пророка и убедили его вызвать Мухаммеда к себе, дабы тот изложил и попытался защитить свое учение. В глубине души они надеялись, что настойчивость Мухаммеда навлечет на него смерть.

Мухаммед был в доме Хадиджи, когда его пригласили на судилище. Жена в ужасе закричала, а дочери Мухаммеда принялись обнимать его со слезами, думая, что он отправляется на верную смерть.

Он приблизился к месту испытания в простой белой одежде, в черной чалме и в плаще из аденской материи, принадлежавшем деду его Абд аль-Мутталибу. Волосы его развевались по плечам, лицо озарялось таинственным светом пророчества, и несмотря на то, что он не умясал своей бороды и не пользовался никакими благовониями, исключая небольшое количество мускуса и камфоры для усов, тем не менее благоухание разливалось всюду, где он проходил.

Высокочтимый Хабиб встретил Мухаммеда любезно и тотчас же приступил к делу. Первый вопрос его был: «Говорят, что ты считаешь себя за пророка, посланного Богом? Правда ли это?» — «Правда, — отвечал Мухаммед. — Аллах послал меня возвестить истинную веру». — «Хорошо, — возразил сдержанно мудрец, — но каждый пророк доказывал свое посланничество знамениями и чудесами: Ной — радугой, Соломон — таинственным кольцом, Авраам — огнем в горниле, который по его повелению делался холодным, Исаак — агнцем, принесенным взамен его в жертву Богу, Моисей — чудесным жезлом, а Иисус — воскрешением мертвых и укрощением бури одним словом Своим. Поэтому если ты действительно пророк, то сотвори в доказательство этого чудо».

Первым делом Мухаммед должен был угадать, что находится в палатке Хабиба и с какой целью оно привезено им в Мекку.

Как повествует легенда, Мухаммед наклонился и начал что-то чертить на песке, потом поднял голову и отвечал: «О Хабиб! Ты привез сюда глухонемую, слепую, убогую дочь твою Сатиху, надеясь, что небеса дадут ей исцеление. Иди в палатку, поговори с ней, выслушай ее ответ и познай всемогущество Бога».

Старый князь поспешно направился к своей палатке, а навстречу ему, легко ступая и протягивая руки, вышла дочь его, совершенно здоровая. Глаза ее сияли радостью, лицо

освещалось улыбкой; она казалась очаровательнее луны в безоблачную ночь.

Второе чудо совершить было еще труднее: Мухаммеду надлежало покрыть полуденное небо сверхъестественной мглой и повелеть луне опуститься и остановиться над вершиной Каабы.

И это чудо было совершено пророком так же легко, как и первое. По его повелению яркий дневной свет сменился мглой, луна, отклонившись от своего пути, начала блуждать по небу. Движимая непреодолимой силой пророка, она опустилась и остановилась над Каабой. После этого она, подобно богомольцам, семь раз обошла вокруг нее и стала над Мухаммедом, мерцая и колеблясь, подобно сверкающему мечу.

Не довольствуясь этим чудом, говорит далее легенда, Мухаммед заставил послушное светило войти в правый рукав своего плаща и выйти через левый, потом разделиться на две части, из которых одна направилась к востоку, а другая — к западу, а затем, соединившись в центре неба, снова засиять чудным ярким шаром. Излишне упоминать, что Хабиб Мудрый был убежден и обращен этими чудесами⁹ так же, как и четыреста семьдесят жителей Мекки. Абу Джахль, однако, еще более ожесточился в неверии и кричал исступленно, что все это — обман и колдовство.

Глава одиннадцатая

Указ, запрещающий людям отношения с пророком, таинственно уничтожается,

что дает возможность Мухаммеду

вернуться в Мекку. Смерть Абу Талиба

и Хадиджи. Помолвка Мухаммеда с Аишей.

Женитьба на Савде. Курайшиты возобновляют преследование. Мухаммед ищет убежища в Таифе.

Изгнание Мухаммеда из Таифа.

Дух является Мухаммеду в Наклахской пустыне

Прошло три года с тех пор, как Мухаммед поселился с учениками в замке Абу Талиба. Запрет на любые их контакты с остальным племенем все еще действовал. Однако мало-помалу среди курайшитов началось недовольство этим противостоянием, многие хотели завершить дело миром, и Абу Суфьяну пришлось поумерить пыл.

Тут вдруг оказалось, что пергамент в Каабе, на котором был написан запрет, уничтожился и от всего текста остались только заглавные слова: «Во имя Твое, о Всемогущий Бог!» Указ поэтому был признан отмененным, и Мухаммеду с его последователями позволили вернуться в Мекку. Последователи Мухаммеда увидели в этом таинственном уничтожении пергамента новое чудо, между тем как неверующие догадывались, что документ этот, который в сложившихся обстоятельствах перестал быть выгоден Абу Суфьяну, был уничтожен рукою человеческой.

Вскоре после возвращения Мухаммеда в Мекку умер Абу Талиб. Когда час смерти уже приближался, Мухаммед начал уговаривать дядю прочитать символ веры, чтобы, по исламу, обеспечить себе блаженное воскресение. Но в груди уми-

рающего патриарха еще тлела искра гордости. «О сын брата моего, — отвечал он, — если бы я прочел эти слова, курайшиты сказали бы, что я сделал это, убоявшись смерти».

Историк Абульфеда утверждает, что Абу Талиб умер верующим. Аль-Аббас, повествует он, наклонился над изголовьем своего отходящего брата и, заметив движение его губ, приблизил ухо, чтобы уловить последние слова умирающего, и услышал желанный символ веры. Другие утверждают, что последние слова его были: «Я умираю в вере Абд аль-Мутталиба». Комментаторы постарались примирить эти два рассказа, утверждая, что Абд аль-Мутталиб перед кончиной своей отрекся от идолопоклонства и уверовал в единого Бога.

Едва миновало три дня после смерти Абу Талиба, как умерла Хадиджа, верная и преданная жена Мухаммеда. Ей было шестьдесят пять лет. Мухаммед горько плакал у ее гроба и облекся в траур в память о ней и Абу Талибе, так что год этот назван был годом скорби. Утешением в печали, рассказывает арабский историк Абу Хорейра, послужило Мухаммеду то, что ему явился архангел Гавриил и возвестил, что Хадидже дан в раю серебряный дворец в награду за ее великую веру и услуги, оказанные делу ислама.

Хотя Хадиджа была гораздо старше Мухаммеда и, выходя замуж, уже пережила пору цветущей молодости, когда восточная женщина только и бывает пленительна, и хотя пророк одарен был страстным темпераментом, он все-таки, говорят, оставался верен ей до конца и никогда не пользовался арабским законом, позволявшим многоженство. Мухаммед избегал вводить в ее дом соперницу, но, когда она сошла в могилу и первый порыв скорби миновал, Мухаммед стал искать утешения в новом браке и разрешил себе многоженство.

Его первый выбор через месяц после смерти Хадиджи пал на дочь верного его последователя Абу Бакра — очаровательную Аишу. Может быть, он желал этой связью еще больше привлечь на свою сторону Абу Бакра, самого храброго и известного человека из числа всех его соплеменников. Аише было, однако, всего только семь лет, и, хотя жен-

щины рано развиваются в жарком климате, все же она была еще слишком молода для брачной жизни. Поэтому Мухаммед и Аиша были только помолвлены, свадьба же была отложена на два года, в течение которых пророк заботился, чтобы будущая жена получила образование и воспитание, приличное для арабской девушки высокого звания.

К этой жене, избранной им в самом расцвете ее юности, он чувствовал страстную любовь — Мухаммед любил Аишу больше, чем всех последующих жен. Всем им брачная жизнь была известна раньше, и только Аиша пришла к нему чистой и непорочной девственницей.

Но пророк не мог оставаться без необходимого утешения, пока Аиша подрастала, и потому взял себе в жены Савду, вдову Сокрана, одного из верных своих последователей. Савда была кормилицей его дочери Фатимы. Утверждают, что, будучи в числе правоверных, бежавших в Абиссинию от преследований со стороны жителей Мекки, она получила таинственное откровение о чести, ожидавшей ее в будущем. Ей приснилось, что Мухаммед склонил к ней на грудь свою голову. Она пересказала сон Сокрану, который объяснил это как предсказание скорой своей смерти и ее брака с пророком.

Был ли предсказан этот брак или нет, но случился он ради простого удобства. Мухаммед никогда не любил Савду той любовью, которую он выказывал другим своим женам. Впоследствии он хотел развестись с ней, но она упросила его оставить за ней только звание его жены, предлагая передавать Аише свое право на брачное ложе, когда очередь будет доходить до нее. Мухаммед согласился на это предложение, и Савда продолжала быть номинальной его женой в течение всей своей жизни.

После смерти Абу Талиба некому было противодействовать и обуздывать неприязнь Абу Суфьяна и Абу Джахля, и вскоре Мухаммед счел дальнейшее пребывание на родине опасным для себя. Он отправился со своим вольноотпущенником Зайдом искать убежища в Таифе — в небольшом городке, находившемся в семидесяти милях от Мекки. Город этот населен был арабами из племени такиф и представлял

собой один из самых отрадных уголков Аравии; здесь было много виноградников и садов, где росли персики и сливы, гранаты, смоковницы и финики. Свежие зеленые луга и плодородные поля представляли такую резкую противоположность с бесплодием соседних пустынь, что арабы сочинили басню, будто местечко это составляло раньше часть Сирии, оторванную и занесенную сюда во время потопа.

Мухаммед вошел в таифские ворота, до известной степени полагаясь на покровительство влиятельного дяди своего аль-Аббаса, имевшего здесь свои владения. Но это было худшее место для его убежища, потому что в Таифе царило идолопоклонство. Здесь поклонялись богине аль-Лат, каменное изображение которой было усыпано жемчугом и драгоценными камнями. Жители Таифа верили, что она — живое существо, дочь Бога, и молили ее о заступничестве.

Мухаммед пробыл в Таифе около месяца. Проповеди его ничего не принесли. Не раз его пытались побить камнями. Наконец народ в ярости изгнал его из города, за стенами которого толпа рабов и детей еще долго преследовала его ругательствами.

Изгнанный из Таифа, который он ошибочно считал надежным приютом, и не решаясь открыто вернуться в родной город, Мухаммед оставался в пустыне до тех пор, пока Зайд не нашел ему тайного убежища у друзей своих в Мекке.

Доведенный преследованиями до крайности, Мухаммед имел одно из тех видений, которые, по-видимому, представлялись ему всегда в минуты духовного волнения или когда он находился в уединении и, как можно предположить, бывал в состоянии крайнего умственного возбуждения. По его собственным словам, произошло это после вечерней молитвы в пустынном месте долины Наклах, между Меккой и Таифом. Он читал Коран, слова которого долетели до уха находившейся вблизи толпы джиннов¹⁰. Эти духи, одни добрые, другие злые, подлежат, подобно человеку, наградам и наказаниям в будущем. «Слушайте! Слушайте!» — говорили джинны друг другу. Они остановились и внимали чтению Мухаммеда. «Истинно, — сказали они наконец. — Мы слы-

шали дивное поучение, ведущее к истинному пути; отныне мы верим этому».

Это видение несколько примирило Мухаммеда с изгнанием из Таифа, показав ему, что хотя он и учение его и отвергаются людьми, зато духи относятся к нему с благоговением. По крайней мере, такое заключение мы можем вывести из упоминаний об этом в сорок шестой и семьдесят второй сурах Корана. После этого Мухаммед провозгласил, что послан для обращения в истинную веру не только человеческого рода, но и джиннов тоже.

Глава двенадцатая

Ночное путешествие пророка из Мекки
в Иерусалим и оттуда —
на седьмое небо

Когда найден был приют для Мухаммеда в доме Мутема Ибн Ади, одного из его последователей, пророк отважился вернуться в Мекку. За сверхъестественным появлением духов в долине Наклах вскоре последовало еще более необычайное видение или откровение, ставшее с тех пор темой для различных толков и догадок. Речь идет о знаменитом ночном путешествии Мухаммеда в Иерусалим, а оттуда — на седьмое небо. Подробности этого путешествия относятся к области легенд, хотя и передаваемых будто бы подлинными словами самого Мухаммеда; впрочем, некоторые приводят в подтверждение их различные тексты, рассеянные по Корану.

Мы не имеем возможности представить это событие во всей его полноте, но постараемся осветить самые существенные его черты.

Ночь, в которую оно произошло, описывают как самую темную, самую безмолвную, какую когда-либо приходилось переживать людям. Не было слышно ни пения петухов, ни лая собак, ни рева диких зверей, ни крика сов. Воды перестали журчать, умолк свист ветра, вся природа казалась неподвижной, мертвой. В полночь громкий голос разбудил Мухаммеда: «Проснись, спящий!» Перед ним стоял архангел Гавриил. Чело его было ясно и безмятежно, цвет лица

не уступал в белизне снегу, волосы развевались по плечам, крылья ослепляли своим блеском, а расшитая золотом одежда была усеяна жемчугом.

Он привел Мухаммеду чудную по качествам белую лошадь, какую пророку никогда еще не приходилось видеть; и действительно, она отличалась от всех животных, кем-либо описанных раньше. Лицо у нее было человеческое, но щеки — лошадиные; глаза подобны гиацинтам и блестели, как звезды. Ее орлиные крылья сияли светлыми лучами, и все туловище сверкало алмазами и драгоценными камнями. За свою лучезарную красоту и невероятную быстроту эта кобыла звалась Бурак, или «молния».

Мухаммед собрался было вскочить на этого необыкновенного скакуна, но лишь только он протянул руку, как лошадь отпрянула и встала на дыбы.

«Смирно, Бурак! — сказал Гавриил. — Уважай пророка, посланного Богом. Ни один еще смертный, ездивший на тебе, не был так прославлен Аллахом». — «О Гавриил! — отвечала Бурак, чудодейственно получившая в это время дар слова. — Разве Авраам, друг Бога, не ездил на мне в старину к сыну своему Измаилу? О Гавриил! Или, может быть, этот человек есть посредник, заступник и создатель правил веры?» — «Верно, Бурак, это — Мухаммед ибн Абдаллах, истинно верующий сын одного из племен Счастливой Аравии. Он — глава сынов Адамовых, величайший из божественных посланников, последний из пророков. Ни одно существо без его ходатайства не может войти в рай. Направо от него — небо, которое будет наградой для верующих в него; налево — геенна огненная, в которую будут ввергнуты все, не признавшие его учения». — «О, Гавриил! — попросила Бурак. — Во имя веры, связующей тебя и его, воздействуй на пророка, чтобы он оказал мне заступничество в день всеобщего воскресения». — «Будь уверена, Бурак! — воскликнул Мухаммед. — По моему ходатайству ты войдешь в рай».

Как только он произнес эти слова, лошадь приблизилась к нему и опустилась, чтобы дать ему возможность сесть в седло; потом она поднялась с Мухаммедом и вознеслась далеко выше гор Мекки.

Когда они летели, подобно молнии, между небом и землей, Гавриил крикнул: «Остановись, о Мухаммед! Сойди на землю и помолись, сделав два поклона!»

Спустившись на землю и помолившись, Мухаммед сказал: «О возлюбленный друг души моей! Почему ты повелел мне молиться на этом месте?» — «Потому что это — гора Синай, на которой Моисей общался с Богом».

Вознесшись на воздух, они снова быстро понеслись между небом и землей, но Гавриил крикнул вторично: «Остановись, Мухаммед! Спустись и помолись, сотворив два поклона».

Они спустились на землю. Мухаммед помолился и опять спросил: «Почему ты повелел мне молиться на этом месте?» — «Потому что это — Вифлеем, в котором родился Иисус, сын Марии».

Они возобновили свой воздушный полет, но вскоре справа от них раздался громкий голос: «О Мухаммед! Остановись на минуту. Мне нужно поговорить с тобой; я больше всех созданных существ предан тебе».

Но Бурак спешила вперед, и Мухаммед воздержался от остановки, потому что почувствовал, что не от него зависит остановить полет, но от всемогущего и всеславного Бога.

Тут послышался другой голос, произнесший те же самые слова, прося Мухаммеда остановиться, но Бурак, как и раньше, спешила вперед, и Мухаммед не останавливался. Тогда предстала перед ним девушка ослепительной красоты, украшенная всеми богатствами и всею роскошью земли. Она манила его привлекательными улыбками: «Остановись на минуту, о Мухаммед, позволь мне поговорить с тобой. Я — существо, наиболее преданное тебе». Но лошадь неслась дальше, и Мухаммед не остановился, однако обратился к Гавриилу: «Чьи голоса слышал я, — спросил он, — и что за девушка манила меня к себе?» — «Первый голос, о Мухаммед, был голос еврея. Если бы ты послушался его, то весь народ твой склонился бы на сторону иудейства. Второй голос был христианина. Если бы ты послушал его, весь твой народ склонился бы на сторону христианства. Девушка, явившаяся тебе, — это мир с его богатствами, тщеславием и обольщениями. Если бы ты выслушал ее, твой народ охот-

нее выбрал бы удовольствия этой жизни, чем вечное блаженство, и был бы весь осужден на вечную погибель».

Продолжая свое воздушное путешествие, они достигли ворот святого храма Иерусалимского, где Мухаммед слез с лошади и привязал ее к кольцу, к которому и раньше привязывали Бурак пророки. Потом он вошел в храм и нашел в нем Авраама, Моисея, Иисуса и многих других пророков.

Помолившись некоторое время вместе с ними, он увидел, что с неба спускается лестница, облитая сиянием, нижний конец которой уперся в основной камень святого храма. Поддерживаемый Гавриилом, Мухаммед с быстротою молнии стал подниматься по лестнице.

Прибыв на первое небо, Гавриил постучал в ворота. «Кто там?» — спросили изнутри. «Гавриил». — «Кто с тобой?» — «Мухаммед». — «Принял ли он свою миссию?» — «Принял». — «В таком случае да будет он желанным гостем!» И ворота перед ними открылись.

Первое небо было из чистого серебра, и с лучезарного свода его спускались звезды на золотых цепях. На каждой звезде стоял настороже ангел, чтобы воспрепятствовать демонам взбираться на священные выси. При входе Мухаммеда к нему приблизился старик, и Гавриил сказал: «Это твой отец Адам; воздай ему должное приветствие». Мухаммед исполнил требуемое, и Адам обнял его, назвав величайшим из сынов своих и первым между пророками.

На этом небе было бесчисленное множество разного рода животных; по словам Гавриила, это были ангелы, облекшиеся в такие формы, чтобы ходатайствовать перед Аллахом за различные земные породы животных. Среди них был громадный, ослепительной белизны петух, гребень которого касался второго неба, до которого дойти можно было лишь за пятьсот лет. Эта чудная птица своим чудным пением каждое утро приветствовала Аллаха. Все существа, живущие на земле, исключая человека, пробуждаются ее голосом, а другие петухи поют аллилуйя, подражая ей¹¹.

Затем они поднялись на второе небо. Гавриил, как и раньше, постучался в ворота; ему были заданы те же вопросы, и последовали те же ответы, после чего дверь отворилась, и они вошли.

Все это небо было из полированной стали и блестело ярким светом. Здесь они нашли Ноя, который, обняв Мухаммеда, приветствовал его как величайшего меж пророками.

Прибыв на третье небо, они вошли в ворота с теми же церемониями; небо все было украшено драгоценными камнями, слишком блестящими для глаз смертного. Здесь восседал ангел громадного роста; расстояние между глазами его равнялось семидесяти тысячам дней пути. Под его властью находилось сто тысяч батальонов вооруженных людей.

Перед ним лежала большая книга; он постоянно что-нибудь или вписывал в нее, или вычеркивал. «Это, о Мухаммед, — сказал Гавриил, — Азраил, ангел смерти, исполняющий волю Аллаха. В книгу, находящуюся перед ним, он постоянно вписывает имена тех, кто должен родиться, и вычеркивает имена проживших свое время и умирающих в данный момент».

Затем они вознеслись на четвертое небо, состоящее из самого чистого серебра. Среди обитающих на нем ангелов был один, рост которого равнялся пятистам дням ходьбы. Выражение лица его было грустное, и потоки слез струились из его глаз. «Это, — сказал Гавриил, — ангел слез, назначенный оплакивать грехи сынов человеческих и предсказывать горести, которые им предстоят».

Пятое небо было из золота. Здесь встретил его Аарон, обнимая и всячески приветствуя. На этом небе восседал ангел мести и управлял огненной стихией. Из всех ангелов, которых пришлось видеть Мухаммеду, этот был самый безобразный и самый страшный. Лицо его, покрытое шишками и бородавками, казалось медным, глаза же метали молнии. Он сжимал в руке огненное копье и сидел на троне, объятom пламенем, имея перед собою грудy цепей, раскаленных докрасна. Если бы он мог спуститься на землю в своем настоящем виде, то горы разрушились бы от ужаса. Ему и другим ангелам, его помощникам, поручено божественное мщение неверным и грешникам.

Покинув это ужасное место, они поднялись на шестое небо, состоящее из прозрачного камня хазала, или красной венисы. Здесь находился громадный ангел — наполовину из настоящего снега, а наполовину из неугасимого

огня. Кругом него находился хор младших ангелов, неустанно восклицавших: «О Аллах, соединивший снег с огнем, соедини всех преданных слуг Твоих в повиновении Твоему закону!»

«Этот ангел, — сказал Гавриил, — охраняет небо и землю. Он посылает ангелов к людям твоего народа, чтобы склонить его к признанию твоей миссии и призвать на служение Богу; он будет продолжать свое дело до дня воскресения из мертвых».

Тут был пророк Муса (Моисей), который, вместо того чтобы подобно другим пророкам радостно приветствовать Мухаммеда, заплакал при виде его.

«О чем плачешь ты?» — спросил его Мухаммед.

«Я плачу потому, что вижу преемника, которому предназначено ввести в рай больше людей из своего народа, чем я смог ввести отпавших от веры сынов Израиля».

Поднявшись отсюда на седьмое небо, Мухаммед был встречен праотцом Авраамом. Это блаженное жилище было полно такого божественного света и сияния, что язык человеческий не в силах описать их. Один из этих небесных жителей даст достаточное понятие и об остальных. Он был больше всей земли и имел семьдесят тысяч голов; каждая голова имела семьдесят тысяч ртов; каждый рот — семьдесят тысяч языков; каждый язык выражался на семидесяти тысячах наречиях, и все они безостановочно пели хвалу Всевышнему.

В то время как Мухаммед рассматривал это чудное существо, он был внезапно перенесен на лотосовое дерево, называемое седрат и цветущее с правой стороны невидимого престола Аллаха. Ветви этого дерева раскидываются шире пространства между солнцем и землей. Ангелы, более многочисленные, чем песчинки на берегу моря или в руслах потоков и рек, веселятся под сенью его. Листья его подобны ушам слона; тысячи бессмертных птичек порхают на его ветвях, повторяя великие стихи Корана. Плоды его приятнее молока и слаще меда, и одного из них достаточно, чтоб прокормить все Божьи создания. Каждое семя его заключает в себе гурию, или небесную девственницу, предназначенную для блаженства истинно верующих. У дерева этого берут

начало четыре реки: две из них протекают в сам рай, а две текут вне его — они называются Нил и Евфрат.

Затем Мухаммед и его небесный путеводитель отправились в аль-Мамур, или в дом поклонения, устроенный из красных гиацинтов и рубинов и окруженный бесчисленным количеством неугасимых лампад. Когда Мухаммед вступил в главный вход, ему были предложены три сосуда: в одном из них было вино, в другом — молоко, в третьем — мед. Он выпил из сосуда с молоком.

«Ты поступил хорошо; твой выбор правилен! — воскликнул Гавриил. — Испей ты вино, и весь народ твой сбился бы с истинного пути!»

Священный дом имеет сходство с Каабой в Мекке и находится прямо над ней, но на седьмом небе. Семьдесят тысяч ангелов высших чинов являются в него ежедневно. Как раз в это время они совершали священный обход, и Мухаммед вместе с ними обошел семь раз вокруг него.

Гавриилу нельзя было идти дальше. Быстрее, чем мысль, пролетал теперь Мухаммед необъятные пространства, миновав две области яркого света и одну область глубочайшего мрака. Выйдя из этого абсолютного мрака, он проникся благоговением и страхом, почувствовав себя в присутствии Аллаха, на расстоянии двойного полета от Его престола. Божественный лик был закрыт двадцатью тысячами покрывал, потому что человек при взгляде на его славу сгорел бы. Аллах протянул руки и возложил одну на грудь, а другую на плечо Мухаммеда, который почувствовал, как ледяной озноб охватил его от сердца до мозга костей. Это ощущение сменилось чувством восторженного блаженства, а вокруг него разливались свежесть и благоухание. Понять это могут только находившиеся в присутствии Бога.

Тут Мухаммед получил от Самого Бога многие поучения, находящиеся в Коране, и пятьдесят молитв, которые были предписаны как ежедневная обязанность для всех истинно верующих.

Когда он удалился от престола Бога и встретился опять с Моисеем, последний спросил о велении Аллаха.

«Аллах повелел мне совершать ежедневно пятьдесят молитв», — отвечал Мухаммед.

«И ты думаешь выполнить это веление? Я пытался еще раньше тебя приучить к тому же сынов Израиля, но тщетно; вернись лучше и проси убавки».

Мухаммед согласился вернуться, и первоначальное число молитв уменьшено было на десять. Когда же сказал об этом своем успехе Моисею, тот привел те же возражения и относительно сорока ежедневных молитв. По его совету Мухаммед возвращался несколько раз, пока число молитв не было сокращено до пяти.

Но Моисей продолжал возражать:

«Неужели ты думаешь требовать от твоего народа, чтобы он молился пять раз в день? Клянусь Аллахом! Я пытался с сынами Израиля, но подобное требование невыполнимо; вернись и проси еще большего облегчения».

«Нет, — возразил Мухаммед, — я уже так много просил о снисхождении, что мне совестно».

С этими словами он распрощался с Моисеем и удалился. По лучезарной лестнице спустился Мухаммед к храму Иерусалимскому, где нашел привязанную Бурак в том же виде, как он ее оставил. Сев на нее верхом, он в одну минуту перенесся обратно к тому же месту, откуда был взят.

Рассказ об этом видении или ночном путешествии передается преимущественно на основании слов историков Абульфеда, аль-Бухари и Абу Хорейры; более подробное описание его находится в книге Ж. Ганье «Жизнь Мухаммеда» (Амстердам, 1732). Само путешествие вызвало среди ученых различные споры и толкования. Некоторые утверждают, что это был просто сон или ночное видение, и в доказательство ссылаются на предание, возникшее со слов Аиши, жены Мухаммеда, которая заявила, что в ночь, о которой идет речь, телесно пророк оставался вполне спокойным и что ночное путешествие совершено им только в духе. Но, ссылаясь на это предание, они не берут, однако, во внимание, что во время, к которому относится путешествие, Аиша была еще ребенком и, хотя была помолвлена с пророком, в брак с ним еще не вступила.

Другие настаивают, что небесное путешествие было совершено телесно, — все произошло чудесным образом в кратчайшее время, и по возвращении своем Мухаммед успел

предотвратить падение сосуда с водой, который Гавриил, отлетая, задел крылом.

Дальнейшие предания повествуют, что после того, как Мухаммед рассказал о своем ночном путешествии в присутствии значительного собрания в Мекке, многие были поражены, но тем не менее поверили; некоторые пришли в недоумение и усомнились; курайшиты же подняли его на смех. «Ты говоришь, что был в храме Иерусалимском, — сказал Абу Джахль. — Докажи, что ты говоришь правду, опиши его».

Вопрос этот на минуту затруднил Мухаммеда, потому что он был в храме ночью, когда нельзя было различить его формы; но тут внезапно рядом с ним незримо возник ангел Гавриил и поставил перед его глазами точный образец священного здания, так что он получил возможность, не задумываясь, отвечать на самые мелочные вопросы.

Истории этой, однако, не совсем доверяли даже некоторые ученики пророка, пока Абу Бакр, видя, что они колеблются в своей вере, и опасаясь их полного отпадения, открыто не удостоверил ее истинности; в награду за эту поддержку Мухаммед даровал ему титул аль-Седдека, Свидетеля Истины, который с тех пор и остался за ним.

Глава тринадцатая

Мухаммед обращает в свою веру паломников из Медины. Мухаммед принимает решение бежать в Медину.

Заговор с целью убить Мухаммеда. Чудесное избавление. Хиджра, или бегство Мухаммеда. Прием, оказанный ему в Медине

Положение Мухаммеда на родине становилось все хуже и хуже. Хадиджа, его первая благодетельница, верный товарищ, делившая с ним одиночество и его исключительное положение, ревностная последовательница его учения, сошла уже в могилу, так же, как и Абу Талиб, когда-то преданный и влиятельный его покровитель. Лишенный его защиты, Мухаммед принужден был скрываться. Люди, гостеприимством которых он пользовался, порой страдали — ибо он навлекал на них преследование.

Десять лет миновало после того, как он впервые возвестил о своей пророческой миссии, — десять долгих, враждебных, тревожных, злосчастных лет. Но он упорствовал и теперь, когда вступил в период жизни, в котором человек охотнее стремится к покою, чтобы воспользоваться плодами прошлого, и, как правило, не рискует подвергаться неприятностям новых проектов. Отказавшись от счастья, богатства и друзей, Мухаммед готов был скорее отказаться от дома и родины, чем от своей веры.

Как только наступило время богомолья, он осмелился еще раз выйти из своего тайного убежища и смешался с толпой, собравшейся со всех частей Аравии. Мухаммед мечтал, чтобы какое-нибудь могущественное племя или жите-

ли какого-нибудь значительного города приняли его учение. Но приходившие на поклонение в Каабу люди сторонились обесславленного вероотступника. Они не желали слушать человека, изгнанного из его родного города.

Но однажды, когда Мухаммед проповедовал на холме аль-Акаба, немного севернее Мекки, на него обратили внимание богомольцы-хазрадиты, пришедшие из города Ясриба (Ятриба), позже переименованного в Медину. Изрядную часть населения этого города составляли евреи и еретики-христиане. Богомольцы, о которых идет речь, были арабы из древнего племени хазрадж; они находились в дружеских отношениях с двумя еврейскими племенами, жителями Мекки, — кенидитами и надеритами, претендовавшими на происхождение от священнической линии Аарона. Богомольцы часто слышали от своих еврейских друзей речи об ожидаемом Мессии. Они увлеклись красноречием Мухаммеда и удивились, найдя сходство между его учением и законом евреев; услышав, что он называет себя пророком, посланным с неба, чтобы восстановить старую веру, они стали говорить между собою: «Наверное, это — обещанный Мессия, о котором мы слышали».

Чем более они задумывались над этим, тем сильнее убеждались в правоте своего суждения и наконец открыто примкнули к новой вере.

Хазрадиты имели очень сильные позиции в Медине, и Мухаммед постарался заручиться их покровительством. Он хотел направиться с ними в Медину, но они сказали, что находятся в смертельной вражде с ауситами, другим сильным родом города, и просили его подождать с приходом, пока они не примирятся. Поэтому Мухаммед остался в Мекке и отправил сопровождать богомольцев Мусаба ибн Омайра, одного из самых ученых и даровитых своих учеников, поручив ему укрепить хазрадитов в новой вере и проповедовать ее другим жителям города. Таким образом, первые семена ислама были посеяны в Медине.

Мусабу пришлось нелегко, ему противодействовали идолопоклонники, и даже жизнь его находилась в опасности, но он действовал настойчиво и мало-помалу приобрел последователей среди жителей города. Между ними были Саад ибн Моаб, вождь ауситов, и Осайд ибн Ходхейр, человек

очень влиятельный в городе. Многие из гонимых мекканских мусульман также нашли себе приют в Медине и способствовали распространению новой веры среди ее жителей, так что вскоре трудно было найти семью, в которой бы не было обращенных.

Не сомневаясь теперь в возможности дать Мухаммеду приют, более семидесяти обращенных с Мусабом ибн Омайром во главе отправились вместе с богомольцами в Мекку, чтобы пригласить пророка в свой город. Мухаммед назначил им свидание в полночь на холме аль-Акаба. Аль-Аббас, который подобно умершему Абу Талибу принимал горячее участие в судьбе Мухаммеда, хотя и не разделял его учение, также пошел на это тайное совещание, чтобы защитить пророка, если ему будет грозить опасность. Там он предупредил мединских богомольцев, что открытое принятие новой веры вооружит против них всю Аравию. Но предостережения и просьбы его были напрасны.

Мухаммед потребовал, чтобы они отказались от идолопоклонства и открыто и бесстрашно поклонялись единому истинному Богу. По отношению к себе он поставил условием полное повиновение в счастье и несчастье, а для учеников, которые последуют за ним, просил от мединцев такого же покровительства, какое они оказывают собственным женам и детям. Сам же он брал на себя обязательство быть другом их друзей и врагом их врагов. «Но если мы погибнем за твое дело, — спросили мединцы, — какая нам за это будет награда?» — «Рай!» — отвечал пророк.

Условия были приняты; уполномоченные из Медины, положив свои руки на руки Мухаммеда, поклялись держаться договора. Тогда пророк выбрал из числа их двенадцать человек. Как раз в это время с вершины холма послышался голос, грозивший всем наказанием. Звуки этого голоса среди ночной темноты произвели временное смятение. «Это голос Иблиса, — сказал Мухаммед презрительно. — Он противник Бога, не бойтесь его». Но это был голос, вероятно, курайшитского шпиона, потому что на следующее утро обнаружилось, что курайшиты знают все, что происходило ночью.

За содействие Мухаммеду и его ученикам мединские мусульмане получили название «ансаров», или «помощников».

По окончании священного месяца преследование мусульман продолжилось с еще большим ожесточением, и Мухаммед посоветовал своим сторонникам уехать из города; сам же он медлил и оставался в Мекке с несколькими наиболее ревностными своими последователями.

Неумолимый враг его Абу Суфьян был в это время главой города. Он предложил совету курайшитов придумать какое-нибудь верное средство, которое остановит распространение ислама. Некоторые предлагали изгнать Мухаммеда из города, но на это кто-то возразил, что он может привлечь на свою сторону другие племена или жителей Медины и, вернувшись во главе их, отомстить мекканцам. Другие советовали запереть Мухаммеда в тюрьму на всю жизнь и снабжать пищей до самой смерти, но и тут явилось опасение, что друзья устроят его побег. Все возражения делал какой-то злобный, неизвестный старик, чужеземец из области Неджед, который, по словам мусульманских писателей, был не кто иной, как переодетый дьявол, вдохнувший свой зловредный дух во всех присутствующих. Наконец Абу Джахль заявил, что единственное надежное средство против возрастающего зла — это предать Мухаммеда смерти. С этим все согласились; но, чтобы вина пала на всех и чтобы все противодействовали мести, которая могла возникнуть у родственников жертвы, они решили, что из каждой семьи по одному человеку вонзят свой меч в тело Мухаммеда.

Об этом заговоре упоминается в восьмой суре Корана: «Вспомни, как неверующие составляли против тебя заговор, чтобы наложить оковы, или убить, или изгнать тебя из города; но Бог направил удар на них же; Бог — лучший защитник от злоумышлений врагов».

И действительно, в то время как злоумышленники направлялись к жилищу Мухаммеда, тот уже знал о приближающейся опасности. Предупреждение было приписано, по обыкновению, ангелу Гавриилу, но, вероятно, это было делом какого-нибудь курайшита, не разделявшего кровавых замыслов своих соплеменников. Оно явилось как раз вовремя, чтобы спасти Мухаммеда. Враги его остановились у дверей, но войти не осмеливались. Посмотрев в щель, они разглядели, как им казалось, Мухаммеда, закутанного в зеленый

плащ и спящего на кровати. Потолковав еще с минуту о том, напасть ли на спящего или подождать, пока он выйдет, они взломали наконец дверь и бросились к кровати. Спавший вскочил, но вместо Мухаммеда перед ними предстал Али. «Где же Мухаммед?» — спросили изумленные и смущенные враги. «Не знаю», — ответил Али и вышел вон, причем никто не решился остановить его. Взбешенные побегом Мухаммеда, курайшиты объявили, что назначают сто верблюдов в награду тому, кто доставит им пророка живого или мертвого.

Существует много рассказов о том, каким путем убежал Мухаммед после того, как преданный Али закутался в его плащ и занял его место на кровати. Самый чудесный из них передает, что Мухаммед тихонько отворил дверь, когда курайшиты стояли перед ней, и, бросив в воздух горсть пыли, настолько ослепил их, что сумел пройти среди них незамеченным. Подтверждение этого находится будто бы в тридцатой суре Корана, где сказано: «Мы напустили на них слепоту, чтобы они не могли видеть».

Наиболее правдоподобный рассказ передает, что он перелез через стену сзади дома и что в этом помог ему слуга, подставив свою спину, которую Мухаммед и использовал в качестве ступеньки.

Он отправился прямо в дом Абу Бакра, и они решили немедленно бежать — причем сначала укрыться в пещере горы Тор, находящейся на расстоянии часа пути от Мекки, и там обождать, пока можно будет безопасно тронуться в Медину; тем временем дети Абу Бакра должны были тайно приносить им пищу. Они вышли из Мекки ночью и шли пешком при свете звезд; на рассвете они достигли подошвы горы Тор и лишь только вступили в пещеру, как услышали приближавшуюся погоню. Абу Бакр задрожал от страха. «Преследователей наших много, — сказал он, — а нас только двое». — «Нет, — возразил Мухаммед, — здесь есть и третий. С нами Бог!» Мусульманские писатели рассказывают о чуде, дорогом для сердца каждого правоверного. В то время, говорят они, когда курайшиты уже приближались к горе, в которой находилась пещера, перед ней вдруг выросла акация, на развесистых ветвях которой голубки свили гнезда и снесли

яйца, паук же обвил все дерево паутиной. Когда курайшиты увидели это, они пришли к заключению, что никто не мог недавно войти сюда, и повернули назад, продолжив поиски в другом направлении.

Чудо ли помогло или что другое, но только беглецы три дня скрывались в пещере, и Азама, дочь Абу Бакра, на закате солнца приносила им пищу.

Предполагая, что пыл преследования угас, беглецы отважились на четвертый день выйти и отправиться в Медину на верблюдах, приведенных ночью слугою Абу Бакра.

Избегая главной дороги, по которой обыкновенно следовали караваны, они поехали вдоль берега Красного моря. Не далеко, однако, отъехали они, как их догнал конный отряд под предводительством Сорака ибн Малека. Абу Бакр опять пал духом при виде многочисленных преследователей, но Мухаммеда и тут не покинула уверенность. «Не смущайся, — сказал он, — с нами Аллах!» Сорак был страшный воин, с щетинистыми серо-стального цвета волосами, покрывавшими даже его жилистые руки. Поравнявшись с Мухаммедом, лошадь его встала на дыбы и упала вместе с всадником. Суеверный ум Сорака узрел в этом дурное предзнаменование. Мухаммед же обратился к нему с красноречивою проповедью, которая так подействовала на Сорака, что тот, объятый ужасом, стал умолять о прощении и, повернув назад вместе с отрядом, позволил Мухаммеду спокойно двигаться дальше.

Беглецы продолжали свое путешествие без препятствий, пока не достигли холма Кобы, в двух милях от Медины. Это было любимое место сбора городских жителей. Отсюда город снабжался фруктами: холм и его окрестности были покрыты виноградниками, рощами финиковых пальм и садами, где росли лимоны, апельсины, яблоки, фиги, персики и абрикосы; все это орошалось источниками.

Дойдя до этого плодоносного места, верблюд Мухаммеда опустился на колени и не пожелал идти дальше. Пророк истолковал это в пользу того, чтобы остаться в Кобе и приготовиться для вступления в город. Место, где верблюд преклонил колени, показывается и теперь еще благочестивыми мусульманами; в память этого события здесь выстроена

мечеть аль-Таква. Некоторые утверждают, что закладка фундамента произведена была самим пророком. Вблизи этого места демонстрируется также глубокий колодец, у которого под сенью деревьев отдыхал Мухаммед и в который он уронил свое кольцо с печатью. По преданию, кольцо и теперь еще находится там. В Кобе Мухаммед и Абу Бакр пробыли четыре дня в доме аусита Колтум ибн Хадема, и в это время к ним присоединился глава племени сухамитов Борейда ибн аль-Хозейб с семьюдесятью соплеменниками. Все они приняли ислам от Мухаммеда.

Еще один замечательный новообращенный, пришедший к Мухаммеду в эту деревню, — Салман аль-Парси. Про этого Салмана неверующие из города Мекки распустили слух, что он помогал Мухаммеду в составлении его учения. Об этом говорится в шестидесятой суре Корана: «Действительно, идолопоклонники говорят, что человек участвовал в составлении Корана. Но язык этого человека — аджами (персидский), а Коран написан на чисто арабском языке». Говорят, что Салман был уроженцем небольшого города вблизи Испагани. Когда он проходил однажды мимо христианской церкви, его так поразили набожность народа и торжественность богослужения, что он получил отвращение к идолопоклонству, в котором вырос. После этого, бродя по Востоку из города в город, из монастыря в монастырь в поисках веры, он встретился однажды со старым монахом, богатым летами и недугами, который сказал ему, что в Аравии появился пророк, посланный восстановить веру Авраама в ее первоначальной чистоте.

Мекканские мусульмане, нашедшие раньше убежище в Медине, услышав, что Мухаммед находится близко, отправились в Кобу встречать его. Видя, что дорожная одежда Мухаммеда и Абу Бакра забрызгана грязью, они дали им белые плащи, в которых они позже и вступили в Медину. Мухаммед назначил свое торжественное вступление в Медину на пятницу — шестнадцатый день месяца раби.

В этот день утром он собрал всех своих последователей на молитву, после проповеди сел на своего верблюда аль-Касву и направился к городу.

Борейда ибн аль-Хозейб во главе конного отряда из семидесяти человек сопровождал его в качестве телохранителя,

а рядом с ним ехал Абу Бакр. «О апостол Божий! — воскликнул Борейда. — Тебе не следует входить в Медину без знамени!» С этими словами он развернул свою чалму, прикрепил конец ее к острию копья и понес как знамя перед пророком.

Город Медина очень красив. Он славится своим чудным местоположением, здоровым климатом, плодородием почвы, роскошью пальм и ароматом.

В недалеком расстоянии от города толпа новообращенных, невзирая на пыль и зной, вышла навстречу Мухаммеду. Многие, никогда не видавшие Мухаммеда, кланялись по ошибке Абу Бакру; но он указал на того, кого следовало приветствовать, и люди разразились восторженными криками.

Таким образом, Мухаммед, выдворенный из родного города, вступил в Медину скорее как торжествующий победитель, чем как изгнанник, ищущий приюта. Он сошел с верблюда у дома хазрадита Абу Айюба, своего дальнего родственника, и был встречен очень гостеприимно. В его распоряжение был отдан весь нижний этаж дома.

Вскоре в Медину явился преданный ему Али, который бежал из Мекки и странствовал пешком, скрываясь днем и выходя на дорогу только ночью из опасения попасть в руки курайшитов. Он пришел истомленный, ноги его были стёрты в кровь.

Спустя несколько дней под охраной вольноотпущенника Зайда и Абдаллаха, слуги Абу Бакра, пришли Аиша и домоладцы Абу Бакра.

Такова история достопамятной хиджры, или бегства Мухаммеда, то есть переселения пророка в Медину. Это событие послужило началом мусульманского летосчисления, которое начинается в 622 году христианской эры.

Глава четырнадцатая

Мусульмане в Медине, мухаджиры и ансары. Партия Абдаллаха ибн Оббы и «лицемеры». Постройка Мухаммедом мечети. Его проповедь. Прозелиты между христианами. Медленное обращение евреев. Учреждение братства

Мухаммед вскоре стал во главе сильной и многочисленной секты в Медине, образовавшейся частью из учеников его, бежавших из Мекки и назвавшихся поэтому мухаджирами, или беглецами, частью же из жителей Медины, которые назывались ансарами. Ансары большею частью принадлежали к ауситам и хазрадитам, которые, несмотря на свое происхождение от двух братьев, аль-Аса и аль-Хазраджа, в продолжение ста двадцати лет волновали Медину своей закоренелой, смертельной враждой. Теперь их примирила и соединила вера. С племенами же, не принявшими немедленно его учения, Мухаммед вступил в соглашение.

Хазрадиты находились под сильным влиянием князя Абдаллаха ибн Оббы. Он был хорош собой, ловок и красноречив. К Мухаммеду Абдаллах ибн Обба относился дружелюбно и не раз присутствовал на собраниях мусульман вместе с близкими ему людьми. Вначале Мухаммеду понравились эти знаки внимания, но потом он понял, что Абдаллах с друзьями завидуют ему и втайне ненавидят его, за

что он и заклеил их словом «лицемеры». Абдаллах ибн Обба долго продолжал быть его политическим соперником в Медине.

Получив теперь возможность открыто служить своей вере и проповедовать свое учение, Мухаммед надумал построить мечеть. Место для нее выбрано было вблизи кладбища. Говорят, что Мухаммед руководился в своем выборе предзнаменованием: как раз против этого места его верблюд стал на колени, когда он входил в город. Простота формы постройки вполне соответствовала простоте религии, которую он проповедовал, и ограниченности средств, которыми располагали его последователи. Стены были из глины, стволы пальм послужили столбами для крыши, сделанной из пальмовых ветвей. Здание занимало площадь около семидесяти квадратных метров и имело три двери: одну южную, где впоследствии была помещена кибла, другую, названную вратами Гавриила, и третью, названную вратами милосердия. Часть здания предназначалась для ночлега верующих, не имевших пристанища.

Мухаммед лично участвовал в постройке мечети. При всей своей проницательности он и не подозревал, что сооружает самому себе гробницу и памятник, что останкам его суждено лежать здесь. Позднее это здание неоднократно увеличивали и улучшали, но оно все еще сохраняет название Масджид ан-Наби (мечеть пророка), потому что было основано самим Мухаммедом. Некоторое время он раздумывал, каким образом созывать верующих на молитву: трубным ли звуком, как у иудеев, зажиганием ли огней на возвышенных местах или игрой на тамбурине. Разрешил это затруднение Абдаллах, сын Зайда, подав ему мысль сзывать на богослужение громкими криками и объявив, что это было открыто ему в видении. Мухаммед тотчас же согласился, и таким образом было положено начало призывам, которые с высоких минаретов и теперь раздаются по всему мусульманскому миру.

Все в этой скромной мечети совершалось вначале крайне просто. Для освещения ее ночью служили пальмовые лучины, и прошло немало времени, прежде чем вошли в употреб-

ление лампы и масло. Пророк стоял на голой земле и проповедовал, прислонясь спиной к одному из столбов. Позднее он воздвиг кафедру, на которую всходил по трем ступеням, — так что стоял он выше присутствующих. Предание утверждает, что при первом его вступлении на кафедру покинутый им ствол пальмы издал стон; в утешение Мухаммед предоставил ему на выбор: быть перенесенным в сад и там снова зацвести или получить место в раю и в будущей жизни снабжать плодами своими истинно верующих. Финиковая пальма мудро выбрала последнее и была зарыта под кафедрой в ожидании блаженного воскресения.

Мухаммед проповедовал и молился на кафедре, иногда сидя, а иногда и стоя, опираясь на палку. Его проповеди в то время отличались миролюбием и милосердием и внушали благоговение к Богу и любовь к людям. По-видимому, он подражал одно время милосердию христианской веры. «Тот, кто не любит Божьих созданий и Его собственных сынов, — говаривал он, — не будет любим и Богом. Мусульманин, одевший нагого единове́рца, будет одет Аллахом в зеленые райские одежды».

В одной из его проповедей есть следующее нравоучительное сказание о милосердии:

«Когда Бог сотворил землю, она колебалась и дрожала, пока не воздвигнуты были на ней горы, чтобы она стала непоколебимой.

Тогда ангелы спросили:

— О Боже! Есть ли в Твоем творении что-нибудь крепче этих гор?

Бог отвечал:

— Железо крепче гор, так как оно разбивает их.

— А есть ли что-нибудь сильнее железа?

— Да, огонь сильнее железа, потому что он расплавляет его.

— А есть что-нибудь из созданного Тобою сильнее огня?

— Есть, это вода, так как она тушит огонь.

— О Боже! Но есть ли что-нибудь сильнее воды?

— Да, ветер сильнее воды, так как он заставляет и ее двигаться.

— О Вседержитель наш! Есть ли что-нибудь из созданного Тобой сильнее ветра?

— Есть, это добрый человек, подающий милостыню; если он скрывает от левой руки то, что подает правой, то он преодолевает все.

Каждый хороший поступок есть дело милосердия. Ваша улыбка брату есть милосердие; побуждение ближнего делать добро равно милостыни; указание путнику настоящей дороги есть милосердие; ваша помощь слепому — тоже милосердие; очищение дороги от камней, терний и другого сора — тоже милосердие; если вы подаете жаждущему напиток воду, то вы совершаете дело милосердия.

Истинное богатство человека в будущей жизни составляет то добро, которое он делает ближнему на земле. Когда он умрет, люди спросят: какое богатство оставил он после себя? Ангелы же, которые будут допрашивать его за гробом, спросят, какие добрые дела совершил он при жизни».

«О пророк! — сказал один из его учеников. — Моя мать, Омм-Сад, умерла; какую лучшую милостыню могу я подать для блага ее души?»

«Воду! — отвечал Мухаммед, вспомнив об удручающем зное пустыни. — Выкопай ради нее колодец и достань воду жаждущим».

Человек вырыл колодец во имя матери и сказал: «Колодец этот вырыт ради моей матери; пусть и награда за него дойдет до ее души».

«Милосердие, выражаемое словами, — это наиболее важный и наименее развитый вид милосердия», — настойчиво проповедовал Мухаммед.

Абу Джарайя, житель Босры, явившись в Медину и уверовав в посланничество Мухаммеда, просил его дать ему какое-нибудь великое жизненное правило. «Ни о ком не отзывайся дурно», — сказал пророк. «С тех пор, — говорил Абу Джарайя, — я никогда не оскорблял словом ни свободного человека, ни раба».

Ислам касался и правил житейской благовоспитанности. «Отдавай приветствие дому при входе и выходе. Отвечай на поклон друзей, знакомых и встречающихся на пути.

Тот, кто едет, должен первым приветствовать того, кто идет, а кто идет, должен первый поклониться сидящему; небольшая кучка людей — большой; молодой человек — старику».

По прибытии Мухаммеда в Медину некоторые из христиан, живших в городе, быстро перешли в его веру; они были, вероятно, из числа тех сектантов, которые признавали в Иисусе Христе человеческое естество и потому не находили ничего противоречивого в исламе, признававшем Иисуса Христа за величайшего из пророков. Остальные мединские христиане смотрели без враждебности на новую веру, ставя ее гораздо выше идолопоклонства. Расколы и жестокие несогласия между восточными христианами сильно унижали их веру и способствовали увлечению новыми учениями.

Богатые и влиятельные еврейские семьи, жившие в Медине и ее окрестностях, не обнаруживали подобного увлечения. Мухаммед заключил с некоторыми из них мирный договор, надеясь, что и они со временем признают его за обещанного Мессию. Имея это в виду, он, может быть, бессознательно придерживался в своем учении догматов их религии и соблюдал некоторые из их постов и обрядов. Тем же, которые приняли ислам, он позволил соблюдать субботу и многие другие Моисеевы законы. На Востоке вошло в обыкновение, чтобы каждая религия имела свою киблу, то есть такое священное место, к которому молящиеся обращаются лицом. Сабееи обращаются к Полярной звезде; гебры — огнепоклонники — к востоку, месту восхода солнца; иудеи — к своему святому граду Иерусалиму. До сих пор Мухаммед не давал никаких предписаний подобного рода, но теперь, из уважения к евреям, он назначил киблой Иерусалим. Теперь и мусульмане во время молитвы должны были обращаться к священному городу.

В то время как число новообращенных жителей Медины увеличивалось с каждым днем, среди пришельцев из Мекки началось недовольство. Они не приспособились к климату; многие страдали от лихорадки, и это порождало в них тоску по родине, откуда они были изгнаны. Чтобы дать им новое отечество и установить тесную связь между ними и их новыми друзьями и союзниками, Мухаммед учредил братство,

в которое вошли пятьдесят четыре пришельца и столько же из числа жителей Медины. Люди в братстве были связаны даже теснее, чем узами родства, — они считались наследниками друг друга.

В восьмой суре Корана об этом говорится так: «Уверовавшие и бежавшие из своей страны, посвятившие свое имущество и себя борьбе за веру, давшие пророку убежище и оказавшие ему помощь будут почитаться ближайшими родственниками друг друга». Братство это существовало до тех пор, пока прибывшие из Мекки не основались прочно в Медине.

Глава пятнадцатая

Женитьба Мухаммеда на Аише.
Брак Фатимы и Али. Их домашнее
хозяйство

Родственные связи Мухаммеда были сильно подорваны религиозной враждой. Его дочь Рукайя с мужем Османом ибн аль-Аффаном все еще жили изгнанниками в Абиссинии; другая дочь, Зайнаб с мужем Абул-Аассом, упорным противником новой веры, оставались в Мекке. Семья, находившаяся при Мухаммеде в Медине, состояла из жены Савды, с которой он недавно только вступил в брак, и дочерей Фатимы и Умм Кульсум от первой жены Хадиджи. Мухаммед быстро увлекался и легко поддавался женскому влиянию, но к Савде никогда не имел сильной привязанности. Ему недоставало женщины, которая заняла бы место Хадиджи.

«Самое драгоценное для человека, — сказал он однажды, — это добродетельная жена, действующая по воле Бога, послушная и приятная своему мужу; он смотрит с восторгом на ее телесную и душевную красоту; когда он велит ей что-нибудь сделать, она повинуется, а в его отсутствие охраняет его права в чистоте и чести».

И он обратил свои взоры на невесту свою Аишу, прекрасную дочь Абу Бакра. Два года прошло со времени их обручения, и ей исполнилось девять лет. Нам может показаться, что она была еще ребенок, но на Востоке иные понятия. Свадьба

их состоялась несколько месяцев спустя после ее прибытия в Медину и праздновалась очень просто: за ужином подавалось только молоко, а приданое невесты заключалось в двадцати окках* серебра.

Вскоре после этого младшая дочь Мухаммеда Фатима вышла замуж за его верного ученика Али. Фатиме шел шестнадцатый год, и она отличалась замечательной красотой. Арабские писатели превозносили ее как одну из четырех совершенных женщин, которыми Аллах удостоил осчастливить землю. Али было около двадцати двух лет.

Небо и земля, говорят мусульманские писатели, соединились, чтобы воздать честь счастливым супругам. Медина ликовала, празднично блистала огнями, и воздух был наполнен благоуханием. Утверждается, что, когда Мухаммед в первую ночь провожал свою дочь к новобрачному, небесные силы сопутствовали им: по правую руку Фатимы был архангел Гавриил, по левую — Михаил, а сзади их сопровождали семьдесят тысяч ангелов, целую ночь охранявших жилище молодых.

Более правдивый рассказ передает, что свадебный пир состоял из фиников и оливок, что брачной постелью была овчина, а приданое невесты заключалось в двух юбках, одном головном уборе, двух серебряных запястьях, кожаной подушке, набитой пальмовыми листьями, чаше для питья, ручной мельнице, двух кувшинах для воды и горшке для масла. Все это вполне соответствовало как простоте арабского домашнего очага, так и имущественным условиям новобрачных.

Сам Мухаммед жил не богаче своих учеников. Аиша, рассказывая об этом впоследствии, замечала: «По целому месяцу мы не разводили огня и ничего не готовили, а питались только финиками и водой; изредка кто-нибудь присылал нам мяса. Домашние Мухаммеда иногда по два дня подряд не получали пшеничного хлеба».

Вообще он питался только финиками и ячменным хлебом с молоком и медом. Сам подметал свою комнату, разводил огонь, занимался починкой своего платья, словом, был

* Окка — османская мера веса, равна 1,28 килограмма.

самому себе слугою. Двум женам своим он построил каждой по отдельному дому недалеко от мечети. Жил он с ними поочередно, но Аиша всегда оставалась его любимицей.

Мусульманские писатели превозносят Мухаммеда за чистоту его прежней жизни. В самом деле, замечательно, что при существующем в Аравии многоженстве, которое и сам он разрешил себе впоследствии, Мухаммед, несмотря на свое врожденное влечение к женщинам, оставался чистым в своей любви к Хадидже до самой ее смерти: она никогда не имела соперницы ни в доме, ни в сердце его. Даже свежие, распускающиеся прелести Аиши, которые вскоре так властно покорили его, не были в состоянии изгладить из его сердца глубокого и нежного чувства благодарности к своей прежней жене. Аиша однажды обиделась, когда он предавался своим страстным воспоминаниям.

«О апостол Божий, — спросила молодая красавица, — разве Хадиджа не была уже стара? Разве Аллах не послал тебе лучше жены вместо нее?»

«Никогда! — воскликнул Мухаммед в честном порыве. — Никогда Бог не давал мне лучшей жены! Когда я был беден, она обогатила меня; когда меня считали лгуном, она уверовала в меня; когда меня преследовал весь мир, она оставалась верна мне!»

Глава шестнадцатая

Меч провозглашается оружием веры.
Первый набег на курайшитов. Нападение
врасплох на их караван

Наступила очень важная эпоха в жизни Мухаммеда. До сих пор он пользовался только доказательствами и убеждениями в деле распространения своей веры, предписывая то же самое и ученикам своим. Его увещевания переносить насилия врагов с кротостью и долготерпением почти уподобляются смиренному христианскому правилу: «Ударившему тебя по щеке, подставь и другую». Но настал момент, когда Мухаммед проявил полнейшее несогласие с духом христианского учения. Его природа человека не в состоянии оказалась сохранить великое смирение, которое он сам проповедовал. Тринадцать лет кроткого терпения не вознаградились ничем, а только усилили несправедливость и оскорбления врагов. Гонителями Мухаммеда были курайшиты из его же племени, и главным образом ветвь Абд Шима. Из-за них погибли его богатства, семья обеднела, терпела унижение и разбрелась в разные стороны, а сам он подвергся гонениям.

Возможно, все это Мухаммед продолжал бы переносить терпеливо, но тут неожиданно в его руках оказались средства для мести. Он явился в Медину беглецом, ищущим приюта, жаждущим только спокойного убежища, но вскоре, вероятно к собственному его немалому изумлению, у него в распоряжении оказалась целая армия. Среди мединских

новообращенных, число которых увеличивалось с каждым днем, среди изгнанников, прибывавших к нему из Мекки, среди прозелитов из степных племен было много отважных и опытных бойцов, умевших вести партизанскую войну. Доходя до экзальтации в своем энтузиазме, Мухаммед убедился, что власть дарована ему как средство для достижения великих целей и что он призван Божественной волей воспользоваться этой властью. Таков, по крайней мере, смысл знаменитого манифеста, изданного им в эту эпоху и изменившего весь характер и всю судьбу ислама.

«Различные пророки, — говорит Мухаммед, — были ниспосылаемы Богом для проявления различных Его свойств. Моисей был послан для проявления Его милосердия и промысла; Соломон — Его мудрости, величия и славы; Иисус Христос — Его правды, всеведения и могущества. Правду Его Он прославил чистотою своей жизни; всеведение — знанием сокровенных тайников человеческого сердца; могущество — чудесами. Но ни одно из этих свойств, однако, не оказалось достаточным, чтоб вполне убедить людей; они не поверили даже чудесам Моисея и Иисуса Христа. Поэтому я, последний из пророков, послан с мечом! Пусть все, распространяющие мою веру, не прибегают ни к доказательству, ни к рассуждениям, а убивают тех, кто отказывается повиноваться закону. Сражающийся за истинную веру, погибнет ли он или победит, получит во всяком случае блестящую награду.

Меч, — прибавляет он, — есть ключ от неба и ада; все, обнажающие его за веру, получают в награду временные блага. Каждая капля крови, пролитая ими, каждая опасность и каждая невзгода, ими претерпеваемая, сочтется на небе за нечто более достойное награды, чем даже пост и молитва. Если они погибают в борьбе, их грехи тотчас же стираются, и они переносятся в рай, чтобы упиваться там вечными блаженствами в объятиях чернооких гурий».

Предопределение было призвано на помощь этому воинственному учению. Каждое событие, согласно Корану, предопределено от вечности и неизбежно должно совершиться.

Ни один человек не умирает ни раньше, ни позже назначенного ему часа; когда же настает его час, то все равно, где

находит его ангел смерти — лежащим на своей постели или на поле сражения.

Таково было учение и откровение, внезапно превратившее ислам из религии смирения и человеколюбия в религию насилия и меча. Эта религия была в особенности пригодна для арабов, так как вполне соответствовала их привычкам и их хищническим наклонностям. Нет поэтому ничего удивительного, что эти настоящие степные разбойники после открытого провозглашения «религии меча» стали толпами стекаться под знамя пророка. Правда, Мухаммед — при условии, что неверующие добровольно подчинялись его мирской власти и соглашались платить подать, — не разрешал применить против них насилие.

В первых воинственных предприятиях Мухаммеда сказывается его затаенное чувство мести. Предприятия эти направлялись против караванов, отправляемых из Мекки и принадлежащих злейшим врагам его курайшитами. Первые три нападения на караваны, во главе которых стоял Мухаммед, не имели никаких существенных результатов. Четвертое же было поручено одному мусульманину, по имени Абдаллах ибн Джаш, который был послан с восемью или десятью отважными товарищами на дорогу, ведущую к Южной Аравии. Это происходило в священный месяц раджаб, когда не допускались ни насилие, ни грабежи, но на этот счет у Абдаллаха имелась запечатанная инструкция, которую он мог распечатать только на третий день. Смысл инструкции был выражен туманно. Абдаллаху приказано было идти в долину Наклах, между Меккой и Таифом (в которой Мухаммед получил откровение от джиннов), и там поджидать намеченный караван курайшитов. «Может быть, — тонко замечалось в инструкции, — тебе удастся доставить нам о нем какие-нибудь вести».

Абдаллах сделал из предписания свой вывод и стал действовать сообразно ему. Достигнув долины Наклах, он нашел под охраной четырех человек караван, состоявший из многих навьюченных товарами верблюдов. Следуя за ним в некотором отдалении, он послал одного из своих людей, переодетого богомольцем. После разговора с ним курайшиты приняли его за товарища, который отправляется в Мекку

на богомолье. К тому же в священный месяц раджаб путешествие по степи было вполне безопасно. Однако лишь только караван дошел до привала, как Абдаллах со своими людьми напал на него. Один из охранников был ими убит, двое взяты в плен, а четвертый бежал; победители же вернулись в Медину с добычей и с пленными.

Вся Медина была возмущена таким нарушением правил священного месяца. Мухаммед, находя, что преступил границы дозволенного, притворился, что сердится на Абдаллаха, и отказался принять предложенную ему часть добычи. Основываясь на неясности своих предписаний, он настаивал на том, что не приказывал Абдаллаху проливать кровь или совершать какое-либо насилие в течение священного месяца. Но возмущение не унималось, в результате чего появилось следующее место в Коране:

«Они будут спрашивать тебя, можно ли воевать во время священного месяца.

Отвечай: воевать в это время грешно; но отрицать Бога, преграждать к Нему путь народу, изгонять истинно верующих из священного храма и поклоняться идолам — вот грех, еще более тяжкий, чем убийство в священные месяцы».

Провозгласив таким образом, что это дело освящено Самим Богом, Мухаммед, уже не колеблясь, принял свою долю добычи. Одного из пленников он освободил за выкуп, другой же перешел в ислам.

Однако какими бы верными ни казались правоверным мусульманам только что приведенные слова из Корана, это едва ли может оправдать пророка в глазах неправовверных. Экспедиция Абдаллаха ибн Джаша явилась прискорбным проявлением. Хитрость и скрытность, с которой все это было придумано и приведено в исполнение: запечатанный пакет с инструкцией Абдаллаху, пакет, который он должен был вскрыть только в конце третьего дня, находясь уже на месте преступления, неясность и двусмысленность предписаний, достаточно, однако, понятных для исполнителя, — все это было в прямом противоречии с поведением Мухаммеда в более раннюю пору его деятельности, когда он решался открыто идти по пути долга, — «хотя бы солнце вооружилось против него справа, а месяц — слева». Из всего этого

видно, что он сознавал низость того дела, которое было им разрешено. Отречение от участия в насилии, совершенном Абдаллахом, призывание на помощь Корана, чтобы получить возможность безнаказанно воспользоваться добычей, кладут еще более темное пятно на все это дело и показывают, как земные страсти и житейские интересы быстро подчинили себе религиозный энтузиазм, вдохновлявший его. Прекрасно кто-то заметил, что «первая капля крови, пролитая от имени его в священную неделю, обнаружила в нем человека, в котором земная тина загасила пламя пророчества».

Глава семнадцатая

Битва при Бадре

На второй год хиджры Мухаммед узнал, что злейший враг Него Абу Суфьян с конным отрядом в тридцать человек сопровождает в Мекку караван, состоящий из тысячи верблюдов, нагруженных сирийскими товарами. Путь их пролегал недалеко от Медины, между цепью гор и морем, и Мухаммед решил захватить его. В середине месяца рамадана он выступил, имея отряд свыше трехсот человек, в числе которых были восемьдесят три мухаджира, шестьдесят один аусит и сто семьдесят хазрадитов. Каждое подразделение этой маленькой армии имело собственное знамя. При этом на всех было только три лошади¹² и семьдесят легких на ходу верблюдов, на которых воины ехали поочередно, чтобы продвигаться быстро и без большой усталости.

В это время из Абиссинии вернулись Рукайя и Осман ибн аль-Аффан, дочь и зять Мухаммеда. Осман ибн аль-Аффан хотел присоединиться к экспедиции, но тут серьезно заболела Рукайя — болезнь развивалась стремительно, и он решил остаться в Медине.

Сначала Мухаммед шел по главной мекканской дороге, потом повернул вдоль Красного моря и достиг плодородной равнины, орошаемой ручьем Бадр. Здесь он устроил засаду близ брода, через который обыкновенно переходили кара-

ваны. Он отдал приказание своим людям вырыть глубокую канаву и пустить туда воду, чтобы иметь возможность безопасно от неприятеля утолять свою жажду.

Тем временем Абу Суфьян, узнав об устроенной засаде, послал гонца в Мекку с просьбой немедленно прислать подкрепление — он сам надеялся застать Мухаммеда врасплох и напасть на него с превосходящими силами. Когда измученный дорогой гонец доставил донесение, Абу Джахль забил тревогу. Вся Мекка впала в смущение и ужас. Хенда, жена Абу Суфьяна, женщина страстная и решительная, обратилась с призывом к отцу своему Утбе, брату аль-Валиду, дяде Шайбе и ко всем воинам, бывшим с ними в родстве, прося их вооружиться и спешить на выручку к ее мужу. Братья курайшита, которого Абдаллах ибн Джаш убил в долине Наклах, также вооружились, чтобы отомстить за его смерть. К жажде мести примешивался также и личный интерес, потому что курайшитам в этом караване принадлежало много добра. В скором времени отряд на ста лошадях и семистах верблюдах выдвинулся по дороге к Сирии. Во главе его был семидесятилетний Абу Джахль, опытный воин, соединявший в себе почти юношеский пыл, необыкновенную силу и подвижность со старческой злопамятностью.

Тем временем Абу Суфьян приближался к месту засады. Не доходя до места, где он ожидал встретить опасность, он обогнал свой караван и стал тщательно осматривать каждую тропинку. Наконец он напал на след отряда Мухаммеда, отличив его по финиковым косточкам (в Медине они очень мелкие), разбросанным по сторонам дороги. Такими незначительными признаками пользуются арабы, отыскивая в степях следы своих врагов.

Проследив направление, в котором прошел Мухаммед, Абу Суфьян свернул с пути, двинулся по берегу Красного моря и вывел свой караван в безопасное место. Здесь он послал курайшитам еще одного гонца с известием, что караван спасен.

Но его посланец встретил курайшитов, уже шедших на помощь. Услыхав, что караван спасен, они сделали привал и собрались на совет. Одни хотели идти вперед, чтобы достойно наказать Мухаммеда и его последователей; другие

же выступали за возвращение назад. Решено было послать лазутчика, поручив ему определить силы неприятеля. Вернувшись, тот сообщил им, что в армии Мухаммеда около трехсот человек, и этим усилил позицию тех, кто рвался сойтись с Мухаммедом в бою. Противники их возражали: «Подумайте, этим людям нечего терять; у них ничего нет, кроме мечей, и ни один из них не падет, не убив врага; кроме того, у нас есть родственники среди них, так что если мы останемся победителями, нам нельзя будет прямо смотреть в глаза друг другу, зная, что мы убивали своих близких». Слова эти произвели впечатление, но братья курайшита, убитого в долине Наклах, подстрекаемые пылким стариком Абу Джахлем, требовали мщения. В конце концов основная часть отряда подняла свое знамя и продолжала поход, а остальные воины вернулись в Мекку.

Разведчики Мухаммеда принесли ему известие о приближении неприятеля, и у некоторых из его последователей тут же пропала бодрость духа: они пошли за пророком в надежде получить большую добычу в легкой битве, и теперь их смущала мысль о сражении с многочисленной ратью.

Мусульмане заняли место на возвышенности, у подошвы которой была вода. Для Мухаммеда на самой вершине был быстро устроен шалаш из ветвей, а у входа в шалаш стоял наготове верблюд, на котором пророк мог бы убежать в Медину в случае неудачи.

Неприятельский авангард, мучимый страшной жаждой при вступлении в долину, поспешил к ручью, чтобы напиться; но тут напал на него Хамза, дядя Мухаммеда, со значительным числом воинов и собственноручно убил вражеского вождя. Только один уцелел из всего авангарда; впоследствии этот человек обратился в ислам.

Затем с трубным звуком появился и главный неприятельский корпус, во главе которого двигались три курайшитских воина, вызывая на единоборство самых храбрых из мусульман. Это были Утба, тесть Абу Суфьяна, и аль-Валид — его шурин; третий был Шайба, брат Утбы. Все они были люди значительные в своем племени.

Три воина из Медины выступили вперед и приняли их вызов, но те закричали: «Нет! Пусть выступят те, что измени-

ли Мекке!» Тогда вызов на поединок приняли Хамза и Али, дядя и двоюродный брат Мухаммеда, и Убайду ибн эль-Харис. В жестокой схватке Хамза и Али убили своих противников и поспешили на помощь к Убайду, израненному и почти побежденному Утбой. Убив курайшита, они унесли своего союзника, но тот вскоре умер от ран.

Тут началось общее сражение. Мусульмане, зная, что перевес силы на стороне неприятеля, думали только об обороне — они удерживали позицию на возвышенности и осыпали курайшитов тучей стрел, когда те пытались пробраться к источнику, чтобы утолить жажду. Мухаммед в это время горячо молился, оставаясь с Абу Бакром в шалаше на вершине холма. Во время битвы с ним случился припадок — он впал в состояние, напоминающее столбняк. Очнувшись, он объявил, что Бог в видении обещал ему победу. Выйдя из шалаша, он взял горсть пыли, бросил ее в направлении, где были курайшиты, и воскликнул: «Да погибнут они!» Затем приказал атаковать неприятеля: «Сражайтесь и не бойтесь: под сенью мечей находятся врата рая. Кто падет, сражаясь за веру, тотчас же будет допущен в рай».

Началась дикая сеча. Абу Джахль направил свою лошадь в середину сражения, и здесь его подстерегла неудача. Сначала он лишился ноги и свалился на землю, а затем Абдаллах ибн Масуд придавил ему грудь ногою и отсек голову. До последнего вздоха Абу Джахль поносил и проклинал Мухаммеда.

Увидев гибель своего предводителя, курайшиты побежали, оставив на поле боя семьдесят человек убитых. Почти такое же количество их было взято в плен. Погибло и четырнадцать мусульман, имена которых были записаны в числе мучеников за веру.

Эта победа легко объясняется естественными причинами: силы мусульман были свежи и неистощены; они располагались на возвышении и обладали достаточным запасом воды. Курайшиты же были утомлены походом, испытывали страшную жажду, да и число их уменьшилось после возвращения части отряда в Мекку.

Мусульманские писатели приписывают торжество правоверных сверхъестественному вмешательству. Лишь толь-

ко Мухаммед бросил в воздух пыль, рассказывают они, как тотчас три тысячи ангелов в белых и желтых чалмах и длинных сверкающих одеяниях явились на белых и черных конях и, как порыв ветра, погнали перед собой курайшитов. В подтверждение приводится свидетельство пастуха-идолопоклонника, наблюдавшего битву. «Я был с двоюродным моим братом на холме, — рассказывал пастух, — откуда мы видели сражение и готовились присоединиться к победителям для дележа добычи. Вдруг мы заметили большое облако, плывущее к ним, и услышали ржание лошадей и трубные звуки. Когда облако приблизилось, стала ясно видна толпа ангелов, и мы услышали страшный голос архангела, погонявшего свою кобылу Хайзум: «Спеши! Спеши, о Хайзум!» При этом страшном звуке товарищ мой со страха умер тут же от разрыва сердца, и такая же судьба едва не постигла и меня»¹³.

После битвы Абдаллах ибн Масуд принес голову Абу Джахля Мухаммеду, который взглянул на этот страшный трофей и воскликнул: «Этот человек был фараоном нашего народа!» Подлинное имя этого старого воина было Амру ибн Хашам. Курайшиты прозвали его Абу Эльхоем, или Отцом Премудрости, за его здравомыслие. Мусульмане же изменили это прозвище и назвали его Абу Джахлем, то есть Отцом Безумия. Это последнее осталось за ним и в истории, и оно произносится правоверным не иначе как с прибавлением: «Да будет он проклят Богом!»

Павшие в битве мусульмане были почетно похоронены, между тем как тела курайшитов с презрением бросили в яму. Возник вопрос: как поступить с пленными? Омар стоял за то, чтоб казнить их, но Абу Бакр предложил освободить их, взяв выкуп. Мухаммед заметил, что Омар похож на Ноя, который просил истребить виновных потопом, а Абу Бакр — на Авраама, ходатайствовавшего за виновных. Сам он был на стороне помилования, но двое из пленников все-таки были убиты: один, по имени ан-Нандр, за глумление над Кораном, который, по его словам, был сборником персидских сказок и басен; другой, по имени Укба, за покушение на жизнь Мухаммеда во время его первоначальной проповеди в Каабе, когда его спас Абу Бакр. Многие из неимущих пленников были освобождены — после того, как дали клят-

ву никогда больше не поднимать оружия на Мухаммеда и его последователей. Остальных задержали в ожидании выкупа.

Среди наиболее значительных пленников был аль-Аббас, дядя Мухаммеда, взятый в плен Абу Язером, человеком очень маленького роста. Когда посторонние зрители стали подтрунивать над этим, аль-Аббас заявил, что в действительности он сдался человеку громадного роста, ехавшему на коне, какого ему никогда еще не приходилось видеть. Но Абу Язер продолжал настойчиво утверждать, что именно он захватил пленника, и тогда Мухаммед, желая избавить дядю от унижения, намекнул, что Абу Язеру помогал ангел Гавриил.

Аль-Аббас, чтобы не платить выкупа, оправдывался тем, что участвовал в битве по принуждению, а в душе он — мусульманин, но это ему не помогло. Многие, впрочем, считают, что между дядей и племянником было тайное соглашение и Аббас служил тайным агентом Мухаммеда в Мекке и до, и после битвы при Бадре.

Другим очень важным пленником для Мухаммеда был Абул-Аасс, муж дочери его Зайнаб. Мухаммед охотно привлек бы к себе зятя, чтобы иметь его в числе своих учеников, но Абул-Аасс упорствовал в своем неверии. Тогда Мухаммед предложил ему свободу, если он возвратит ему Зайнаб; до выполнения условия Абул-Аасс должен оставаться заложником.

До возвращения отряда в Медину произошел раздел добычи. Хотя караван Абу Суфьяна и уцелел, значительное количество оружия и верблюдов было забрано во время сражения; к тому же большую сумму денег предстояло получить за выкуп пленников. Мухаммед отдал приказание, чтобы все было равномерно поделено между мусульманами, принявшими участие в сражении; и, хотя у арабов существовал древний обычай выделять предводителю четвертую часть добычи, пророк удовлетворился равной долей с остальными. В числе добычи, доставшейся ему по жребию, был знаменитый меч замечательного закала, называемый Зульфикар. С этих пор Мухаммед в битвах не разлучался с ним, а когда он умер, меч достался его зятю Али.

Равное деление добычи вызвало сильный ропот среди воинов. Люди, внесшие наибольший вклад в победу и деятельнее других собиравшие добычу, были недовольны, что им пришлось равная часть с теми, кто находился вдали от места действия, и со стариками, остававшимися караулить лагерь. Эта распря напоминает раздор между воинами Давида по поводу добычи, взятой у амалекитян, когда участвовавшие в сражении тоже настаивали на том, что люди, бывшие в лагере, не должны иметь своей доли. Но Мухаммед легко погасил разногласия, поскольку после возвращения в Медину получил откровение, устанавливавшее на будущее время правила раздела всякой добычи, захваченной в сражении за веру, и это откровение, конечно, было доведено до его сторонников.

Таковы подробности знаменитого сражения при Бадре и первой победы арабов под знаменем Мухаммеда. Победа эта, сама по себе, может быть, и незначительная, положила начало целому ряду событий, изменивших судьбу мира.

Глава восемнадцатая

Смерть Рукайи, дочери пророка.

Возвращение его дочери Зайнаб.

Влияние проклятия пророка на Абу Лахаба и его семью. Неистовая злоба Хенды, жены Абу Суфьяна. Мухаммед с трудом спасается от смерти. Посольство курайшитов.

Король Абиссинии

Мухаммед торжественно въехал в Медину с добычей и пленниками, захваченными в первом его сражении. Восторгу его, однако, мешало семейное несчастье. Не стало Рукайи, его любимой дочери, только что вернувшейся из изгнания. Гонец, прибывший раньше Мухаммеда с вестью о победе, встретил у городских ворот похоронную процессию, провожавшую покойницу на кладбище.

Утешение Мухаммеду принес приезд из Мекки дочери Зайнаб, которую привез верный Зайд. Миссия Зайда сопровождалась большими затруднениями. Жители Мекки были крайне раздражены поражением и необходимостью выкупать пленных, так что Зайд остался за городом и послал гонца к Кенанаху, брату Абул-Аасса, извещая его о соглашении и назначая место, куда должна быть доставлена Зайнаб. Кенанах объявил, что доставит ее на носилках в оговоренное место, но по дороге на него напала толпа курайшитов с намерением не допустить возвращения дочери Мухаммеду. При смятении некто Хаббар ибн Асвад ударил по носилкам копьем, и, если бы Кенанах не отразил этого удара, Зайнаб могла бы погибнуть. Шум и гвалт привлек к месту действия и Абу Суфьяна, который осыпал Кенанаха ругательствами

за то, что тот возвращает дочь Мухаммеду. Из-за всего этого Зайнаб была возвращена в Мекку, и только на следующую ночь Кенанах тайно передал ее Зайду.

Мухаммед до того рассердился, услышав о нападении на Зейнаб, что отдал приказ сжечь Хаббара живым, когда он попадет в руки мусульманам. Потом, когда ярость его утихла, он изменил это приказание: «Один только Бог, — сказал он, — может наказывать огнем. Если Хаббар будет взят, пусть лишат его жизни мечом».

Победа мусульман при Бадре вызвала удивление и скорбь у мекканских курайшитов. Недавно гонимый ими беглец вдруг воспрянул и превратился в могущественного врага. Многие из храбрейших и знатнейших курайшитов пали от мечей его сторонников; другие были взяты в плен и ожидали унижительного выкупа. Абу Лахаб, дядя Мухаммеда и его всегдашний жесточайший противник, не мог по болезни участвовать в этой битве. Он умер несколько дней спустя после победы Мухаммеда, и, возможно, душевное ожесточение послужило ускорению его смерти. Набожные мусульмане, однако, приписывают эту смерть проклятию, которому некогда Мухаммед предал Абу Лахаба со всей его семьей за то, что он поднял руку, чтобы бросить камень в пророка на холме Сафа. Это проклятие, говорят они, тяжело отразилось и на сыне его Утбе, который развелся с дочерью пророка Рукайей: он был разорван львом на глазах у всего каравана по пути в Сирию.

Недавнее поражение при Бадре никому не стоило так дорого, как Абу Суфьяну. Правда, он невредимым добрался со своим караваном до Мекки, но здесь ему предстояло услышать о победе ненавистного ему человека и найти свой дом опустелым: Хенда, жена его, горько оплакивала смерть отца, дяди и брата. Она требовала отмщения Хамзе и Али, от рук которых они пали.

Абу Суфьян собрал двести всадников; каждый из них взял с собой только по мешку с мукой, то есть ту скудную провизию, которую араб берет обыкновенно в дорогу. Выступая в поход, Абу Суфьян дал клятву не смачивать благовониями бороды и не прикасаться к женщине, пока не встретится

лицом к лицу с Мухаммедом. Объезжая окрестности Медины, он убил двух последователей Мухаммеда, опустошил поля и пожег финиковые пальмы.

Мухаммед двинулся ему навстречу с превосходящими силами. Однако Абу Суфьян, невзирая на данную клятву, не стал дожидаться встречи лицом к лицу и поворотил назад. Его войско поспешило за ним следом, побросав второпях свои мешки.

Мусульманские писатели передают рассказ о неминуемой опасности, которой подвергался Мухаммед во время этого похода. Однажды он уснул под деревом и, проснувшись от шума, увидел Дуртура, неприятельского воина, стоявшего над ним с обнаженным мечом. «О, Мухаммед! — воскликнул он. — Кто же теперь спасет тебя?» — «Бог!» — отвечал пророк. Пораженный такой верой, Дуртур уронил меч, и Мухаммед тотчас же подхватил его. Потрясая оружием, он воскликнул в свою очередь: «Кто же спасет теперь тебя, о, Дуртур?» — «Никто!» — отвечал Дуртур. «Учись же у меня милосердию», — сказал Мухаммед и возвратил ему меч. Душа воина была побеждена: он признал Мухаммеда пророком Божиим и перешел в его веру.

Находя этот рассказ недостаточно чудесным, некоторые авторы утверждают, что спасение Мухаммеда произошло при вмешательстве ангела Гавриила, который в то время, когда Дуртур готовился нанести удар, ударил его невидимой рукой в грудь, что и было причиной падения меча.

В то время, когда происходили эти события, курайшиты, жители Мекки, вспомнили о родственниках и учениках Мухаммеда, укрывшихся от их преследования в Абиссинии; большинство из них еще оставалось там под покровительством местного правителя. К этому монарху курайшиты отправили посольство с целью заполучить беглецов. Одним из послов был Абдаллах ибн Рабш; другим — Амру ибн аль-Аас, знаменитый поэт, нападавший на Мухаммеда в начале его миссии в своих сатирах. В будущем ему предстояло стать одним из храбрейших и наиболее выдающихся поборников ислама, но пока Амру все еще оставался его опасным противником.

Амру и Абдаллах, согласно восточному обычаю, поднесли наджаши богатые подарки и стали просить выдать им беглецов. Абиссинский правитель призвал к себе мусульман, в числе которых был Джафар, сын Абу Талиба и брат Али, — следовательно, двоюродный брат Мухаммеда. Это был человек убедительного красноречия и привлекательной внешности. Он предстал перед наджаши и с жаром изложил ему учение ислама. Наджаши, который, как уже было сказано, исповедовал несторианство, нашел ислам во многих отношениях сходным с учением своей секты и не только не выдал курайшитам беглецов, но и взял их под свое особое покровительство.

Амру и Абдаллаху он возвратил привезенные ими подарки и отпустил их восвояси.

Глава девятнадцатая

Возрастающее могущество Мухаммеда.

Его негодование против евреев.

Оскорбление арабской девушки
еврейским племенем кайноков. Мятеж.

Кайноки скрываются в своем замке.

Победа над ними и наказание их конфискацией
имущества и изгнанием. Женитьба Османа

на Умм Кульсум, дочери пророка,

а самого пророка — на Хафзе

Битва при Бадре окончательно изменила положение Мухаммеда: он был теперь главой победоносной силы. Племена Аравии, которые прежде поклонялись идолам, одно за другим становились последователями религии, утверждавшей, что она возрождает первоначальную веру их предков. Как только первый отряд возвратился в Медину с военной добычей, почти все язычники города обратились в новую веру, и Мухаммед приобрел верховную власть над городом. Тон Мухаммеда соответственно с этим стал иной: он говорил теперь как законодатель и властелин. Первым явным доказательством этой перемены в его настроении было обращение с евреями, которых в Медине находилось три больших рода.

Евреи упорствовали в своей вере и посмеивались над Мухаммедом и его учением. Еврейский поэт Кааб ибн Ашраф отправился в Мекку и старался возбудить курайшитов к мести, декламируя стихи, в которых восхвалялись доблести и оплакивалась смерть их соплеменников, павших при Бадре. По возвращении в Медину он стал публично читать эти стихи в присутствии последователей пророка, находившихся в родстве с убитыми. Мухаммед однажды гневно воскликнул: «Кто же наконец избавит меня от этого сына Ашрафа?» И несколько дней спустя Кааб поплатился жиз-

нию — его убил ансар из ауситов. Затем одним из ярых последователей ислама была убита Асма, дочь Мервана, сочинившая на Мухаммеда сатиру, и та же участь постигла еврея Абу-Афака, которому якобы было сто двадцать лет от роду.

Наконец началось открытое противостояние. Поводом к нему послужило событие, происшедшее в квартале, населенном кайноками — одним из трех еврейских родов. Девушку-арабку, приносящую молоко в город, окружили молодые евреи, прослышавшие о ее необыкновенной красоте, и стали просить, чтобы она открыла лицо. Но у ее народа это считалось противным законам приличия. Тогда молодой золотых дел мастер, лавочка которого была по соседству, украдкой прикрепил конец ее покрывала к скамье, на которой девушка сидела, и, когда она встала, покрывало слетело. Раздался смех, посыпались шутки, а смущенная девушка стояла посреди толпы, краснея от стыда. Присутствовавший при этом мусульманин принял близко к сердцу ее бесчестье, вытащил саблю и вонзил ее в тело золотых дел мастера, но был тут же убит евреями. Мусульмане соседнего квартала схватились за оружие, кайноки тоже; но так как их было меньше, то они спрятались в крепости. Мухаммед, возмущенный против евреев, стал настаивать на том, чтобы провинившийся род отныне принял его веру. Тщетно указывали евреи на договор, заключенный с ними при его вступлении в Медину, по которому им дозволялось свободно исповедовать свою веру, — Мухаммед оставался непреклонен. Спустя некоторое время голод принудил кайноков сдаться. Предводитель хазрадитов Абдаллах ибн Обба вступился за них и воспрепятствовал их избиению, но имущество кайноков было конфисковано, а сами они в количестве семисот человек изгнаны в Сирию.

Оружие и богатства, доставшиеся пророку и его последователям в результате этой конфискации, были далеко не бесполезны в последующих войнах за веру. В руках самого Мухаммеда оказались три сабли: Медхем — острая, аль-Батар — рассекающая и Хатеф — смертельная; два копья: аль-Монтари — рассеивающее и аль-Монтави — разрушающее; серебряный щит, названный аль-Фадха, и другой, аль-Саадия, который, по преданию, Саул преподнес Давиду перед

единоборством его с Голиафом. Был также и лук, называемый аль-Катум, или «крепкий», но не оправдавший своего названия, потому что в первой же битве пророк натянул его с такой силой, что он разлетелся в куски. Вообще Мухаммед употреблял арабский лук с соответствующими стрелами и запрещал своим последователям употреблять персидский.

Мухаммед уже не думал более склонять к своей вере евреев, которые стали предметом его религиозной ненависти. Он признал недействительным свое прежнее постановление, по которому киблой, или местом обращения во время молитвы, указан был Иерусалим, и заменил его Меккой, к которой с тех пор мусульмане и обращаются лицом во время своих молений.

Осман горько оплакивал смерть Рукайи, и его близкий друг Омар предложил ему — в надежде, что он утешится, — взять в жены свою дочь Хафзу, которая отличалась пленительной красотой. Хафза тоже успела овдоветь, но ей было всего восемнадцать; однако Осман ответил отказом. Омар впал в негодование, посчитав это оскорблением для себя и дочери, но Мухаммед смирил его гнев. «Не печалься, Омар, — отвечал пророк, — Осману предназначена лучшая жена, а твоей дочери лучший муж». И он отдал замуж за Османа свою дочь Умм Кульсум, а сам женился на Хафзе. Этими расчетливыми браками он еще больше привлек к себе и Османа, и Омара.

Хафза стала самой любимой его женой после Аиши, и ей вверен был сундук, в который складывались главы и стихи Корана по мере того, как пророк получал их в своих видениях.

Глава двадцатая

Хенда поднимает Абу Суфьяна и курайшитов отмстить за смерть ее родных, убитых в битве при Бадре. Курайшиты выступают в сопровождении Хенды и ее товарок. Ухудская битва. Жестокое торжество Хенды. Мухаммед утешается женитьбой на Хенде, дочери Омейя

Усиление власти Мухаммеда в Медине не давало покоя курайшитам. Хенда, жена правителя Мекки Абу Суфьяна, требовала мести для убийц отца и брата. Ей вторил Акрема, сын Абу Джахля, наследовавший ненависть своего отца. И вот, на третий год хиджры, через год после битвы при Бадре, Абу Суфьян выступил против мусульман во главе трех тысяч воинов, преимущественно курайшитов; кроме них в его войско входили также арабы из племен катана и техама. Семьсот человек были в латах, двести — на конях. Акрема был одним из начальников, как и Халид ибн аль-Валид, получивший впоследствии громкую известность. Знамена, которые развевались над войском, несли воины из рода Абд аль-Адара — это было их наследственное право.

За войском шла Хенда во главе пятидесяти других мекканских женщин, родственниц курайшитов, убитых во время битвы при Бадре; они то оглашали воздух воплями и рыданиями об умерших, то воодушевляли армию Абу Суфьяна воинственными песнями. Когда проходили мимо Абвы, где похоронена была Амина, мать Мухаммеда, люди с трудом удержали Хенду от намерения вырыть из могилы ее кости.

Живущий в Мекке дядя Мухаммеда Аль-Аббас, который считался врагом новой веры, но был таковым, похо-

же, только для вида, послал гонца к Мухаммеду, чтобы уведомить его о грядущей опасности. Мухаммед в это время находился в деревне Коба. Он немедленно вернулся в Медину, созвал совет из главных своих приверженцев и предложил, поскольку силы мусульман слишком малы, не вступать в открытый бой, а встретить врага в Медине, где женщины и дети могли бы помогать защитникам города, бросая камни с крыш домов. Старшие последователи Мухаммеда согласились с ним, но молодые, как всегда горячие и к тому же гордые недавней победой при Бадре, настояли на том, чтобы выйти Абу Суфьяну навстречу.

Но когда начали собирать силы, едва сумели набрать тысячу человек, и только сотня воинов была в латах, а конных набралось не более двухсот. Сердца тех, которые недавно громко требовали открытого боя, теперь поостыли, и они охотно встретили бы неприятеля, не выступая за стены города; но тут возразил им Мухаммед: «Нет, — сказал он, — несвойственно пророку, вынув саблю, вложить ее снова в ножны и поворачивать вспять, пока Бог не решит, на чьей стороне должна быть победа». И он повел свою армию вперед. Поначалу часть ее составляли евреи и хазрадиты под предводительством Абдаллаха ибн Оббы. Но Мухаммед отказался от помощи евреев, если они не примут ислам; а так как они на это не согласились, то он приказал им вернуться в Медину. После этого Абдаллах повернул обратно, увлекая за собой и хазрадитов, в силу чего армия Мухаммеда уменьшилась до семисот человек.

С этой незначительной силой пророк расположился на горе Ухуд в шести милях от Медины. Местность эта была отчасти защищена крутыми холмами; впереди он расставил стрелков для защиты от нападения кавалерии. На пророке был шлем и сразу два панциря. На его сабле высечены были слова: «Страх ведет к бесчестию, а слава всегда впереди. Трусость никогда не спасает человека от его судьбы». Но так как он не намеревался принимать деятельного участия в битве, то передал эту саблю храброму воину Абу Дуджане, поклявшемуся, что будет носить ее до тех пор, пока она не притупится. Сам же Мухаммед занял возвышенное место, с которого мог обозревать поле битвы.

Курайшиты, полагаясь на свою многочисленность, стройно подошли к подножию холма с развевающимися знаменами. Абу Суфьян предводительствовал центром; на каждом крыле было по сотне всадников; левым флангом командовал Акрема, сын Абу Джахля, правым — Халид ибн аль-Валид. По мере того как они приближались к холму, Хенда и ее товарки ударяли в тамбурины и громко пели, время от времени выкликая имена людей, убитых в битве при Бадре. «Смело, сыны Абд аль-Адара! — кричали они знаменосцам. — Вперед на бой, сцепитесь с врагом! Разите, не щадя! Пусть сабли ваши будут остры и сердца беспощадны!»

Мухаммед сдерживал нетерпение своих воинов. Он приказал им твердо стоять на месте. Стрелки должны были удерживать свои позиции во что бы то ни стало.

Всадники левого крыла курайшитов попытались было атаковать мусульман, но отступили в замешательстве. Одновременно Хамза со своим отрядом ударил в центре. Абу Дуджана, вооруженный саблей Мухаммеда, находился рядом с ним; на голове его был красный тюрбан с надписью: «Помощь идет нам от Бога! Победа наша!»

Враги дрогнули при этом натиске. Абу Дуджана прорвался в середину их, нанося смертельные удары направо и налево и восклицая: «Сабля Бога и Его пророка!» Семь знаменосцев из племени Абд аль-Адара были повержены один за другим, и центр курайшитов начал отступать. Но тут мусульманские стрелки, посчитав победу обеспеченной и забыв приказ Мухаммеда, покинули свои позиции и бросились собирать трофеи. Этим воспользовалась конница курайшитов и напала на мусульман с тыла. Всадник по имени Оббидж ибн Халаф выехал вперед, крича: «Где Мухаммед? Пока он жив, нам не будет покоя!» Но Мухаммед, выхватив копье у ближайшего воина, бросил его в идолопоклонника и попал ему прямо в горло. Оббидж ибн Халаф мертвым свалился с коня. «Так, — продолжает мусульманский писатель аль-Джаннаби, — умер этот враг Бога, за несколько лет перед тем грозивший пророку, говоря: “Я как-нибудь приищу день, чтоб убить тебя”. — “Берегись, — отвечал пророк, — ты сам падешь от моей руки, если на то будет воля Аллаха”».

Среди этой сумятицы камень, пущенный из пращи, рассек Мухаммеду губу и выбил один из передних зубов; и почти сразу в лицо ему попала стрела — ее железный наконечник застрял в ране. И тут же Хамзу проткнул копьем раб-эфиоп Вакса, которому курайшиты обещали свободу, если он отомстит за смерть своего господина, убитого Хамзой в битве при Бадре. Вслед за ним погиб знаменосец Мусаб ибн Омайр; выпавшее из его рук священное знамя подхватил Али.

Так как Мусаб похож был на Мухаммеда, враги распустили слух, что пророк убит. Курайшиты при этой вести воодушевились и удвоили натиск; мусульмане же побежали, унося раненых Абу Бакра и Омара. Рааб, сын Малека, увидел, однако, что Мухаммед жив, — пророк, раненный, лежал во рву. Мухаммеда подхватили и понесли по склону на вершину горы, где мусульмане приготовились к отчаянной защите. Но курайшиты, решив, что Мухаммед убит, не стали преследовать врагов, а занялись грабежом и уродованием умерших. Хенда и ее товарки первые занялись этим диким делом, причем кровожадная героиня хотела даже вырвать и съесть сердце Хамзы. Абу Суфьян воздел часть изуродованного тела Хамзы на копье...

Когда курайшиты удалились, Мухаммед спустился с горы и осмотрел поле битвы. При виде зверски изуродованного трупа Хамзы он поклялся нанести такое же бесчестие семидесяти врагам, когда они попадутся ему. Его горе, судя по преданию, было смягчено архангелом Гавриилом, который возвестил ему, что Хамза взят на седьмое небо и назван «Львом Бога и Его пророка».

Тела убитых были похоронены вместе по два, по три там, где они пали. Мухаммед запретил своим последователям в знак траура обрезать себе волосы и раздирать одежду, но согласился, чтобы они оплакивали умерших, так как слезы облегчают сердце, переполненное печалью.

Ночь, последовавшая за битвой, проведена была мусульманами в величайшем опасении: они боялись нового нападения курайшитов. На следующий день Мухаммед возвратился в Медину. Абу Суфьян тем временем узнал, что он жив, однако остерегся идти на Медину и решил ограничить-

ся одержанной победой. Он заключил перемирие с мусульманами и отправился в Мекку.

Мухаммед искал утешения после этого поражения в новом браке. Очередной его избранницей стала Хенда, дочь Омейя, человека очень влиятельного. Она была вдова, ей было двадцать пять лет. Хенда недавно вернулась из Абиссинии, где скрывалась от курайшитов. У нее был сын по имени Салма, поэтому ее называли Омм-Салма, или «мать Салмы». Хенда пленила Абу Бакра и Омара, которые хотели на ней жениться, но получили отказ. Даже сам Мухаммед не сразу смог добиться согласия. «Какого счастья может пророк Бога ожидать от жизни со мной? Я уже немолода, у меня есть сын, и к тому же я отличаюсь ревнивым характером». — «Что касается возраста, — возразил Мухаммед, — то ты много моложе меня; твой сын найдет во мне человека, который заменит ему отца, а относительно твоей ревности я стану молить Аллаха, чтобы он с корнем вырвал ее из твоего сердца».

Для невесты был выстроен отдельный дом, прилегавший к мечети. Все хозяйство ее, по словам мусульманских писателей, состояло из мешка ячменя, ручной мельницы и горшка с жиром или маслом. Так скудны были средства пророка, или, скорее, так скромны были его привычки, и так проста была жизнь арабов.

Глава двадцать первая

Наказание еврейских племен.

Преданность вольноотпущенника Зайда, который разводится со своей прекрасной женой Зайнаб, чтобы она могла выйти замуж за пророка.

Поражение Мухаммеда в битве при Ухуде имело некоторое время неблагоприятное влияние на распространение его веры среди арабских и еврейских племен. Последовал целый ряд изменнических поступков. Жители городов Адхал и Кара попросили Мухаммеда прислать людей, которые могли бы разъяснить его учение. Он отправил вместе с посланцами Адхалы и Кары шесть своих учеников. Но во время отдыха у колодца Раджи, в пределах владений ходсеититов, послы напали на мусульман, никак не ожидавших этого, убили четверых, а двух других передали мекканским курайшитам, которые их казнили.

Такою же измену совершило племя из Неджеда. Они напали на сторонников Мухаммеда и убили почти всех. Один из мусульман, Амру ибн Омейя, избежал смерти и направился к Медине. По дороге он встретил двух невооруженных евреев из племени бен-Амира и убил их, то ли ошибочно приняв за врагов, то ли в пылу ярости, которую вызвала смерть его товарищей. Это племя было в мире с Мухаммедом и обратилось к нему, требуя удовлетворения. Он передал все дело на обсуждение другого еврейского племени — бен-Надхера, имевшего богатые владения и укрепление Зохра в трех милях от Медины и хранившего при бегстве Мухаммеда из Мекки

в Медину нейтралитет между ним и его противниками. Глава племени пригласил Мухаммеда на встречу, и пророк отправился в сопровождении Абу Бакра, Омара, Али и некоторых других своих сторонников. Угощение им было предложено на открытом воздухе перед жилищем главы. Это подтвердило сведения, которые Мухаммед получил накануне. Верный человек донес, что еврей хочет его убить, пока он будет наслаждаться угощением, — Мухаммеда должен был раздавить жернов, сброшенный с крыши дома. Нимало не обнаруживая, что он знает об измене, Мухаммед внезапно отказался от угощения и поспешил обратно в Медину.

Он приказал всем евреям из племени бен-Надхера под угрозой смерти покинуть страну в течение десяти дней. Евреи исполнили бы это приказание, но Абдаллах ибн Обба тайно убедил их остаться, обещая помочь, и не выполнил своего обещания. Евреи, обманутые главой «лицемеров», заперлись в своем укреплении Зохра, где Мухаммед осадил их, срубив или спалив в округе все финиковые деревья, плоды которых служили им единственной пищей. Через шесть дней евреи сдались, и им позволено было удалиться, причем каждому разрешено было навьючить по одному верблюду разным имуществом, в список которого не входило оружие. Некоторые выселены были в Сирию, другие в Хайбар, большой еврейский город, находившийся на расстоянии нескольких дней пути от Медины. Так как племя это было богато, то после него осталась значительная добыча, которую Мухаммед всецело забрал себе. Его последователи говорили, что это противно закону дележа, о котором говорится в Коране, но Мухаммед объявил им, что поступил согласно новому откровению. Из его слов следовало, что добыча, доставшаяся без боя, не есть завоевание, сделанное людьми, а является даром Бога и должна принадлежать пророку, дабы он употребил ее на добрые дела: на помощь сиротам, беднякам, странникам. И действительно, Мухаммед употребил эту, добычу не на собственные нужды, а раздал ее мухаджирам, двум евреям из племени бен-Надхера, принявшим ислам, и нескольким бедным ансарам.

Мы не станем пускаться в подробности различных экспедиций, предпринятых Мухаммедом в то время; одну из них

он предпринял в окрестности Тебука на сирийской границе, чтоб наказать шайку, грабившую караваны, шедшие из Медины. Эти экспедиции доставляли много добычи, которая в это время начала занимать умы мусульман не меньше, чем распространение веры. Обильная добыча приводила, вероятно, к возмущениям и бесчинствам, на что мы находим указания в Коране, где запрещаются вино и азартные игры.

В этот период Мухаммеду приходилось серьезно опасаться за свою жизнь — на него не раз покушались. Сам он, в свою очередь, как рассказывают, тоже прибегал к коварным средствам, чтобы отделаться от врагов. Так, он будто бы послал Амру ибн Омейя умертвить Абу Суфьяна, но заговор этот был раскрыт, и несостоявшийся убийца спасся едва ли не чудом. Но это обвинение недостаточно обоснованно и противоречит общему характеру и образу действий Мухаммеда.

У Мухаммеда было немало беспощадных врагов, но зато имелись и преданные друзья. Первым среди них стоит назвать его приемного сына вольноотпущенника Зайда ибн Хариса, который был одним из первых последователей новой веры и одним из самых мужественных борцов за нее. Мухаммед советовался с ним во всем и посвящал его даже в домашние дела. Однажды он вошел в его дом так же свободно, как отец входит в жилище сына. Зайд отсутствовал, и дома оставалась только жена его Зайнаб, на которой он недавно женился. Дома она сидела без покрывала и других излишних одежд, так что Мухаммед увидал ее во всей красе. Он не мог удержаться от выражения удивления и восторга, на что она ничего не возразила, но передала все мужу по его возвращении. Зайд знал влюбчивость Мухаммеда и понял, что он пленился красотой Зайнаб. Он тотчас поспешил к Мухаммеду и сказал, что готов развестись с женой, но пророк запретил это ему как дело, противное закону. Зайд, однако, развелся с женой, и, когда положенный срок после развода истек, Мухаммед с благодарностью принял эту жертву. Устроенный им свадебный пир по пышности превзошел все предыдущие. Двери жилища пророка были раскрыты для всех желающих; угощение состояло из баранины, ячменных пирогов, меда и плодов; гости пили и ели всласть. Мно-

гие, однако, возмущались происшедшим, а кое-кто называл новый брак Мухаммеда кровосмесительным.

На это обвинение есть ответ в тридцать третьей суре Корана, где делается различие между кровными родными и приемными, причем объявляется, что нет никакого греха в женитьбе на разведенной жене приемного сына. Но чтобы не осталось ни малейшей тени недовольства, Мухаммед взял назад свое усыновление и убедил Зайда называться, как в былое время, Ибн Харисом, по имени своего родного отца. Прекрасная Зайнаб с тех пор гордилась своим превосходством над остальными женами пророка, выставляя на вид приведенное в Коране откровение, согласно которому ее брак будто бы состоялся по велению свыше.

Глава двадцать вторая

Экспедиция Мухаммеда против мосталеков. Он женится на пленнице Барре. Вероломство Абдаллаха ибн Оббы. Обвинение Аиши. Ее защита. Невинность ее, доказанная откровением

В числе арабских племен, решившихся поднять оружие против Мухаммеда после его поражения при Ухуде, находились мосталеки — сильное племя, родственное курайшитам по происхождению. Однажды Мухаммед получил сведения, что они под началом своего вождя аль-Хариса собрались, вооруженные, близ источников Мораиза в области Кедаид, милях в пяти от Красного моря. Он немедленно выступил во главе отряда правоверных, причем к нему присоединились хазрадиты под начальством Абдаллаха ибн Оббы.

Врага удалось застать врасплох. Аль-Харис был в самом начале убит стрелой, и войско его после слабого сопротивления пустилось в бегство. Двести пленных, пять тысяч овец и тысяча верблюдов стали добычей мусульман. В числе пленных оказалась Барра, дочь аль-Хариса. При разделе добычи она досталась по жребию Табету ибн Рейзе, который потребовал за нее громадный выкуп. Пленница обратилась за посредничеством к Мухаммеду, прося его выкуп убавить. Пророк взглянул на нее с вожделием, потому что она была очень красива. «Я могу сделать для тебя нечто лучшее, чем добиться убавки выкупа: будь моей женой». Красавица Барра

охотно согласилась и, по возвращении Мухаммеда в Медину, стала его женой. Выкуп за нее Табету заплатил пророк; родственники ее, доставшиеся по жребию Мухаммеду, были освобождены; большинство их обратилось в ислам.

После битвы воины столпились у источников Мораиза, чтобы утолить свою жажду. В тесноте произошла ссора между несколькими мухаджирами и хазрадитами, причем один хазрадит получил удар по лицу. Товарищи вступились за него, и неизбежно пролилась бы кровь, если бы не вмешался Мухаммед. Хазрадиты остались неудовлетворенными, и к ним примкнули некоторые горожане. Абдаллах ибн Обба собрал недовольных горожан и сказал: «Вы видите, какие оскорбления вам приходится выносить из-за того, что вы дали приют беглым курайшитам. Вы приняли их в свои дома, отдали им свое добро; теперь они же обратились против вас и платят вам за все это унижениями и оскорблениями. Они норовят стать вашими господами даже в ваших собственных домах, но по возвращении мы увидим, кто из нас сильнее».

Речь эта стала известна Мухаммеду. Омар советовал ему разом отделаться от Абдаллаха, но пророк опасался мести его приверженцев. Чтобы не дать времени разыгаться мятежу, он немедленно, в самую жаркую пору дня, повел войска обратно и продолжал идти всю ночь, не останавливаясь вплоть до следующего полдня, когда усталые воины уже не в силах были думать ни о чем, кроме отдыха.

По возвращении в Медину он призвал Абдаллаха и потребовал у него отчета в его мятежных речах. Абдаллах все отрицал и назвал лжецом человека, сообщившего об этом Мухаммеду. Но Мухаммеду было видение, подтвердившее обвинение против Абдаллаха и его приверженцев. «Таковы эти люди, — читаем в Коране, — говорящие обитателям Медины: не делайте ничего для беглецов, являющихся приверженцами пророка Бога, чтоб заставить их отступить от него. Они говорят, что, вернувшись в Медину, наиболее достойные изгонят недостойных. Да покарает их Бог, так как они отвернулись от истины».

Некоторые из друзей Абдаллаха, убедившись этим откровением, советовали ему просить прощения у пророка, но он

отверг их совет: «Вы сначала уговорили меня оказать этому человеку содействие, а теперь хотите, чтобы я пал ниц перед ним». С этого момента Абдаллах окончательно возненавидел Мухаммеда. В этой беспощадной ненависти видят причину сплетен, которые он распустил об Аише, любимой жене пророка.

У Мухаммеда было в обычае во все свои экспедиции брать одну из жен — ту, на которую выпадал жребий. В только что описанном походе ему сопутствовала Аиша. Она ехала на носилках, кругом завешанных и помещавшихся на спине верблюда, которого вел один из служителей Мухаммеда. Когда войско возвращалось обратно и остановилось для привала, служители Аиши увидели, что на носилках никого нет. Прежде чем они успели прийти в себя от удивления, она явилась на верблюде, которого вел молодой юноша по имени Сафван ибн аль-Моатель. Об этом узнал Абдаллах и стал утверждать, что Аиша находилась в связи с Сафваном.

Историю эту жадно подхватила Хамна, сестра прекрасной Зайнаб, на которой недавно женился Мухаммед. Хамна распространяла ее в надежде, что это послужит во вред Аише, смертельной сопернице сестры; точно так же эту историю разносил повсюду Мистак, родственник Абу Бакра. А поэт Хасан сочинил на эту тему сатиру.

Прошло несколько времени, прежде чем Аиша узнала о слухах, распушенных на ее счет. Болезнь по возвращении в Медину приковала ее к дому, и никто не решился сообщить ей о том, в чем ее обвиняли. Она замечала, однако, что пророк угрюм, молчалив и не так нежен с ней, как был прежде. Когда же она узнала об обвинении, возводимом на нее, то стала утверждать, что ни в чем не виновна. Вот каким образом она объяснила происшедшее.

Войско, возвращаясь в Медину, расположилось на ночлег, когда вдруг поступил приказ идти дальше. Служители, по обыкновению, подвели к палатке Аиши верблюда и, поставив носилки на землю, удалились в ожидании, пока она сядет на них. Собираясь сесть, она заметила, что забыла ожерелье, и вернулась в палатку. Тем временем служите-

ли поместили носилки на верблюда и быстро повели его, не замечая, что в носилках никого не было. Когда она, отыскав ожерелье, вернулась, верблюд уже был уведен, и войско ушло; тогда она закуталась в плащ и села на камень в надежде, что ее отсутствие заметят и вернуться за ней.

Пока она так сидела, молодой араб Сафван ибн аль-Моател, состоявший в арьергарде, проходя, узнал ее и приветствовал. Аиша ничего не ответила, лишь плотнее прикрыла лицо покрывалом. Тогда Сафван слез с коня, помог ей взобраться на верблюда и, взяв животное за повод, поспешил догонять ее носилки; сделать это удалось близ самых стен Медины, когда солнце уже взошло.

Это объяснение Аиши, подтвержденное Сафваном ибн аль-Моателем, казалось вполне удовлетворительным для ее родителей и друзей, но поднято было на смех «лицемерами» — Абдаллахом и его приверженцами. Что касается Аиши, то она с грустью в сердце затворилась в своем жилище, отказывалась от всякой пищи и пролиwała горькие слезы день и ночь.

Мухаммед не знал, чему верить, и, смущенный и опечаленный, обратился за советом к Али. Последний заметил, что такое несчастье — обычная участь людей. Пророк мало утешился таким замечанием; он не виделся с Аишей целый месяц, но сильно тосковал по ней. Эта тоска привела к одному из тех припадков, которые неверующие приписывали падучей болезни; во время припадка Мухаммеду было откровение, упоминаемое в Коране. Оно гласило:

«Люди, обвиняющие почтенную женщину в прелюбодеянии и не приводящие четырех свидетелей этого преступления, должны быть наказаны восьмьюдесятью ударами, и свидетельство их отвергнуто. Что же касается лиц, обвиняющих Аишу, то могут ли они привести четырех свидетелей? Если нет, то они — лжецы перед очами Бога, и пусть их постигнет наказание за их преступление».

Когда невиновность Аиши была таким образом выяснена, пророк с еще большей нежностью привлек ее к своей груди и поспешил наказать виновных. Правда, Абдаллах ибн Обба был слишком влиятелен, чтобы высечь его, но

с тем большею тяжестью обрушилась кара на тех, кто клеветал вместе с ним. Плетни на некоторое время излечили поэта Хасана от страсти к сочинению сатир. Досталось и красавице Хамне.

Откровение, бывшее Мухаммеду, убедило набожного Али в невинности Аиши, но она никогда не забыла и не простила ему его сомнений; ненависть к Али, закравшись в ее душу, не раз отражалась на многих важных обстоятельствах его последующей жизни.

Глава двадцать третья

Стычка у рва. Поражение курайшитов. Осада еврейского укрепления. Решение Саада относительно наказания евреев. Мухаммед берет себе в жены еврейскую пленницу Рехану. Его стараются погубить с помощью колдовства, но архангел Гавриил, явившись ему в видении, спасает его

Мы уже говорили, что после Ухудской битвы заключено было перемирие на один год. В течение этого времени неутомимый глава курайшитов Абу Суфьян заключил союз с арабскими племенами, населявшими пустыню, — гатафанитами и рядом других, — а также с евреями из племени бен-Надхера, изгнанными Мухаммедом из их домов. Когда перемирие закончилось, он собрался идти на Медину вместе с этими союзниками; общая численность его войска доходила до десяти тысяч человек.

Мухаммед получил сведения о планах Абу Суфьяна заранее, но опыт поражения при Ухуде говорил ему, что не следует вступать в открытый бой со столь многочисленным неприятелем; к тому же он предполагал, что у его врагов есть тайные союзники в Медине — прежде всего евреи и «лицемеры».

Решено было заняться укреплением города. Салман — перс, принявший ислам, — посоветовал вырыть глубокий ров на некотором расстоянии от стены, с той стороны, с которой должен был явиться неприятель. Эта идея была горячо поддержана Мухаммедом, выславшим значительное число людей рыть ров; причем он сам участвовал в этой работе. Много чудес приписывают ему за время рытья это-

го рва. Однажды, говорит предание, он накормил громадное множество людей одной корзинкой фиников, которая оказалась полной, после того как все насытились. Другой раз он угостил тысячу людей одним жареным ягненком и ячменным хлебом, и при этом мяса хватило всем. Мы не можем также не упомянуть о чудесном ударе его железным ломом по скале, отчего будто бы посыпались искры, осветившие весь Йемен, дворцы в Константинополе и, наконец, башни резиденции персидского царя, что, очевидно, знаменовало будущие завоевания ислама.

Едва ров был закончен, как на соседних холмах появился многочисленный неприятель. Оставив Ибн Омм-Мактума, человека, заслуживавшего доверия, командовать в городе и зорко следить за теми горожанами, которые были настроены враждебно, Мухаммед выступил за стены Медины с тремя тысячами войска, боевые порядки которого он расставил вдоль рва. Абу Суфьян, ничего не подозревая, смело шел вперед, но его воины внезапно уткнулись в ров и подверглись сильному обстрелу со стороны мусульман. Таким образом, атака Абу Суфьяна захлебнулась, и ему пришлось расположиться лагерем, причем курайшиты заняли нижнюю часть долины, а гатафаниты — верхнюю. В течение нескольких дней оба войска только и делали, что метали друг в друга камни из пращей и стреляли из луков.

Тем временем лазутчики донесли Мухаммеду, что еврейское племя кораид, обретавшееся вблизи Медины и имевшее с мусульманами договор о мире, заключило тайный союз с Абу Суфьяном. Мухаммеду стало ясно: если кораидиты присоединятся к курайшитам, его воины не сумеют удержать ров по всей его длине. Созвав военный совет, он предложил военачальникам подкупить гатафанитов; мир с гатафанитами Мухаммед оценил в треть всего сбора фиников, получаемого Мединой. На это Саад ибн Моад, предводитель мединских ауситов, сказал: «Предлагаешь ты это нам по повелению Аллаха или от себя?» — «Если б это было повеление Аллаха, — возразил Мухаммед, — то я не стал бы спрашивать вашего совета. Я вижу, как неприятель теснит нас со всех сторон, и ищу средства нарушить союз враже-

ских сил». — «О пророк Бога! — воскликнул Саад. — Когда мы были идолопоклонниками, они получали наши финики, платя за них! Так неужели теперь, став правоверными и имея тебя вождем, мы станем отдавать их даром? Нет, клянусь Аллахом! Если им нужны наши финики, пусть добывают их своими саблями».

Сааду пришлось вскоре доказать свою храбрость на деле. Отряд конных курайшитов, в числе которых были Акрема, сын Абу Джахля, и Амру, дядя первой жены Мухаммеда Хадиджи, нашел место, где ров был узок. Пришпорив коней, они перескочили через него; за ними последовало несколько воинов. У стен города они начали вызывать мусульман на единоборство. Вызов приняли Саад ибн Моад, Али и несколько их товарищей.

Али вступил в единоборство с Амру; они сражались сначала на конях, потом спешили, в конце концов схватились и повалились на землю, и только тогда Али убил своего врага. В другой схватке был сильно ранен Саад ибн Моад. Тем временем курайшиты стали перескакивать через ров обратно. Конь одного из них, Навфала ибн Абдаллаха, сделать этого не сумел, и всадник упал на дно рва; град камней посыпался на Навфала, и тогда он предложил мусульманам напасть с более благородным оружием. Мгновенно Али соскочил в ров, и вскоре Навфал пал под ударами его сабли. Затем Али присоединился к своим товарищам, преследовавшим бегущего врага, и ранил дротиком Акрему.

Мухаммед, все еще не решаясь вступить в открытый бой, вызвал Русима, араба из племени гатафанитов, тайно обратившегося в ислам, и послал его в стан врага с заданием посеять там раздор. Русим сперва отправился к кораидитам, с которыми был в старинной дружбе. «Не безумие ли, — сказал он им, — дать вовлечь себя в ссору мекканских курайшитов между собой? Обдумайте, свое положение! Потерпев поражение, они удалятся в Мекку и там будут в безопасности. Их союзники в пустыне тоже удалятся к себе и предоставят вас одних в жертву мести Мухаммеда и жителей Медины. Поэтому пусть они дадут залог, что не отступят до тех пор, пока не сломят власть Мухаммеда».

Затем он отправился к курайшитам и гатафанитам и предостерег насчет евреев-кораидитов: дескать, кораидиты намереваются взять заложников и передать их в руки Мухаммеда.

Все это возымело надлежащее действие. Абу Суфьян в пятницу вечером дал знать евреям, чтобы они на следующий день были готовы к общей атаке. Евреи отвечали, что следующий день есть день субботний, когда им нельзя принимать участия в битве; при этом они отказывались от участия в военных действиях, пока союзники не дадут им заложников в доказательство того, что до конца будут действовать с ними заодно.

Таким образом, курайшиты и гатафаниты убедились в измене кораидитов и не решились атаковать, опасаясь, что те нападут на них с тыла. Пока они бездействовали, налетел холодный ветер с сильным дождем, снес палатки и погасил сторожевые огни. Среди этого переполоха вдруг пронесся слух, что буря явилась по волшебству Мухаммеда, который со своим войском идет против них. На всех напал панический страх, и Абу Суфьян, поняв, что установить порядок не удастся, сел на своего верблюда и подал знак к отступлению. Курайшиты направились к Мекке, а остальные — в пустыню.

Абу Суфьян, полный ярости, написал Мухаммеду письмо, обвиняя его в том, что он трусливо спрятался за рвом — вещь, неслыханная в арабских военных действиях, — и грозя отомстить ему со временем, когда они встретятся в открытом поле, как в Ухудской битве. Мухаммед ответил ему, что близок день, когда он вдребезги разобьет курайшитских идолов.

По удалении Абу Суфьяна Мухаммед взялся за кораидитов, которые, запершись в своих укреплениях, противостояли осаде в течение нескольких дней; наконец, изголодавшись, они обратились к посредничеству своих давнишних друзей ауситов. Последние стали просить пророка даровать евреям те же условия, какие он некогда поставил кайнокам по просьбе хазрадита Абдаллаха. Мухаммед подумал с минуты и предложил предоставить участь кораидитов решению Саада ибн Моада, главы ауситов. Кораидиты, зная, что он некогда был их другом, радостно согласились. В силу этого они сдались в количестве семисот человек и, закован-

ные в цепи, были отведены в Медину. К несчастью для них, Саад все еще страдал от полученной раны и в минуты особенно сильных болей и гнева постоянно молился о том, чтобы при своей жизни успеть отомстить изменникам-кораидитам. Таково было его настроение, когда ему предложили решить их участь.

Саад был человек толстый, полнокровный; его с трудом посадили на осла, подложили под него кожаную подушку и поддерживали все время на седле, пока он ехал до места судилища. Прежде чем приступить к делу, он потребовал от всех присутствующих клятвы в том, что они подчинятся его решению. Евреи радостно согласились в ожидании благоприятных результатов. Но едва начался суд, как Саад, протянув руку, сказал, что мужчин следует казнить, женщин и детей отдать в рабство, а их имущество распределить между победителями.

Несчастные евреи были поражены ужасом; но решение это было окончательное. Их отвели на площадь, прозванную с тех пор «рынком кораидитов», где вырыли громадные могилы, куда их заставили спуститься, и там, одного за другим, казнили, причем не сделали исключения и для их князя Хуайха ибн Ахтаба. Саад ибн Моад присутствовал при этой казни; возбуждение его при этом было так сильно, что рана открылась, и он вскоре умер.

В укреплении кораидитов нашлось значительное количество пик, копий, шлемов и другого оружия и снаряжения, а на полях — множество овец, лошадей и верблюдов. При дележе принято было за правило, чтоб каждый пеший воин получал один жребий, а каждый конный — три: два за своего коня и один за себя. Пятая часть всей добычи была предварительно отделена пророку.

Драгоценнее всего в этой добыче была, в глазах Мухаммеда, Рехана, дочь богатого и могущественного еврея Симеона, — самая красивая женщина во всем племени. Он обратил Рехану в свою веру и женился на ней.

Но склонность к прелестям еврейских женщин не умаляла растущей ненависти Мухаммеда к евреям; он подозревал их в самых коварных замыслах. Мусульманские писатели приписывают чарам еврейских колдунов продолжительную

и мучительную болезнь, от которой Мухаммед страдал в это время; эта болезнь не поддавалась никаким лекарствам. Они описывают даже, какими чарами этот недуг был вызван. По их словам, еврейский колдун, живший в горах, проделал все при помощи дочерей, тоже опытных в этом дьявольском искусстве. Они приготовили маленькую восковую фигурку Мухаммеда, обвили ее волосами пророка и воткнули в нее одиннадцать иголок. Затем они сделали одиннадцать узлов на тетиве, дуя на каждый узел; обмотали тетивой фигурку и бросили ее в колодец. Под влиянием этих могущественных чар Мухаммед стал сохнуть, пока его друг, ангел Гавриил, не открыл ему в видении их тайну. Проснувшись, он послал Али к колодцу, где восковая фигурка и была найдена. Когда ее принесли к Мухаммеду, он, по словам той же легенды, произнес над ней две последние суры Корана, сообщенные ему в недавнем видении. Суры эти состоят из одиннадцати стихов:

«Во имя милосердного Бога! Я полечу искать убежища у Господа, создавшего свет дня,

Дабы Он спас меня от опасности, грозящей мне от существ и предметов, созданных Им;

От опасности мрачной ночи и луны во время затмения;

От опасности со стороны колдунов, завязывающих узлы и дующих на них;

От опасности завистников, замышляющих смертоносное зло.

Я буду искать убежища у Аллаха, Владыки людей,

У Аллаха, царя людей,

У Аллаха, Бога людей,

Дабы Он освободил меня от злого духа, исчезающего при упоминании святого имени Аллаха;

От злого духа, влагающего злые помыслы в сердца сынов человеческих;

И от злых гениев и людей, занимающихся волшебством».

По мере того как он читал эти стихи, один узел за другим распускался, одна игла за другой выпадала, и здоровье возвращалось к Мухаммеду. Под конец одиннадцатого стиха он встал здоровый и сильный, подобно человеку, с которого спали опутывавшие его веревки.

Глава двадцать четвертая

Мухаммед отправляется на богомолье в Мекку и ускользает от конницы, высланной преградить ему путь.

Он располагается лагерем вблизи Мекки и начинает переговоры с курайшитами. Мухаммеду дозволяется каждый год посещать Мекку. Возвращение его в Медину

Прошло шесть лет со времени бегства Мухаммеда из Мекки. Так как арабы считали этот город священным и главным местом поклонения, то продолжительное изгнание из него и открытая вражда к курайшитам, которые охраняли Каабу, сильно вредили Мухаммеду в глазах многих племен и задерживали распространение его учения. К тому же люди, сопровождавшие его в изгнание, сильно тосковали по родным местам, и в силу этого являлось опасение, что их вера ослабеет, если изгнание будет еще долго продолжаться.

Мухаммед все больше сознавал, насколько важно примирить священный город с его религией; тем более что он выдавал себя только за преобразователя, явившегося восстановить древнюю веру патриархов в ее первоначальной простоте и чистоте. Приблизился месяц джудкада — месяц богомолья, прекращения всех военных действий, когда враги могли мирно встречаться в пределах священных границ. Случившееся в это время видение убедило Мухаммеда, что он и его последователи могут, вверившись этому почтенному обычаю, посетить древнее место поклонения арабов. Это откровение было радостно встречено его последователями, и в священный месяц он выступил из Медины на богомолье во главе тысячи четырехсот человек, мухаджиров и ансаров.

Они взяли с собой семьдесят верблюдов, чтоб принести их в жертву при Каабе. Желая явно заявить о том, что они идут с миром, а не с войной, мединцы сделали стоянку в деревне Дсу-Хулейфа, находившейся на расстоянии дневного пути от Медины, где сняли с себя все оружие, кроме сабель, вложенных в ножны, и продолжили дальше путь в одежде пилигримов.

Тем временем смутный слух об их приближении распространился в Мекке. Курайшиты, подозревая враждебные намерения, выслали Халида ибн аль-Валида во главе конного отряда, чтобы преградить дорогу мусульманам.

Мухаммед, узнав, что главный путь прегражден, пошел в обход по ущельям и, обойдя Халида, спустился в долину близ Мекки и расположился лагерем у Ходейры, в пределах священных границ. Отсюда он послал курайшитам уверения в своих мирных намерениях и потребовал себе прав, существующих для богомольцев.

Посланцы курайшитов посетили лагерь, чтоб оценить обстановку. Они поражены были тем уважением, с каким последователи относились к Мухаммеду. Вода, которой он совершал омовение, считалась священной; волосы, упавшие с его головы, или обрезки его ногтей хранились как драгоценные святыни. Один из курайшитов нечаянно коснулся развевающейся бороды пророка; немедленно ученики оттолкнули его, предостерегая, чтобы он не позволял себе впредь такого нечестивого поступка. По возвращении он сказал мекканцам: «Я видел персидского царя и константинопольского императора среди их придворных, но я никогда еще не встречал монарха, которого подданные чтили бы так, как последователи чтут Мухаммеда».

После этого курайшитам и вовсе не захотелось допускать в город человека, который способен столь сильно влиять на умы и сердца людей. Мухаммед — в надежде получить безопасный доступ к священной Каабе — посылал к ним одного переговорщика за другим, но тщетно. Последним он отправил в Мекку своего зятя Османа ибн аль-Аффана.

Прошло несколько дней, Осман не возвращался, и разнесся слух, что он убит. Мухаммед стал строить планы мщения за его смерть, но тут Осман неожиданно вернулся. Вместе

с ним прибыл посланник курайшитов Солхаил, уполномоченный заключить мир с Мухаммедом. Курайшиты поняли, что неблагоприятно воевать с человеком, которому с такой фанатичной преданностью подчиняются люди.

Договор между курайшитами и мусульманами был заключен на десять лет; в течение этого времени Мухаммед и его последователи каждый год могли для исполнения религиозных обрядов посещать Мекку, но проводить там не более трех дней. Изложить их письменно было поручено Али. При этом между Мухаммедом и Солхаилом возник спор, как Мухаммеду называть себя. «Если бы я верил, что ты — апостол Бога, — воскликнул Солхаил, — я никогда бы не поднял против тебя оружия! Поэтому просто пиши свое имя». Мухаммед не стал препираться из-за формы и ответил согласием; в договоре, таким образом, просто значилось: «Мухаммед ибн Абдаллах» (Мухаммед, сын Абдаллаха), и это несколько смутило его последователей.

Их недовольство еще больше усилилось, когда Мухаммед велел им обрить себе головы и принести тут же в жертву верблюдов, приведенных для жертвоприношений при Каабе; это указывало, что он не намерен вступать в Мекку, так как эти обряды обыкновенно исполнялись под конец богомолья. Мухаммеду напомнили о видении, обещавшем свободное посещение священного города; но он возразил, что заключенный договор равносителен посещению. Вынужденные удовольствоваться этим объяснением и выполнив предписанные обряды, мусульмане свернули лагерь и, отчасти разочарованные, вернулись в Медину.

Глава двадцать пятая

Нападение на город Кхаибар. Подвиги начальников Мухаммеда. Битва Али и Мархаба. Штурм цитадели. Али пользуется воротами как щитом. Взятие крепости. Отравление Мухаммеда. Он женится на пленнице Сафии и на вдове Омм-Хабибе

Чтобы как-то возместить своим последователям неудавшееся посещение Мекки и поддержать их религиозный фанатизм, Мухаммед немедленно предпринял новую экспедицию.

На расстоянии почти пятидневного пути на северо-восток от Медины находился город Кхаибар с принадлежащими ему землями. Его населяли евреи, обогатившиеся торговлей и земледелием. Они владели полями, которые засеивались пшеницей, рощами финиковых пальм и лугами, где паслись стада и табуны. На их земле стояло несколько крепостей. Древность Кхаибара была столь велика, что Абульфедда утверждает, будто Моисей по переходе через Черное море послал войско против амалекитян, населявших Ясриб и Кхаибар.

Область эта стала убежищем для евреев, изгнанных Мухаммедом из Медины и ее окрестностей. Это обстоятельство, вкуче с богатством Кхаибара, указывало на него как на вполне подходящую цель для войны.

Поход против Кхаибара состоялся в начале седьмого года хиджры. Мухаммед выступил во главе тысячи двухсот пехотинцев и двухсот всадников; его сопровождали Абу Бакр, Али, Омар и другие его военачальники. У этого войска было

два знамени: на одном изображалось солнце, на другом — черный орел.

Вступив во владения Кхаибара, Мухаммед сначала занялся второстепенными крепостями, рассеянными по всей области. Одни сдавались без сопротивления; в этих случаях вся добыча в качестве «дара Бога» поступала пророку. Но некоторые крепости приходилось брать штурмом.

Покончив с крепостями, Мухаммед направился к самому Кхаибару. Город защищала крепость аль-Камус, стоящая на крутой скале. Она считалась неприступной, и правитель Кхаибара Кенан ибн аль-Раби, собрал там — для лучшей сохранности — все свои сокровища.

Когда Мухаммед в первый раз увидел высоченные стены города и крепость аль-Камус, возвышавшуюся на скале, он, говорят, произнес молитву:

«О Аллах! Владыка семи небес и всего, ими осеняемого! Владыка семи земель и всего, на них произрастаемого! Владыка злых духов и всех, кого они совращают с истинного пути! Владыка ветров и всего, что они разбрасывают и рассеивают! Мы умоляем Тебя передать в наши руки этот город со всем, что он содержит, и со всеми богатствами его земель. К Тебе обращаемся мы за помощью против этого народа и за защитой от всех напастей, окружающих нас».

Для молитвы он избрал высокий утес, и все время, пока продолжалась осада Кхаибара, ежедневно семь раз обходил вокруг утеса, как принято это делать вокруг Каабы. Впоследствии на этом утесе была воздвигнута мечеть, и она стала предметом почитания мусульман.

Осада крепости затянулась, испытывая терпение Мухаммеда и его войска, мало привычного брать укрепления. Мусульмане страдали от недостатка провианта — они рассчитывали на быстрый успех и не запаслись едой; к тому же евреи при их приближении опустошили поля и срубили финиковые пальмы в окрестностях.

Мухаммед лично руководил приступом. Мусульмане пустили в ход тараны и проделали брешь в стене, но их попытки проникнуть в город были отражены. Одно время впереди воинов со знаменем пророка был Абу Бакр; сражался он очень храбро, но тем не менее вынужден был отсту-

пить. Следующую атаку возглавил Омар ибн Кхайтаб; он дрался до самой ночи, но безуспешно. Затем воинов повел Али, которого Мухаммед вооружил своим мечом Зульфикаром. Вручая ему священное знамя, он назвал его «человеком, любящим Бога и Его пророка, и которого любят Бог и Его пророк. Человеком, не ведающим страха и никогда не поворачивающимся спиной к неприятелю».

Здесь уместно дать портрет Али. Он был среднего роста, но крепок, плотен и замечательной силы. На его лице, окаймленном густой бородой, постоянно светилась улыбка. Он отличался веселым нравом, острым умом и религиозным рвением.

Арабские писатели с особенными преувеличениями рассказывают о подвигах своего излюбленного героя при Кхайбаре. По их словам, на нем была ярко-красная одежда, а поверх ее — стальной панцирь. Взобравшись с товарищами на высокую грудку камней и щебня напротив пролома в стене города, он на вершине ее водрузил свое знамя и сказал, что не уйдет отсюда, пока крепость не будет взята.

Тем временем евреи сделали вылазку, полагая отбросить осаждающих подальше от стен. Али сошелся в схватке командиром еврейского отряда аль-Харисом и убил его. После этого против Али вышел брат убитого. Он был гигантского телосложения, имел двойную кирасу, на чалме, обмотанной вокруг его шлема, красовался громадный алмаз. С каждого бока у него висело по сабле, а кроме того, он был вооружен трезубцем. Воины оглядели друг друга и, если верить мусульманским писателям, обменялись хвастливыми словами в восточном духе.

«Я, Мархаб, — сказал еврей, — вооружен и страшен в битве».

«А я, Али, которого мать, рожая, назвала аль-Хаидаром (Рычащим львом)».

Мусульманские писатели быстро кончают с еврейским бойцом. Он напал на Али со своим трезубцем, но этот наскок был ловко отражен, и, прежде чем успел прийти в себя, удар, нанесенный Зульфикаром, рассек надвое его щит, пробил шлем и снес ему полголовы. Гигантская фигура, безжизненная, пала на землю.

После этого евреи ретировались, а мусульмане устремились в атаку и с ходу взяли крепость. В пылу битвы Али потерял щит, и тело его оказалось ничем не защищено; тогда он сорвал с петель ворота и во все остальное время битвы употреблял их в качестве щита. Абу Раф, слуга Мухаммеда, подтверждает этот факт: «Я рассматривал эти ворота вместе с семью товарищами, и мы, восемь человек, не могли поднять их»¹⁴.

Овладев крепостью, мусульмане осмотрели все подвалы и башни, надеясь найти богатства, спрятанные Кенаном, но ничего не нашли. Тогда Мухаммед спросил у Кенана, куда он спрятал свои сокровища? Еврей отвечал, что все они ушли на содержание войск и приготовления к защите, но один из его подданных открыл место тайника; впрочем, найденные там богатства не удовлетворили ожиданий. Кенан же был отдан на расправу одному мусульманину, брат которого погиб при штурме цитадели аль-Камус. Мусульманин этот одним ударом сабли отрубил ему голову.

В Кхаибаре Мухаммед едва не пал жертвой мести евреев. Как-то он попросил приготовить на обед мясо, и ему подали баранью лопатку. Отправив кусок мяса в рот, он почувствовал странный вкус и, хотя тут же сплюнул, все-таки ощутил резь в желудке. А его товарищ Базхар, который ел вместе с ним, упал и умер в судорогах.

После тщательного дознания выяснилось, что баранину эту жарила пленница Зайнаб, племянница Мархаба — гиганта, которого убил Али. Когда ее привели к Мухаммеду, она смело призналась в том, что отравила еду, — Зайнаб считала своим долгом отомстить Мухаммеду за то зло, которое он причинил ее семье и племени. «Я думала, — сказала она, — что если ты истинный пророк, то заранее откроешь грозящую тебе опасность; если же ты только обманщик, то погибнешь, и мы освободимся от тирана».

Арабские писатели высказываются различно относительно участи, постигшей эту женщину. По словам одних, ее отдали на растерзание родственникам Базхара; по словам же других, Мухаммед, пленившись красотой Зайнаб, сохранил ей жизнь.

Те же писатели редко передают какой бы то ни было выдающийся эпизод из жизни Мухаммеда без того, чтобы не присоединить к своему рассказу что-нибудь чудесное. Так и в данном случае они уверяют, что отравленная лопатка барана получила дар слова и предостерегла Мухаммеда от грозившей опасности; но, очевидно, этот дар появился позднее, чем следовало, так как Мухаммед успел проглотить достаточно яда, чтобы всю жизнь страдать от припадков сильной боли; даже в последние минуты жизни он жаловался на то, что его сердце отравлено кхаибарским ядом.

Куда дружелюбнее отнеслась к нему другая пленница — Сафия, у которой были еще более веские основания для мести, чем у Зайнаб; она только что вышла замуж за преданного смерти Кенана, а кроме того, была дочерью вождя кораидитов Хуайха ибн Ахтаба, казненного с семьями подданными на площади в Медине.

Сафия отличалась замечательной красотой, поэтому неудивительно, что она привлекла внимание Мухаммеда, который, по обыкновению, пожелал присоединить ее к числу обитательниц своего гарема, но зато крайне странно, что она отнеслась благосклонно к такой участи. Мусульманские писатели объясняют это тем, что она будто бы подготовлена была к тому сверхъестественным образом.

Когда Мухаммед стоял лагерем перед городом, ей ночью привиделось, будто солнце спустилось с неба и скрылось в ее чреве. Когда она утром рассказала об этом видении мужу своему Кенану, тот, ударив ее по лицу, воскликнул: «Женщина! Почему ты иносказательно говоришь об этом арабском вожде, явившемся воевать с нами?»

Видение Сафии оправдалось, так как Мухаммед с возможной поспешностью обратил ее в ислам и, прежде чем покинуть Кхаибар, взял себе в жены. Их брачный пир совершился во время обратного пути в аль-Сахбе, где армия останавливалась на три дня. Абу Айюб, один из самых горячих последователей пророка, заведовавший его домашним хозяйством, всю ночь охранял с саблей в руке брачную палатку. Сафия была одной из наиболее любимых жен Мухаммеда и после его смерти прожила вдовой сорок лет.

Кроме упомянутых нами браков по любви, Мухаммед примерно в то же время женился из политического расчета. Вскоре по его возвращении в Медину из Абиссинии прибыли мусульмане, когда-то искавшие там убежище. В числе их была красивая вдова, муж которой Абдаллах умер в изгнании. Она была известна под именем Омм-Хабибы, матери Хабибы — дочери, которую она произвела на свет. А сама она приходилась дочерью Абу Суфьяну, злейшему врагу Мухаммеда, и пророк думал сделать этим браком шаг навстречу своему давнему врагу. Политическое соображение это, как говорят, было или внушено, или подтверждено откровением, составляющим одну из сур Корана.

Глава двадцать шестая

Отправка посольств к Ираклию,
Хосрофу II, египетскому наместнику.

Результаты посольств.

Всю остальную часть года Мухаммед оставался в Медине и рассылал своих верных учеников, уже в то время опытных военачальников, в военные экспедиции, благодаря которым непокорные племена довольно быстро принуждены были признать его власть. Его взгляды как государственного человека расширились по мере того, как увеличивались размеры завоеванной им территории. Хотя Мухаммед и проповедовал, что в крайних случаях религию нужно распространять мечом, тем не менее он не пренебрегал мирными путями и посылал представителей к правителям, властвовавшим над областями, находившимися в пределах его политического горизонта, склоняя их принять ислам, что, в сущности, значило признать его, Мухаммеда, своим главой в силу его божественного посланничества.

Самыми приметными были два посольства: к персидскому шаху Хосрофу II и в Константинополь к римскому императору Ираклию. Войны между римлянами и персами из-за обладания Востоком, нередко разгоравшиеся в течение многих последних столетий, велись и этими двумя правителями с переменным счастьем и несколько лет тревожили восточный мир. Различные страны терпели от нашествий то римлян, то персов; государства и царства переходили под власть

то первых, то вторых, смотря по тому, какая из воюющих сторон оказывалась победительницей. В это время Хосроф с тремя армиями, из которых одна хвастливо называлась «пятьюдесятью тысячами золотых пик», отвоевав у римского императора Палестину, Каппадокию, Армению и несколько других обширных и богатых провинций, стал властителем Иерусалима и перенес святой крест в Персию. Не ограничиваясь этим, он направился в Африку, завоевал Ливию, Египет и распространил свое управление до Карфагена.

В разгар этих побед к нему явилось мусульманское посольство с письмом от Мухаммеда. Хосроф послал за своим секретарем и переводчиком и велел ему читать письмо. Оно начиналось так:

«Во имя всеблагого Господа! От Мухаммеда, сына Абдаллаха и апостола Бога, к Хосрофу, шаху персидскому».

«Что? — воскликнул Хосроф в порыве высокомерного негодования. — Неужели этот раб смеет ставить свое имя впереди моего?!» Он схватил письмо и изорвал его в клочки, не стараясь даже узнать его содержание.

Затем он написал свое письмо вице-королю в Йемен: «До сведения моего дошло, что в Медине есть сумасшедший из племени курайшитов, утверждающий, что он — пророк. Образумь его, а если это невозможно, пришли его голову». Мухаммед, узнав, что Хосроф изорвал его письмо, сказал: «Точно так же и Аллах заставит его царство распасться на клочки».

Письмо пророка к Ираклию встретило более сдержанный прием, вероятно, потому, что оно дошло до него в то время, когда судьба ему не благоприятствовала. В этом письме императору предлагалось отказаться от христианства и принять ислам. Подписано оно было: «Мухаммед, посланник Божий». Ираклий, говорят, почтительно положил письмо на подушку; он отнесся к послам Мухаммеда благосклонно и отпустил их с великолепными подарками. Но всецело поглощенный войнами с персами, император не вспомнил в дальнейшем о человеке, которого, вероятно, счел за простого араба-фанатика, и не придавал никакого значения его победам, которые, судя по всему, показались ему обычными набегами диких племен пустыни.

Кроме того, Мухаммед отправил послов к Муковкису, правителю Египта, которого Ираклий послал в эту страну для сбора дани; но он, воспользовавшись неурядицей, царившей из-за войн римлян с персами, присвоил себе верховную власть, отвергнув почти всякую зависимость от ее императора. Муковкис принял посольство с большими почестями, но отклонился от прямого ответа на приглашение принять новую веру, заметив, что это вопрос очень важный, требующий серьезного обсуждения, и ограничился тем, что послал Мухаммеду в подарок драгоценные камни, одежды из египетских льняных тканей, меда и масла, белую ослицу, белого мула и скакуна. Самым приятным даром были, однако, две коптские девушки — сестры Мария и Ширена.

Красота Марии сильно смутила пророка и заставила его задуматься. Он охотно взял бы ее себе в наложницы, но его собственный закон в семнадцатой главе Корана предписывал наказание плетью за прелюбодеяние.

Из этого затруднительного положения ему помогло выйти новое откровение, по которому закон этот не имел обязательного значения для пророка, ибо последнему дозволялись сношения даже с его служанкой, хотя для всех остальных мусульман прежний закон оставался в полной силе. Тем не менее чтобы избежать скандала, а главным образом, чтобы не вызывать ревности своих жен, Мухаммед продолжал втайне хранить свою связь с прелестной Марией, что отчасти послужило причиной того, что она долгое время пользовалась особенной его любовью.

Глава двадцать седьмая

Путешествие Мухаммеда в Мекку на поклонение Каабе. Его женитьба на Маимуне. Халид ибн аль-Валид и Амру ибн аль-Аас становятся его последователями.

Наконец настало время, когда благодаря договору с курайшитами Мухаммед и его последователи могли явиться в Мекку и, не опасаясь за свою жизнь, пробыть три дня у священной Каабы. Пророк не замедлил отправиться в путь в сопровождении многочисленной, хорошо вооруженной свиты; с собой они вели семьдесят верблюдов, предназначенных для принесения в жертву. Давние враги Мухаммеду не препятствовали и только наблюдали за ним с соседних холмов. Вступив в пределы Мекки, богомольцы, согласно договору и обычаю, сняли с себя военные доспехи и оставили только вложенные в ножны мечи.

Велико было их счастье увидеть снова башни священного города; сердца их переполнялись радостью. Они выполняли древние обряды с таким рвением и благоговением, что многих жителей Мекки привлекли к своей вере. Исполнив все церемонии, Мухаммед сменил одежду богомольца на свое обычное одеяние и направился в Сариф — деревушку в шести милях от Мекки, вне ее священных границ. Здесь ему предстояла другого рода церемония: женитьба на Маимуне¹⁵, дочери аль-Хариса. Он сосватал ее сразу по прибытии в Мекку, но отложил свадьбу, желая предварительно выполнить все обряды богомолья. Это был, бесспорно, его второй

брак из политических расчетов, потому что Маимуна была вдова и притом пятидесяти одного года, но этим браком он приобретал двух могущественных союзников.

Во-первых, это был племянник вдовы Халид ибн аль-Валид, неустрашимый воин, едва не разбивший Мухаммеда в битве при Ухуде. Во-вторых — Амру ибн аль-Аас, друг Халида; он, как мы уже упоминали, в начале пророческой деятельности Мухаммеда осыпал его язвительными стихами; затем курайшиты послали Амру к абиссинскому царю, чтобы убедить того выдать сбежавших мусульман. Но отныне ему предстояло нести в чужие страны веру, которую он некогда так ревностно преследовал.

Глава двадцать восьмая

Убийство мусульманского посла
в Сирии. Поход, предпринятый с целью
отомстить за его смерть. Битва при Муте.
Ее результаты

Мухаммед отправлял много посольств за пределы Аравии, приглашая соседних правителей принять ислам; между прочим, было отправлено посольство и к правителю Босры, средоточия торговых путей на границе с Сирией, куда Мухаммед в молодости сопровождал свой первый караван. Однако до цели посол Мухаммеда не добрался — он погиб в сирийском городе Мута от руки араба-христианина, сына наместника Ираклия.

Желая отомстить за это убийство и обеспечить на будущее время безопасность другим послам, Мухаммед собрал трехтысячную армию. Впервые мусульмане готовились к прямому столкновению с Римской империей. Командование войском вверили вольноотпущеннику Зайду. С ним были двоюродный брат Мухаммеда — Джафар, сын Абу Талиба; Али — тот самый, что своим красноречием перед абиссинским царем отразил домогательство курайшитского посольства; Абдаллах ибн Кавах — поэт, одинаково прославившийся как стихами, так и храбростью, а также новообращенный Халид ибн аль-Валид, по собственному желанию присоединившийся к походу, дабы мечом доказать искренность своего обращения.

Зайд двигался быстро, чтобы прийти в Муту неожиданно. Он получил приказ щадить женщин, детей, монахов и слепых; его воинам запрещено было разрушать дома и рубить деревья.

Маленькая армия вышла из Медины в полной уверенности, что нападёт на врага неожиданно. Однако уже на марше мусульмане узнали, однако, что превосходящие силы греков двигаются им навстречу. Был созван военный совет. Некоторые были за то, чтобы остановиться и ждать дальнейших приказаний Мухаммеда, но Абдаллах требовал бестрепетно идти вперед, невзирая на многочисленность врага. «Мы сражаемся за веру! — восклицал он. — Если мы падём, рай будет нам наградой. Мы победим или станем мучениками!»

Противоборствующие армии сошлись недалеко от Муты. Зайд получил смертельную рану в одной из стычек, священное знамя выпало у него из рук, но было подхвачено и поднято кверху Джафаром. Вокруг него завязалась бешеная борьба — Джафар защищал знамя с отчаянной храбростью. Потеряв кисть одной руки, он схватил его другой; когда же и эта рука была отсечена, он сжал знамя окровавленными обрубками; наконец меч рассек ему череп, и он пал на землю, однако же не выпустив знамени. Его заменил поэт Абдаллах, но и он вскоре пал под ударом меча. Халид, видя смерть трех мусульманских предводителей, схватил в свою очередь роковое знамя, и из его руки оно уже не выпало. Голос его ободрил колеблющихся мусульман. Если собственный его рассказ заслуживает доверия — а он был из числа тех, чьи подвиги не нуждаются в преувеличении, — то девять мечей сломались в его руке во время этой битвы.

Ночь разлучила сражающихся. Наутро Халид, вставший во главе армии, сумел ввести неприятеля в заблуждение относительно количества своих войск, и на той стороне предположили, что мусульмане получили сильное подкрепление. Поэтому враг предпочёл отступить — столь поспешно, что это больше походило на бегство. Мусульмане нащадли отставших. Халид разграбил брошенный лагерь и вернулся в Медину с большой добычей. С собой мусульмане везли тело Джафара, найденное на поле битвы.

Несмотря на победу, вступление войска в Медину напоминало скорее похоронную процессию, чем триумфальное шествие. Воины оплакивали смерть трех любимых своих полководцев. У Джафара остались красавица-жена и сын. Мухаммед был тронут их горем. Он взял на руки осиротевшего ребенка, и слезы полились из его глаз. Но волнение его еще больше увеличилось, когда он заметил юную дочь верного Зайда. Он бросился к ней на шею и горько заплакал.

Хоронили Джафара на третий день по возвращении войска. Тут к Мухаммеду вернулось его самообладание, и он корил толпу за рыдания. «Не оплакивайте, — сказал он, — смерть этого брата моего. Взамен двух рук, потерянных им при защите знамени веры, он получил два крыла, чтобы вознестись в рай, где он будет наслаждаться бесконечными радостями, уготованными для всех верующих, павших на поле битвы».

За храбрость, проявленную Халидом, Мухаммед дал ему почетное прозвище «Божий меч», которое и сохранилось за ним.

Глава двадцать девятая

Виды на Мекку. Посольство Абу Суфьяна.
Результаты посольства

Мухаммед силою как своего оружия, так и красноречия добился господства над многими арабскими племенами. Под его началом было теперь несколько тысяч воинов, сынов пустыни, привыкших к голоду, жажде и палящим лучам солнца, — для них война была скорее развлечением, чем трудом. Он укротил их необузданность, упорядочил их храбрость, подчинил их закону. Победы внушили им уверенность в себе и в фанатичную веру в своего вождя.

Планы Мухаммеда постепенно расширялись, и в уме его зародилась мысль о великом предприятии. Мекка, его родной город, место, где поколениями жил его род, где он сам провел счастливые годы юности, все еще находилась в руках его непримиримых врагов. Кааба, куда все сыны Измаила стекались на богомолье, все еще осквернялась обрядами идолопоклонства. Водрузить знамя правоверия на стенах родного города, очистить священное место от богохульства, восстановить поклонение единому истинному Богу и сделать Мекку центром ислама — вот что составляло теперь его главную цель.

Препятствием служил мирный договор с курайшитами. Однако после нескольких случайных стычек у мединцев появился повод обвинить своих давних противников в нару-

шении условий договора. Курайшиты между тем, опасаясь быстро растущего могущества мусульман, старались уладить ссоры и загладить проступки некоторых своих неосторожных представителей. Их вождь Абу Суфьян отправился в Медину на переговоры — он надеялся, что повлиять на пророка ему поможет дочь Омм-Хабиба.

Для высокомерного вождя было тяжелым испытанием явиться едва ли не просителем к человеку, которого он называл обманщиком; но гордой душе его суждено было испытать еще большее оскорбление, так как Мухаммед, замышляя войну, даже не удостоил его ответом.

Абу Суфьян попробовал поискать посредничества у Абу Бакра, Омара и Али, но и все они не пожелали иметь с ним дела. После этого он стал домогаться расположения Фатимы, дочери Мухаммеда и жены Али, льстя ее материнскому самолюбию просьбой дозволить ее сыну Хасану, шестилетнему мальчику, быть его заступником; но Фатима высокомерно ответила: «Сын мой слишком мал, чтобы покровительствовать, да и всякое покровительство бессильно против воли пророка Божия». Дочь его Омм-Хабиба, на влияние которой он рассчитывал, только прибавила ему огорчения: когда Абу Суфьян хотел сесть на циновку в ее доме, она воскликнула: «Это место пророка Божия — оно священно и не может служить сиденьем идолопоклоннику!»

Чаша унижения переполнилась, и Абу Суфьян в озлоблении проклял свою дочь. Затем он снова обратился к Али, умоляя его дать совет — что делать в создавшейся ситуации.

«Вот лучший мой совет, — сказал Али, — обещай, в качестве главы курайшитов, соблюдение мирного договора и затем возвращайся домой». — «Но будет ли мое обещание иметь какое-нибудь значение?» — «Не думаю, — отвечал Али, — но я не уверен и в противном».

Следуя этому совету, Абу Суфьян явился в мечеть и заявил от имени курайшитов, что мирный договор будет свято соблюдаться ими; затем он вернулся в Мекку, глубоко униженный неудачным результатом своего посольства. Курайшиты только смеялись над ним, говоря, что его заявление о мире не имеет никакого значения, коль скоро о мире ни слова не сказал Мухаммед.

Глава тридцатая

Нападение врасплох на Мекку и взятие ее

Мухаммед тем временем тайно готовился к походу на Мекку. На всех путях в Мекку были выставлены заставы, чтобы курайшиты раньше времени ничего не узнали. Несмотря на все эти предосторожности, тайна едва не вышла наружу. В числе последователей Мухаммеда, бежавших из Мекки, был некто Хатеб, семья которого осталась в городе, не имея там ни родственников, ни друзей, которые могли бы заботиться об ее благосостоянии. И вот этот Хатеб задумал снискать для нее благосклонность курайшитов, выдав им план Мухаммеда. Он написал курайшитам письмо и отправил его в Мекку с рабыней по имени Сара. Она была уже в пути, когда Мухаммед узнал об измене. Али с пятью другими всадниками на быстрых конях посланы были в погоню; вскоре они догнали Сару, но, обыскав ее, не нашли ничего. Али, однако, был уверен, что пророк не может ошибиться. Обнажив меч, он поклялся, что снесет женщине голову, если она не отдаст письма. Угроза подействовала — Сана вытащила письмо из волос.

Хатеба обвинили в предательстве. Он оправдывался желанием обеспечить покровительство семейству, которое вынужден был покинуть. Омар хотел снести ему голову, но

Мухаммед, вспомнив, что Хатеб храбро сражался при Бадре, простил его.

Вскоре после этого десятитысячное войско мусульман выступило из Медины. Омар, которому поручили руководить движением и назначать места для привалов, скрытно повел воинов горными проходами. Армия дошла, не обнаружив себя, до долины Марр-Аззар, находящейся недалеко от священного города; ночью мусульмане раскинули свои палатки, и Омар в первый раз позволил им зажечь бивачные огни.

Неожиданно в лагере появился дядя Мухаммеда аль-Аббас, ушедший с семьей из Мекки, чтобы — как он заявил — стать под знамя пророка. Мухаммед принял его милостиво, хотя и сделал намек на то, что он так долго медлил. «Ты — последний из бежавших, — сказал он, — как я — последний из пророков». Аль-Аббас послал свою семью в Медину, а сам присоединился к войску. Видя, сколь серьезно настроен его племянник, аль-Аббас — в опасении, что курайшиты будут истреблены все до единого, — надеялся убедить их сдаться без боя.

К концу ночи разведчики вели к Омару двух пленных, захваченных недалеко от города. Это были Абу Суфьян и один из его военачальников. Омар при свете бивачного огня узнал Абу Суфьяна и воскликнул: «Хвала Богу, в моих руках такой враг!» Он уже занес саблю, но тут в дело вмешался аль-Аббас, сказал, что участь пленника должен решить сам пророк. При этом он бросился к Мухаммеду; вслед за ним явился и Омар, с криком требуя головы Абу Суфьяна.

Таким образом, от Мухаммеда зависела жизнь человека, изгнавшего его из дома и родного города, преследовавшего его семью и друзей; но, с другой стороны, этот человек был отцом жены Мухаммеда. Подумав, пророк отложил окончательное решение до утра.

На другой день пленника привели к Мухаммеду, и их разговор, при котором присутствовали аль-Аббас и Омар, закончился тем, что Абу Суфьян признал Мухаммеда пророком. Впрочем, не последнюю роль в этом сыграли угрозы Омара, и, следовательно, получило подтверждение прави-

ло, что для убеждения упорно неверующих лучшее доказательство — меч!

Обращение в мусульманскую веру помогло Абу Суфьяну добиться приемлемых условий для жителей Мекки, в случае если они изъявят покорность. А чтобы Абу Суфьян мог составить понятие о силе мусульманской армии, был устроен общий смотр, на который каждое арабское племя явилось со своими знаменами и оружием. Абу Суфьян был поражен численностью сторонников Мухаммеда.

«Клянусь, с ним бороться нельзя! — вскричал он, обращаясь к аль-Аббасу. — Действительно, племянник твой обладает великой силой».

«Именно так! — ответил тот. — Вернись же к своему народу, позаботься о его безопасности и предостереги от сопротивления пророку».

Абу Суфьян поспешил в Мекку, где, собрав жителей, сообщил о приближении могучей рати под предводительством Мухаммеда и предложил сдать город. Слова главного противника Мухаммеда возымели действие. Большинство жителей решили покорно встретить пророка при его вступлении в город.

Между тем Мухаммед, не зная, придется ли ему встретить сопротивление, приближаясь к Мекке, позаботился, чтобы основную часть войска с флангов прикрывали специальные отряды. Али командовал отрядом кавалерии, ему было вверено священное знамя, которое надлежало водрузить на горе Хаджун. Все военачальники получили приказ выжидать и ни в коем случае не атаковать первыми — Мухаммед мечтал, чтобы Мекка покорилась его милосердию, а не силе. Правда, всех, кто окажет вооруженное сопротивление, велено было убивать, но зато всем, кто сдастся на милость победителя, даровалась свобода.

Мухаммед в ярко-красном одеянии ехал в арьергарде, восседая на своем любимом верблюде аль-Касве. Громадная масса народа, толпившаяся вокруг него, затрудняла его продвижение. Когда он прибыл на гору Хаджун, где Али водрузил знамя веры, для него раскинули палатку. Мухаммед сошел на землю и сменил свой яркий наряд на черную чалму и одежду богомольца. В этот момент, однако, в доли-

не произошло столкновение: курайшиты обстреляли левое крыло, которым командовал Халид; пылкий воин не стерпел и понесся с мечом на врага, а за ним последовало все войско. Они обратили курайшитов в бегство, ворвались вслед за ними в городские ворота, и только вмешательство Мухаммеда спасло город от страшной резни.

Когда кровопролитие прекратилось, пророк спустился с горы верхом на верблюде и приблизился к воротам, имея по правую руку Абу Бакра, а сзади — Осаму, сына Зайда. При восходе солнца вступил он в ворота своего родного города — не как славный победитель, но в одежде и со смирением богомольца, произнося открытые ему в Медине стихи Корана, в которых предсказывалось это событие. Это было торжество религиозного деятеля, а не война.

Мухаммед направился прямо к Каабе, где он молился с раннего детства, к тому священному алтарю, который чтили со времен патриархов и который он считал первоначальным храмом единого истинного Бога. Он семь раз обошел вокруг священного здания, как это требовалось религиозным обрядом, соблюдавшимся от древности, и с чувством благоговения каждый раз дотрагивался своим посохом до священного «черного камня». Он бы вошел и в Каабу, но старый охранитель ее Осман ибн Тадха запер дверь. Али вырвал было у него ключи, но Мухаммед велел возвратить их почтенному служителю и так расположил того своей добротой, что Осман сам отворил двери; позже он принял ислам и оставался служить при Каабе до самой смерти.

Войдя внутрь, Мухаммед взялся за очищение священного здания от символов идолопоклонства, которыми оно было наполнено. Все идолы, находившиеся внутри и вокруг него, были низвергнуты и истреблены. Между ними более всех почитался Хабал — идол, привезенный из Сирии; говорили, что в его власти вызывать дождь, и поэтому для жителей безводной пустыни он служил объектом величайшего поклонения. Здесь были также статуи Авраама и Измаила с волшебными стрелами в руках. «Это оскорбляет их память», — сказал Мухаммед. Из уважения к праотцам статуи их были разрушены. В Каабе находились также и картины, изображавшие ангелов в образе красивых женщин. «Ангелы, —

сказал с негодованием Мухаммед, — не таковы. Для наслаждения правоверных в раю существуют небесные гурии, но ангелы, духи, подначальные Всевышнему, по природе своей слишком чисты для того, чтобы иметь пол». Поэтому картины эти также были уничтожены.

Из Каабы Мухаммед отправился к святому колодцу Земзем, который ангел открыл Агари и Измаилу, когда они изнемогали от жажды. У колодца пророк получил от дяди аль-Аббаса сосуд для питья и совершения омовения. В память этого события он назначил дядю хранителем чаши при колодце — священную должность эту потомки аль-Аббаса наследуют до сих пор.

Окончив религиозные церемонии, Мухаммед расположился на холме Сафа, и жители Мекки, мужчины и женщины, прошли перед ним с клятвой верности. Все это было согласно с откровением Корана, где сказано: «Бог послал своего апостола с указанием ему религии истины, которую он должен возвысить над всеми другими религиями. Воистину, те, которые клянутся в верности ему, клянутся в верности Богу. Рука Божия руководит ими». Но, несмотря на свое торжество, Мухаммед отвергал всякие почести, относящиеся лично к нему. «Почему ты дрожишь? — сказано он человеку, приблизившемуся к нему робкими, нетвердыми шагами. — Чего боишься? Я не царь, а сын курайшитки, которая ела мясо, сушенное на солнце».

Высокомерные некогда начальники курайшитов представили пред человеком, которого они преследовали, с раболепным видом — жизнь их теперь была в его руках.

«Чего вы ждете от меня?» — спросил он их грозно.

«Милости, о великодушный брат наш! Милости, о сын великодушного рода!»

«Да будет так! — сказал Мухаммед. — Убирайтесь отсюда! Вы свободны!»

Некоторые из его последователей, разделявшие с ним изгнание, предвкушали наслаждение кровавой мстью и в разочаровании роптали на его милосердие, но Мухаммед был непоколебим. Правда, он оставил за собой право в течение только этого дня наказать некоторых городских жителей, совершивших преступления, и они были осужде-

ны на изгнание; но даже из них большинство позже было помиловано.

Среди курайшитских женщин, явившихся для принесения ему присяги, он заметил Хенду, жену Абу Суфьяна, когда-то подстрекавшую неверных в Ухудской битве. Она пришла закутанная в покрывало, в надежде остаться неузнанной, но едва Мухаммед устремил на нее взгляд, она пала к его ногам с воплем о милосердии. И великодушное прощение было ею получено.

В числе тех, кому грозило наказание, был убийца Хамзы — эфиоп Вакса. Однако он убежал из Мекки при вступлении в нее войск Мухаммеда, а затем вдруг он явился к пророку и, прежде чем тот узнал его, заявил о своем обращении в ислам. Он был помилован, но прежде его вынудили рассказать все подробности смерти Хамзы. Мухаммед приказал Ваксе никогда больше не показываться ему на глаза. Эфиоп пережил эпоху халифства Омара и был несколько раз наказан в его царствование плетью за пьянство.

На изгнание был осужден Абдаллах ибн Саад, молодой курайшит, соединивший в себе храбрость воина с замечательным остроумием. Так как он легко владел пером, то Мухаммед употреблял его прежде для письменного изложения откровений Корана. Исполняя эту обязанность, Абдаллах часто переделывал и искажал текст; нашли даже, что он вследствие невнимательности или умышленно иногда изменял его, так что выходила бессмыслица; нередко в кружке товарищей он шутил и острил над своими переделками и поправками, замечая, что если Коран служит доказательством того, что Мухаммед — пророк, то, значит, и он должен быть наполовину пророком. Когда эти вставки и искажения были обнаружены, Абдаллах бежал от гнева пророка в Мекку и снова стал идолопоклонником. При взятии города молочный брат укрыл его в своем доме и держал у себя до тех пор, пока не улеглось волнение, после чего он стал просить пророка о помиловании Абдаллаха. Тут снисходительность Мухаммеда подверглась самому сильному испытанию. Виновный обманул его доверие; надсмеялся над ним; старался зародить сомнение в его апостольском посланничестве и нанес удар по вере в самой ее основе. Несколько вре-

мени Мухаммед не прерывал грозного молчания, надеясь, как впоследствии признался, что кто-нибудь из ревностных учеников отсечет преступнику голову. Но так как никто не двинулся, то он согласился на помилование. Абдаллах тотчас произнес символ веры и жил с тех пор как добрый мусульманин. Он был одним из самых ловких наездников своего племени и, когда настал его смертный час, все повторял сотую суру Корана под названием «Скакуны». Может быть, это была одна из сур, которую он искажил.

Акрема ибн Абу Джахль часто обнаруживал смертельную ненависть к пророку, унаследованную от своего отца. При вступлении Мухаммеда в Мекку Акрема вскочил на коня и скрылся через другие ворота, покинув красавицу жену Омм-Хакем, на которой только что женился. Омм-Хакем приняла мусульманскую веру вместе со всеми мекканцами и вскоре узнала, что корабль, на котором ее муж пытался переправиться в Йемен, возвращен бурей в гавань. Она бросилась к Мухаммеду, растрепанная, с распущенными волосами, без покрывала, и пала к его ногам, умоляя простить Акрему. Пророк, тронутый, вероятно, более красотой, чем горем Омм-Хакемы, обещал исполнить ее просьбу. На пристань она явилась как раз в тот момент, когда корабль, на котором находился Акрема, готовился к повторному отплытию. Она уговорила мужа вернуться в Мекку и обратиться в ислам. Они предстали перед пророком вместе. На этот раз, однако, Омм-Хакема тщательно закрылась покрывалом, и видны были одни только черные глаза. Мухаммед утвердил обращение Акремы и щедро одарил молодую чету. Подобно многим другим обращенным мекканцам Акрема позже проявил храбрость в войнах за веру — он принял мученическую смерть, пав в одной из битв.

Все деяния Мухаммеда после взятия Мекки показывают, что сердце его в отношении побежденных мекканцев смягчилось. Ансары, содействовавшие ему в войне, стали опасаться, как бы это не сказалось на их интересах. Однажды после молитвы на холме Сафа Мухаммед долго и пристально глядел на Мекку, а потом сказал: «Воистину ты — наилучший из городов и наиболее любим Аллахом! Если бы мое собственное племя не изгнало меня отсюда, я никогда не

покинул бы тебя!» Услыхав эти слова, ансары начали говорить между собою: «Вот, посмотрите, Мухаммед теперь, наверное, покинет Медину!» Пророк обратился к ним с мягкой укоризной: «Нет, — воскликнул он, — вы мне доказали свою верность, и я поклялся жить и умереть с вами. Я был бы недостоин звания служителя Бога и Его пророка, если бы оставил вас!» Он не изменил своему слову и до самой смерти жил в Медине, послужившей ему пристанищем в трудную минуту.

Мухаммед не удовлетворился очищением Каабы и уничтожением идолопоклонства в родном городе; он разослал повсюду вооруженные отряды под командованием верных людей, чтобы уничтожить идолов у племен, населявших соседние селения, и обратить в ислам тамошних жителей.

Из всех этих военных «апостолов» ни один не проявлял такого рвения, как Халид. Прибыв в Наклах, куда сходились идолопоклонники-курайшиты для поклонения своим богам в храме Уззы, он явился в священную рощу, разорил храм и уничтожил идола. Тут, крича и ломая руки, навстречу выбежала страшная старуха, черная, нагая, растрепанная, и Халид одним ударом сабли разрубил ее пополам. Он рассказал об этом Мухаммеду, недоумевая, была это жрица или сам дьявол. «Поистине, — отвечал пророк, — убитая тобою была сама Узза».

Во главе отряда из трехсот пятидесяти человек, часть из которых принадлежали к племени сулеймитов, Халид отправился в соседнюю область Техама. С ним отбыл Абдалрахман, который обратился в ислам одним из самых первых. Пророк велел ему проповедовать мирное и добровольное обращение людей в ислам. На пути в Техаму лежали земли племени джадсимитов, большинство которых уже стали мусульманами. Однако в прежние времена это племя отличалось убийствами и грабежами, и на его совести была смерть дяди Халида и отца Абдалрахмана. Опасаясь мести со стороны Халида, джадсимиты вооружились при приближении его войска.

Халид в глубине души обрадовался, что они вышли ему навстречу в боевом порядке. Он спросил:

«Мусульмане вы или неверные?»

Джадсимиты отвечали нерешительно:

«Мусульмане...»

«Почему же вы встретили нас с оружием?»

«Потому, что у нас есть враги среди соседних племен, которые могут напасть врасплох».

Халид приказал им сойти с лошадей и сложить оружие; некоторые повиновались и были тотчас схвачены и связаны; остальные бежали. Приняв их бегство за признание вины, Халид пустился преследовать их. Он разорил селения джадсимитов и даже умертвил некоторых пленных.

Мухаммед, узнав об этой ничем не вызванной жестокости, поднял руки к небу и призвал Бога в свидетели своей невиновности. Тут же он послал Али с поручением возвратить джадсимитам все отнятое Халидом и выплатить возмещение родственникам убитых. Али честно выполнил приказ пророка: он вызнал о потерях и страданиях каждого потерпевшего и оказал всем полное удовлетворение. Когда все было улажено, Али разделил оставшиеся деньги между джадсимитами и, таким образом, заслужил их благодарную память.

А мстительный Халид заслужил порицание даже тех, кому старался угодить.

«Я отомстил за смерть твоего отца», — сказал он Абдалрахману.

«Ты опозорил веру поступком, достойным идолопоклонника», — возразил с негодованием Абдалрахман.

Глава тридцать первая

Угроза с гор. Лагерь в долине Аутас. Битва в ущелье. Взятие неприятельского лагеря. Свидание Мухаммеда со своей кормилицей. Раздел добычи. Мухаммед на могиле своей матери

Пока воинственные «апостолы» Мухаммеда распространяли его учение огнем и мечом в долинах, в горах назревала гроза — против мусульман образовали союз такифиты, хавазины, джатсимиты, саадиты и некоторые бедуинские племена. Саадиты были те самые арабы-пастухи, среди которых воспитывался Мухаммед в детстве, когда, по словам предания, ангелом было очищено его сердце.

Такифиты, стоявшие во главе союза, представляли собой сильное племя, владевшее большим городом Таифом, территория вокруг которого отличалась плодородием. Они были фанатичными идолопоклонниками, в их столице находился знаменитый храм, где находился идол аль-Лат. В свое время они весьма холодно отнеслись к Мухаммеду, когда тот явился с проповедью, едва не забросали его камнями и в конце концов выгнали его за городские ворота. Теперь такифиты боялись мести пророка, и этот страх побудил их образовать антиисламский союз.

Возглавил этот союз правитель Таифа Малек ибн Ауф. Местом сбора своего войска он назначил долину Аутас, лежащую между Хонейном и Таифом. Зная, насколько переменчива натура арабов, он приказал им привезти с собой свои семьи и пожитки, чтобы у воинов и мысли не возник-

ло выйти из дела. Вскоре собралось четыре тысячи воинов из разных племен; с ними в лагере были толпы женщин и детей, многочисленные стада и табуны.

Этот способ создания армии не одобрил глава джадситов Дораид. Это был очень старый, едва ли не столетний человек, худой, как скелет, почти слепой и до того слабый, что его перевозили на носилках, помещенных на спине верблюда. Хотя он не мог участвовать в военных действиях, авторитет его у бедуинов был очень высок. Однако Малек ибн Ауф пренебрег мнением ветерана пустыни.

Между тем Мухаммед выступил навстречу союзным племенам во главе двенадцатитысячного войска, сформированного частью из мухаджиров и ансаров, частью из арабов, которые еще не приняли его веру.

Мухаммед в сверкающих латах и шлеме ехал на своем любимом муле Далдале. Он редко пользовался боевым конем, так как никогда не принимал непосредственного участия в битвах. Недавние успехи и численное превосходство придавали ему уверенность в легкой победе, так что он вступил в горы, не предприняв никаких предосторожностей, и очутился в глубине мрачной долины на границе Хонейна. Отряды пробирались беспорядочно по неровному ущелью, каждый выбирая себе дорогу. Вдруг сверху посыпался на них град стрел и камней; несколько воинов упали мертвыми у ног Мухаммеда. Оказалось, что Малек занял высоты, господствовавшие над этим тесным ущельем, — на каждом утесе были его стрелки и пращники.

Охваченные паникой, мусульмане обратились в бегство. Тщетно Мухаммед взывал к ним — каждый думал о своем собственном спасении. Все казалось потерянным. Некоторые, насильно обращенные в ислам, невольно обнаруживали восторг — они решили, что счастье отвернулось от пророка.

Один из них, лелеявший в глубине души жгучее желание отомстить за смерть своего отца, убитого мусульманам в битве при Ухуде, во время общего смятения подобрался к пророку, и лишь в последний момент телохранители защитили его. Сам же Мухаммед в порыве отчаяния пришпорил и направил мула прямо на неприятеля, но аль-Аббас схватил узду и удержал его от верной смерти.

Тем временем мусульмане, увидев, что их не преследуют, остановили бегство и смогли восстановить боевые порядки. Неприятель же спустился с высот, и в ущелье началось кровопролитное сражение. Мухаммед зачерпнул полную горсть пыли и бросил ее в сторону неприятеля. «Да смутятся лица ваши, да ослепит вас эта пыль!» — крикнул он. И по словам исламских писателей это произвело решительное действие: враги ослепли и побежали в беспорядке, как это только что делали мусульмане, хотя, признаться, победу мусульман можно приписать скорее их численному перевесу. Малек и такифиты укрылись в Таифе, а остальные удалились в лагерь в долине Аутас.

Мухаммед тут же послал Абу Амира с большими силами атаковать лагерь. Хавазины храбро защищались. Абу Амир был убит, но племянник его Абу Муса принял командование на себя и одержал победу. В лагере мусульманам вследствие неразумного распоряжения Малека ибн Ауфа достались богатая добыча и множество пленных.

Здесь, кстати, стоит упомянуть о дальнейшей судьбе старого воина пустыни Дораида. Пока мусульманские отряды, рассеявшись по лагерю, делили добычу, молодой сулеймит Рабиа ибн Рафи заметил верблюда с носилками на спине и погнался за ним, думая найти на носилках какую-нибудь красавицу. Догнав верблюда и отдернув полог, он увидел старика Дораида, похожего на скелет. Разочарованный, Рабиа замахнулся на старика мечом, но оружие переломилось. «Твоя мать, — презрительно сказал старик, — дала тебе негодный меч; ты можешь за моим седлом найти хорошее оружие».

Пока юноша вынимал из ножен саблю Дораида, тот, заметив, что он — сулеймит, воскликнул: «Передай своей матери, что ты убил Дораида ибн Симма». Слова эти не произвели на юношу никакого впечатления, и он раскрыл череп вождя джадсимитов его же саблей. Когда Рабиа вернулся в Мекку и рассказал матери об этом происшествии, та с упреком сказала: «Ты убил благодетеля нашего племени. Три женщины из твоей семьи были освобождены из плена Дораидом ибн Симмой».

Абу Амир вернулся к Мухаммеду с большой добычей и толпой плененных женщин и детей. Одна из пленниц пала

к ногам пророка и стала умолять его о помиловании, называя себя аль-Шимой, его молочной сестрой, дочерью кормилицы Халемы. Мухаммед напрасно пытался узнать подругу своих детских игр, но аль-Шима обнажила спину и показала рубец на том месте, где он из шалости укусил ее. Тут уже отпали все сомнения, и Мухаммед предложил ей или остаться под его защитой, или возвратиться домой к родным.

Мусульмане не знали, как поступить с пленницами. Можно ли жениться на замужних женщинах, не впадая в прелюбодеяние? Откровение Корана разрешило затруднение. «Вы не должны жениться на свободных замужних женщинах, — гласит оно, — пока правая рука ваша не обратила их в рабство». Согласно с этим правилом, все женщины, взятые в плен, могут стать женами тех, кто завладел ими, хотя бы они и были замужем. Победители не замедлили воспользоваться этим правом.

Оставив пленниц и добычу в безопасном месте и под верной охраной, Мухаммед осадил Таиф. Чувство мести присоединилось к его благочестивому рвению, когда он увидел ворота, за которые был когда-то позорно изгнан, когда он приблизился к этому месту, свидетелю обид и оскорблений, нанесенных ему. Но стены были слишком крепки, крепость слишком хорошо защищена, чтобы можно было штурмовать ее с ходу, так что первое время мусульмане ограничились стрельбой из катапульт; затем пошли в дело тараны и другие стенобитные орудия, которых арабы раньше не знали, а теперь сооружали под руководством обращенного перса Салмана аль-Парси. Осажденные, однако, отразили первую атаку, осыпав мусульман дротиками и стрелами и прожигая раскаленным железом щиты из воловьей кожи, под прикрытием которых они приближались к стенам.

Двадцать дней Мухаммед вел безуспешную осаду, каждый день становясь на молитву между палатками Омм-Салмы и Зайнаб — жен, которым выпал жребий сопровождать его в этом походе. За это время он опустошил в округе поля, сады и виноградники и объявил, что все рабы, которым удастся убежать из города, получают свободу. Понемногу надежда на успех начала покидать Мухаммеда, и он еще

более пал духом, когда увидел сон, который был неблагоприятно истолкован Абу Бакром. Мухаммед решил снять осаду, но жаждущее добычи войско возроптало, и он отдал приказ штурмовать одни из ворот. Такифиты защищали их с обычным упорством, и было множество убитых с обеих сторон. Мусульманам пришлось отступить. Абу Суфьян, храбро сражавшийся в этом бою, лишился глаза.

Мухаммед снял осаду, обещав своему войску со временем вернуться к Таифу, и отправился к месту, где находилась добыча, захваченная ранее. Она состояла, по словам арабских писателей, из двадцати четырех тысяч верблюдов, сорока тысяч овец, четырех тысяч унций серебра и шести тысяч пленных.

Тут к Мухаммеду явилась депутация хавaziнов с изъявлением покорности и с просьбой возвратить им семьи и имущество. Вместе с послами пришла Халема, кормилица Мухаммеда, женщина уже очень старая. Воспоминания детства тронули его сердце.

«Что вам дороже, — спросил он у хавaziнов, — семьи или имущество?»

«Семьи», — отвечали они.

«Что касается меня и аль-Аббаса, — сказал Мухаммед, — то мы согласны возвратить вам нашу долю пленных, но ведь нужно согласие и других. Приходите ко мне после полуденной молитвы и скажите: “Мы умоляем посланника Божия посоветовать последователям своим возвратить нам жен и детей наших; мы молим также и последователей его ходатайствовать пред ним за нас».

Послы хавaziнов так и поступили. Мухаммед и Аббас тотчас отказались от своей доли невольников; примеру их последовали и все остальные, за исключением воинов двух племен, но Мухаммед добился и их согласия, обещав им в следующем походе шестую часть пленников.

Таким образом, во многом благодаря Халеме освобождены были все хавaziны. Существует предание о том, как почтительно относился Мухаммед к этой скромной покровительнице его детства. «Как-то раз сидел я с пророком, — рассказывал один из его учеников, — как вдруг неожиданно

предстала пред ним женщина; он встал и разостлал ей свою одежду для сидения. После ее ухода кто-то сказал мне, что эта женщина кормила грудью пророка».

Мухаммед решил не идти еще раз на Таиф — он поступил мудрее, отправив гонца к Малеку с предложением возвратить всю добычу, взятую у такифитов, и подарить, кроме того, сто верблюдов, если Малек и его подданные примут ислам. Великодушные сделали то, что не могло сделать оружие, и Малек не только стал мусульманином, но и привел под знамя пророка несколько союзных ему племен. Впрочем, Таиф до поры до времени остался в руках идолопоклонников. Малек тотчас был поставлен во главе их и оказался впоследствии строгим бичом в деле насаждения новой веры.

Мусульмане стали опасаться, что Мухаммед под влиянием своих великодушных побуждений расточит все богатства, приобретенные после недавних битв; поэтому они потребовали изменить принятый порядок дележа добычи и пленных. Но Мухаммед с укоризной сказал: «Разве я был когда-нибудь жаден или поступал когда-нибудь нечестно или незаконно?» Потом, вырвав волос со спины верблюда и возвысив голос, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, я никогда из общей добычи не брал даже на волос больше своей пятой части, да и эта пятая часть издерживалась всегда вам же на пользу!»

Затем он разделил добычу, доставшуюся мусульманам в долине Аутас, по-прежнему: четыре пятых отдал войску, а свою пятую часть разделил между людьми, верность которых ему хотелось удерживать и далее. Новым союзникам своим курайшитам он доверял мало. Поэтому он старался скрепить союз с ними подарками. Абу Суфьяну он дал сто верблюдов и сорок окков серебра в награду за глаз, потерянный им при штурме таифских ворот. Щедрот пророка удостоился Акрема ибн Абу Джахль и некоторые другие курайшиты — соразмерно их заслугам.

Среди недавно обращенных и облагодетельствованных был поэт Аббас ибн Мардас. Однако он остался недоволен наградой и излил свое недовольство в стихах. Слух об этом дошел до Мухаммеда. «Вырежьте ему язык», — сказал про-

рок. Омар, всегда склонный к строгим мерам, готов был исполнить это приказание буквально и немедленно; но другие, лучше понявшие намерение пророка, привели дрожащего Аббаса на площадь, где находился захваченный скот, и предложили ему взять любых верблюдов.

«Как! — вскричал он радостно, сообразив, что его не собираются увечить. — Это тот путь, которым пророк хочет заставить мой язык молчать?! Клянусь Аллахом, я не возьму ничего!» Мухаммед довел, однако, дело до конца и послал Аббасу шестьдесят верблюдов. С этих пор поэт никогда не переставал воспевать щедрость пророка.

Стремясь таким путем получить расположение мекканцев, Мухаммед вызвал ропот среди ансаров. «Пророк расточителен по отношению к вероломным курайшитам, — говорили его мединские помощники, — тогда как мы, которые оставались верны ему при всех невзгодах, получаем только свою долю! Что такое мы сделали, что о нас забывают?»

Мухаммед, узнав о недовольстве мединцев, велел созвать их вождей в свою палатку. «Разве, — сказал он, — не было между вами распрей, и не я ли водворил мир среди вас? Не вы ли заблуждались, и не я ли вывел вас на истинный путь? Не были ли вы бедны, и не я ли обогатил вас?»

Мединцы признали справедливость его слов. «Смотрите теперь, — продолжал Мухаммед, — я пришел к вам заклейменный именем лжеца, и, несмотря на это, вы уверовали в меня; меня преследовали, и вы защитили меня; я был изгнан, и вы укрыли меня; я был беспомощен, и вы помогли мне. Неужели вы думаете, что я не чувствую этого? Неужели вы можете считать меня неблагодарным? Вы жалуетесь, что я делаю подарки этому народу и не даю ничего вам. Это правда. Но я даю им мирские блага, чтобы победить их мирские сердца. Вам же, которые были верны мне, я отдаю самого себя! Они вернутся домой с овцами и верблюдами, вы же вернетесь с пророком Божиим. Клянусь вам именем Того, в Чьих руках душа Мухаммеда, что, если бы весь мир шел по одному пути, а вы по другому, я бы остался с вами! Кого же из вас наградил я больше?»

Ансары были тронуты до слез. «О пророк Божий! — воскликнули они. — Мы довольны своим жребием!»

Разделив добычу, Мухаммед вернулся в Мекку — но не как торжествующий победитель, а в скромной одежде богомольца. Выполнив все обряды, он назначил имама, или первосвященника, для наставления народа в духе мусульманского учения, а начальствовать над городом поставил Отаба, восемнадцатилетнего юношу; затем он простился с родиной и отправился со своими отрядами обратно в Медину.

Когда он проходил через Абву, где была похоронена его мать, сердце его возжаждало воздать сыновний долг ее памяти, но закон, им же объявленный, запрещал чтить могилы умерших в неверии. Сильно взволнованный, он умолял небо смягчить этот закон, и явилось ему откровение с дозволением посетить могилу.

На кладбище он залился слезами, но эти слезы были единственной данью, которую ему дозволено было принести. «Я просил позволения у Бога, — с грустью говорил он, — посетить могилу матери, и это было мне разрешено; но не получил я разрешения помолиться на ней!»

Глава тридцать вторая

Смерть дочери пророка Зайнаб.

Рождение сына Ибрагима. Депутации

от дальних племен. Поэтическое состязание

в присутствии пророка. Обращение Таифа

и уничтожение в нем идолов. Переговоры с Амиром

ибн Тафилем, гордым вождем бедуинов.

Свидание Мухаммеда с Ади

Вскоре после возвращения Мухаммеда в Медину умерла его дочь Зайнаб. Пророк глубоко переживал эту потерю; утешением ему послужил сын, рожденный любимой наложницей Марией и названный Ибрагимом. Мухаммед надеялся, что Ибрагим, единственный мальчик среди его детей, станет продолжателем рода.

Его слава распространилась к этому времени по всей Аравии, и в Медину беспрестанно являлись депутации от дальних племен; некоторые признавали его веру; другие подчинялись ему как властелину и соглашались платить дань. Дарования Мухаммеда обнаруживались по мере требования момента, цели его расширялись вместе с удачей, и он искусно выстраивал финансовую систему своего быстро растущего государства. Собирался налог с правоверных в размере десятой части продуктов с земель, естественно орошаемых ручьями и дождем, и двадцатой части там, где плодородие зависело от искусственного орошения. От каждого имеющего десять верблюдов требовались четыре овцы; с сорока голов крупного рогатого скота взималась одна корова, с тридцати голов — один двухгодовалый теленок; с сорока овец бралась одна. Люди же, чей взнос превышал установленный

налог, признавались наиболее набожными — считалось, что они снизят особое расположение Бога.

Размер дани, налагаемой на тех, кто подчинялся только светской власти пророка и продолжал оставаться в неверии, равнялся одному динарию деньгами или имуществом с каждого взрослого, свободного и несвободного человека. Сбор этой контрибуции представлял изрядную трудность. Гордое племя тамим открыто воспротивилось ему и прогнало сборщика; тогда против него был послан конный отряд, который захватил и привел в Медину большое количество невольников — мужчин, женщин и детей. Тамимиты послали депутацию с просьбой возвратить уведенных в плен людей.

Среди посланцев тамимитов были известные ораторы и поэты, которые стали декламировать свои сочинения, вызывая мусульман на поэтическое состязание.

«Я послан Богом не как поэт, — возразил Мухаммед, — и не домогаюсь славы оратора».

Но некоторые его последователи приняли вызов, результатом чего стала «чернильная война», в которой тамимиты признали себя побежденными. Впрочем, Мухаммеду так понравились и остроумный способ ведения «боевых действий», который они предложили, и их поэзия, и чистосердечное признание поражения, что он не только освободил невольников, но и отпустил послов с подарками.

Другой пример восприимчивости Мухаммедом поэтических красот передается в рассказе о его отношении к Каабу ибн Зохайру, знаменитому мекканскому поэту, который написал на пророка множество сатир; когда же мусульмане взяли Мекку, он в опасении за свою жизнь ударился в бегство. Позже, однако, он явился в священный город и, подойдя в мечети к Мухаммеду, спел ему хвалебный гимн, прославляющий главным образом его милосердие.

Плененный стихами и смягченный лестью, Мухаммед доказал справедливость слов поэта, так как не только простил его, но, и сняв с себя плащ, накинул на него. Кааб ибн Зохайр хранил этот священный плащ до самой своей смерти. Позже халиф Моавия приобрел его у наследников Кааба за десять тысяч драхм, и все халифы, вплоть до тридцать шесто-

го, надевали его при процессиях и торжественных церемониях, когда он был сорван со спины халифа аль-Мостазема и предан сожжению монгольским ханом Хулагу.

В то время как арабские города и селения одно за другим принимали ислам и выражали свое верноподданство Мухаммеду, Таиф упорно продолжал поклоняться своему каменному идолу аль-Лат. Его жители надеялись на свои горы и крепость стен цитадели. Но мало-помалу они оказались в окружении мусульман и были полностью отделены от внешнего мира. Это вынудило их отправить наконец к Мухаммеду послов для переговоров о мире.

Пророк питал сильную неприязнь к непреклонному Таифу, который однажды выгнал его за ворота, а в другой раз отбросил от своих стен. Он поставил условием мира обращение в ислам и безусловную покорность. Сами послы согласились принять ислам, но утверждали, что если потребовать от жителей Таифа немедленного отречения от старой веры, то это только оттолкнет их. Поэтому они просили разрешить горожанам перейти в ислам постепенно и позволить еще три года поклоняться идолу аль-Лат. Мухаммед ответил отрицательно. Тогда они стали просить о месячной отсрочке, чтобы подготовить общественное настроение, но и в этом получили отказ, потому что, как говорил пророк, идолопоклонство невозможно совместить с поклонением истинному Богу. Тогда они стали умолять, чтобы их избавили от обязанности молиться ежедневно.

«Не может быть истинной религии без молитвы», — возразил им на это Мухаммед; и послы наконец принуждены были согласиться на безусловную покорность.

Тогда Абу Суфьян, Ибн Харб и аль-Могейра были посланы в Таиф для разрушения идола аль-Лат. Абу Суфьян хотел ударить его заступом, но промахнулся и сам растянулся на земле. Народ заволновался, видя в этом знамение, но аль-Могейра одним ударом кузнечного молота разрушил и их надежды, и идола. После этого он снял с идола дорогую одежду и украшения из золота и драгоценных камней, которыми разукрасили его поклонники, и на земле оказались только каменные обломки, над которыми начали вопить и причитать таифские женщины.

После у Мухаммеда осталось немного серьезных противников. К их числу принадлежал Амир ибн Туфиель, возглавлявший сильное бедуинское племя. Это был человек богатый, надменный и тщеславный. На многолюдной ярмарке в Оказе, лежащем между Таифом и Наклахом, куда собирались обыкновенно купцы, богомольцы и поэты со всех частей Аравии, глашатай обыкновенно провозглашал: «Кому нужен вьючный скот, пусть отправляется к Амиру; если кто голоден, пусть идет к Амиру, и он накормит его; если кого преследуют, пусть идет к Амиру, и у него он найдет защиту».

Амир прельщал всех своею щедростью, но вместе с популярностью увеличивалось и его честолюбие. Вырастающая сила Мухаммеда породила в нем зависть; так что, когда ему посоветовали заключить с пророком договор, он высокомерно ответил: «Я поклялся не останавливаться, пока не завоюю всей Аравии, и не мне преклоняться перед этим курайшитом».

Тем не менее он отправился в Медину и, явившись к Мухаммеду, спросил его:

«Будешь ли ты мне другом?»

«Клянусь Аллахом, никогда, — был ответ, — пока ты не обратишься в ислам!»

«А если я обращусь, удовлетворишься ли ты властью над городскими арабами и оставишь ли мне бедуинов пустыни?»

Мухаммед отвечал отрицательно.

«Что же я выиграю, приняв твою веру?»

«Сообщество всех правоверных!»

«Я не нуждаюсь в их сообществе», — отвечал высокомерно Амир и, пригрозив пророку войной, возвратился к своему племени.

Совсем иным был Ади, другой бедуинский вождь, бывший христианином. Его отец Хатим был весьма храбр и щедр настолько, что в Аравии вошло в обычай говорить: «Щедр, как Хатим». Ади в щедрости не уступал отцу, но в храбрости природа ему отказала. Устрашенный опустошительными нападениями мусульман, он приказал молодому арабу, пасшему в степи его верблюдов, иметь всегда под рукой несколько самых сильных и быстрых животных, дабы в случае приближения неприятеля можно было бы успеть бежать.

Случилось так, что Али проезжал с конным отрядом эту местность и молодой бедуин бросился к Ади с криком: «Мусульмане близко. Я издали видел их знамена!» Ади тотчас же усадил жену и детей на верблюдов и бежал в Сирию. А его сестра Саффана попала в руки мусульман, и ее вместе с другими пленниками отвели в Медину.

Когда Мухаммед проходил около места, где содержалась Саффана, она закричала:

«Сжался надо мной, посланник Божий! Мой отец умер, а тот, на чьей обязанности лежало быть моим защитником, бросил меня. Сжался надо мной, посланник Бога, и Бог будет милостив к тебе!»

«Кто твой защитник?» — спросил Мухаммед.

«Ади, сын Хатима».

«Он бежал от Бога и Его пророка», — ответил Мухаммед и прошел мимо.

Но на следующий день, когда Мухаммед опять проходил мимо, Али, тронутый красотой и горем женщины, сказал ей потихоньку, чтобы она снова обратилась к пророку со своей просьбой. Она послушалась и повторила свою мольбу: «О пророк Божий! Мой отец умер, а брат мой, который должен служить мне защитником, оставил меня. Сжался же надо мной, и Бог будет милостив к тебе».

Мухаммед обернулся. «Да будет так!» — сказал он и не только дал Саффане свободу, но и подарил одежду и верблюда и отправил в Сирию с первым отходившим туда караваном.

Приехав к брату, она стала убеждать его принять ислам. «Он — истинный пророк, — говорила она, — и скоро будет владыкой мира; торопись же добиться его благосклонности».

Ади принял ее совет, отправился в Медину и приветствовал Мухаммеда в мечети. Его собственный рассказ об этой встрече дает яркую картину жизни Мухаммеда, человека, уже достигшего военных успехов и высот власти. «Он спросил, — рассказывает Ади, — мое имя и затем пригласил меня к себе в дом. Дорогой к нему подошла хилая, изнуренная женщина. Он остановился и поговорил с ней о ее делах. Это, подумал я про себя, далеко не по-царски. Когда мы вошли к нему в дом, он подал мне кожаную подушку, набитую пальмовы-

ми листьями, и предложил сесть на нее; сам же поместился на голем полу. Это, подумал я, тоже совсем не по-царски!

Тут он три раза просил меня принять ислам. Я сказал, что у меня есть своя вера. “Я знаю твою веру, — отвечал он, — лучше, чем ты сам. Ты берешь у своего народа четвертую часть получаемой добычи. Разве это согласно христианскому учению? Ты не склоняешься к исламу, — продолжал он, — потому что видишь нашу бедность. Но близится время, когда все истинно правоверные будут обладать такими богатствами, что не будут знать, куда девать их. Может быть, тебя удерживает малочисленность мусульман сравнительно с громадным количеством их врагов? Клянусь Аллахом, недалеко время, когда мусульманке можно будет одной безопасно совершать свое путешествие на богомолье из Кадезии в Мекку. Ты, вероятно, думаешь: сила в руках у неверных; знай же, что скоро настанет время, когда мы водрузим наши знамена на белых башнях Вавилона!”»¹⁶

Ади уверовал в это пророчество и обратился в веру Мухаммеда.

Глава тридцать третья

Приготовление к походу в Сирию.
Интриги Абдаллаха ибн Оббы. Приношения
правоверных. Шествие армии. Проклятая
страна Хиджаз. Лагерь при Тебуке.
Покорение соседних областей. Неожиданное
нападение Халида на Окайдор и его замок.
Возвращение армии в Медину.

Мухаммед частично путем присоединения к исламу, частично силой оружия завладел почти всей Аравией. Он соединил в одну нацию и таким образом подготовил к внешним завоеваниям разъединенные племена, которые до сих пор были опасны только друг для друга и вследствие своей разрозненности совершенно бессильны по отношению к остальному миру. Звание пророка давало ему абсолютную власть над грозной силой, образовавшейся таким образом в пустыне, и теперь он готовился направить ее на распространение веры и расширение мусульманского владычества в чужеземных странах.

Многочисленные победы мусульман, и особенно победа при Муте, вызвали наконец обеспокоенность императора Ираклия, который стал собирать войско на границах Аравии, чтобы подавить этого нового врага. Мухаммед решил предупредить осуществление императорских планов и водрузить знамя правоверия в самом сердце Сирии.

До сих пор он готовил свои экспедиции тайно, сообщая свои намерения только самым надежным военачальникам и без всяких объяснений увлекаая своих последователей в опасные предприятия. Но предстоящий поход, не имевший ничего общего с быстрыми разбойничьими набега-

ми, требовал серьезных приготовлений. Поэтому Мухаммед открыто объявил, какую цель ставит перед войском.

Большого энтузиазма его сообщение не вызвало. Многие вспоминали злополучное дело при Муте и опасались нового столкновения с дисциплинированными воинами Ираклия. Кроме того, время года не благоприятствовало такой далекой и продолжительной экспедиции. Стояла летняя жара; земля накалилась, а едва ли не все ручьи и источники пересохли; наступила пора сбора фиников, когда многие воины, они же земледельцы, больше думали об урожае, чем о военной добыче.

Все эти обстоятельства очень ловко обыграл Абдаллах ибн Обба, который по-прежнему пользовался всяким случаем, чтобы подорвать авторитет Мухаммеда. «Хорошая выбрана пора, — кричал он, — для такого дальнего похода, когда вокруг голод, засуха и невыносимый зной пустыни! Мухаммед, по-видимому, воображает, что война с греками — увеселительная прогулка; поверьте мне, что вы увидите, как сильно она отличается от арабских междоусобиц! Клянусь Аллахом, мне кажется, что я уже вижу всех вас в цепях!»

Мухаммед же, как и всегда, получил в помощь себе откровение: «Желающие остаться и отказывающиеся посвятить себя служению Богу ссылаются в свое оправдание на летний зной. Скажи им, что огонь ада жарче этого огня! Они могут наслаждаться безопасностью в настоящем, но в будущем их ожидают бесконечные слезы».

Ревностные приверженцы стали ему в этот трудный момент крепкой опорой. Омар, аль-Аббас и Абдалрахман пожертвовали на организацию похода значительные суммы денег. Благочестивые женщины приносили свои украшения и драгоценности. Осман внес тысячу, а некоторые говорят — даже десять тысяч динариев, и Мухаммед отпустил ему все грехи, прошедшие, настоящие и будущие. Абу Бакр дал четыре тысячи драхм; Мухаммед не хотел принимать этот дар, зная, что он составляет все достояние Абу Бакра. «Что же останется у тебя и у твоей семьи?» — сказал он. «Бог и Его пророк!» — было ответом.

Такие примеры благочестия произвели громадное впечатление, но все-таки Мухаммеду стоило большого труда

собрать армию из десяти тысяч конницы и двадцати тысяч пехоты. Верховную власть над Мединой на время своего отсутствия он передал Али, оставив на его попечение также и свою семью. Али неохотно согласился на это, так как привык всюду сопровождать пророка и делить с ним все опасности.

Часть войска Мухаммеда состояла из хазрадитов и их союзников, во главе которых стоял Абдаллах ибн Обба. Этот человек, которого Мухаммед удачно назвал главою «лицемеров», ночью расположил своих единомышленников отдельно, в тылу основных сил; когда же на следующее утро войско двинулось вперед, он отстал и со своим отрядом возвратился в Медину. Вернувшись к Али, который, как и его приверженцы, скучал и досадовал, что остался в стороне от главного дела, Абдаллах постарался возбудить в нем еще большее недовольство и стал доказывать: Мухаммед поручил ему управлять Мединой, только потому что сам не хотел заниматься этим. Уязвленный, Али поспешил догнать недалеко ушедшего Мухаммеда и спросил у него: правду ли говорят Абдаллах и его последователи?

«Люди эти, — сказал Мухаммед, — лгуны. Они принадлежат к партии “лицемеров” и всегда готовы произвести смуту. Я оставил тебя для того, чтобы ты следил за ними и оберегал наши семьи. Мне бы хотелось, чтобы ты стал для меня тем, чем был Аарон для Моисея, но только разница в том, что ты уже не можешь быть пророком, потому что я — последний из них». Али удовлетворился этим объяснением и возвратился в Медину.

Из всего этого многие вывели заключение, что Мухаммед предполагал сделать Али своим преемником.

А войска, ушедшие в поход, вскоре начали узнавать все трудности, испытываемые в пустыне в знойное время года. Многие воины дезертировали и возвращались домой. Когда пророка уведомляли об этих побегах, он говорил: «Пусть себе уходят: если они на что-нибудь пригодны, Бог вернет их к нам; если же нет, то мы только избавляемся от излишней обузы».

В то же время многие, оставшиеся в Медине, раскисали в своей трусости. Некто Абу Кайтама, войдя в свой сад

во время страшного дневного зноя и глядя на еду и свежую воду, приготовленную двумя его женами в прохладной тени палатки, воскликнул: «Теперь, когда пророк Божий не защищен от ветров и зноя пустыни, могу ли я, Кайтама, сидеть здесь в прохладной тени и в обществе моих красавиц жен? Клянусь Аллахом, я не войду в палатку!» И он тотчас же вооружился мечом и копьем, сел на верблюда и поспешил вдогонку за Мухаммедом.

Между тем войско после тяжелого семидневного похода достигло гористой страны Хиджаз. Предание об этой проклятой стране мы уже излагали выше. Изнуренный и усталый авангард заметил ручей, протекавший по зеленой долине, и прохладные пещеры в склонах соседних холмов, в которых жили когда-то тамудиты. Расположившись вдоль ручья, одни собирались купаться, другие принялись за стряпню, и все мечтали о ночлеге в прохладных пещерах.

Мухаммед, по обыкновению, шел в арьергарде. Дойдя до долины, где расположилось войско, он припомнил связанные с нею предания. Боясь навлечь на себя проклятие, тяготившее над всей этой местностью, он приказал войску бросить мясо, сваренное в воде источника, замешанный на ней хлеб отдать верблюдам и поскорей уйти с этого места. Завернувшись с лицом в плащ, сам он быстро миновал эту греховную область.

Наступившая ночь была особенно мучительна: армия расположилась лагерем в безводном месте; к страшной жаре присоединился горячий ветер, дувший со стороны пустыни; лагерь томился от невыносимой жажды. Но на следующий день проливной дождь освежил и подкрепил людей и животных. Войско продолжило шествие с новыми силами и вскоре достигло Тебука, маленького городка на границе Византийской империи, расположенного точно между Мединой и Дамаском на расстоянии десятидневного пути от того и другого.

Мухаммед расположился лагерем вблизи источника. Арабские предания утверждают, что источник был почти сух, так что когда из него наполнили небольшой сосуд для пророка, не оставалось уже ни капли воды. Мухаммед, попив воды и совершив омовение, вылил остатки воды обратно в источ-

ник, и из него хлынул поток, утоливший жажду всех людей и животных.

С этого места Мухаммед разослал в разные стороны своих военачальников, чтобы они провозглашали ислам и обращали в него или же облагали данью. Вожди нескольких племен прислали к нему посольства — одни с признанием его божественной миссии, другие — изъявляя покорность его власти. Среди прочих к Мухаммеду явился Джохаан ибн Руба, князь христианского города Эль-Улы на берегу Красного моря. Это был тот самый город, в котором, по словам предания, когда он был населен иудеями, старики обратились в свиней, а молодежь в обезьян — за то, что они ловили рыбу в субботу.

Князь Эль-Улы заключил с Мухаммедом мирный договор и согласился платить ежегодно дань в три тысячи динариев. Этот договор послужил образцом для последующих договоров, заключенных с другими властителями.

В числе арабских вождей-христиан, отказавшихся платить дань Мухаммеду, был Окайдо ибн Малек. Он жил в доме у подошвы горы, в центре своих владений. Чтобы привести его к покорности, во главе конного отряда был послан Халид. Найдя, что дом Окайдо слишком крепок и не может быть взят с ходу приступом, Халид прибегнул к военной хитрости. Лунной ночью Окайдо с плоской крыши своего дома заметил дикого осла. Страстный охотник, он тотчас потребовал коня и копье и отправился на охоту со своим братом Гасаном и некоторыми приближенными. Но осел оказался приманкой. Лишь только они отъехали немного, как Халид со своими людьми выскочил из засады и напал на них. Они были слишком легко вооружены, чтобы сопротивляться. Гасан погиб на месте, Окайдо же взяли в плен. Но после того как он внес за себя большой выкуп и обязался платить дань, ему возвратили свободу.

Халид послал Мухаммеду шитую золотом одежду, снятую с убитого Гасана. Мусульмане рассматривали с удивлением. «Вы любуетесь этой одеждой, — сказал пророк, — но клянусь Тем, в Чьих руках душа Мухаммеда, что одежда, которую Саад, сын Маади, носит теперь в раю, гораздо драгоценней». Имелся в виду Саад, произнесший семьсот семьдесят смертных приговоров пленным евреям...

После нескольких дней отдыха в Тебуке Мухаммед решил проникнуть в сердце Сирии, то есть достигнуть цели, ради которой был предпринят настоящий поход. Эту идею, однако, не разделяли его последователи. Известие о многочисленной неприятельской армии, стоящей на сирийской границе, охладило их пыл. Мухаммед созвал военный совет и спросил своих военачальников, следует идти дальше или нет. На это Омар заметил: «Если у тебя есть на это веление Божие, то надо идти дальше». — «Если бы оно было у меня, — ответил Мухаммед, — я бы не спрашивал твоего совета». Омар понял укор и стал говорить о том, что неблагоприятно двигаться навстречу громадной силе — дескать, Мухаммед уже многого достиг в этом походе.

В тех случаях, когда Мухаммед «не получал откровений», он был склонен подчиняться в военных вопросах мнению близких людей. После двадцатидневного пребывания в Тебуке он повел свою армию обратно в Медину.

Глава тридцать четвертая

Торжественное вступление в Медину. Наказание тех, кто отказался принять участие в походе. Смерть Абдаллаха ибн Оббы. Раздор в гареме пророка

Возвращение Мухаммеда в Медину после военных побед всегда отличалось простотою и отсутствием чванства. При приближении к городу, когда все домашние его с толпой народа выходили к нему навстречу, пророк останавливался, приветствовал их и сажал маленьких детей сзади себя на лошадь. Точно таким же образом вступил он в Медину и на этот раз.

Возвращение армии со значительной добычей из самого дальнего похода, совершенного воинами ислама, было радостным событием для Медины. Пали духом только отказавшиеся следовать за армией или бежавшие с дороги. Все они подверглись отлучению: Мухаммед запретил своим правоверным последователям иметь с ними какие бы то ни было отношения. Правда, по мере того, как они раскаивались, он простил большинство из них. Семь человек, с которых отлучение не было снято, дошли до полного отчаяния и в таком состоянии приковали себя к стенам мечети, поклявшись оставаться тут, пока их не простят. Со своей стороны и Мухаммед дал клятву, что простит их только в том случае, если получит от Бога соответствующее повеление. К счастью, откровение о прощении было получено; освобождая провинившихся от самовольно наложенных ими на

себя цепей, Мухаммед потребовал третью часть их имущества на дела веры.

В числе людей, подвергшихся отлучению, были Кааб ибн Малек, Мурара ибн Рабия и Хилал ибн Омейя. Все они считались ревностными поборниками ислама, вследствие чего отпадение их в глазах пророка было в десять раз непростительнее, чем отпадение остальных людей, еще слабых в вере и сомневающихся. К ним он оставался неумолим. Сорок дней они находились под отлучением, и отлучение это распространялось и на их сношения с женами.

Из рассказа самого Кааба ибн Малека видно, какую власть имел Мухаммед над умами своих последователей. Все друзья и знакомые избегали Кааба. Два товарища его по несчастью не выходили из дому; но он скитался с места на место, и никто не разговаривал с ним. Он зашел в мечеть, сел рядом с пророком и поклонился ему, но приветствие его осталось без ответа. На сорок первый день отлучения ему пришло приказание разлучиться с женой. После этого он оставил город и раскинул палатку на холме Сала, где поселился в одиночестве. Сердце его изнемогало, небо, казалось ему, давило на него сверху. Но на пятьдесят пятый день к нему явился вестник от Мухаммеда. Кааб поспешил в Медину, нашел пророка в мечети, и тот с сияющим лицом объявил, что Бог простил его. Душа Кааба просветлела, и он в порыве благодарности отдал часть своего состояния ради искупления своего заблуждения.

Вскоре по возвращении армии в Медину серьезно заболел глава «лицемеров» Абдаллах ибн Обба. Хотя Мухаммеду хорошо было известно вероломство этого человека, он неоднократно навещал его во время болезни. Он присутствовал при последних минутах Абдаллаха и проводил тело до могилы. Там, по просьбе сына покойника, он молился об отпущении его грехов.

Омар упрекнул Мухаммеда в том, что он молился за «лицемера», но пророк ответил ему текстом из Корана: «Ты можешь молиться или не молиться за “лицемеров” — как знаешь; но молись ты хоть семьдесят раз, они все равно не получают прощения».

Молитвы на могиле Абдаллаха возносились, следовательно, с хитрым умыслом завоевать благосклонность хазрадитов и могущественных друзей умершего, и эта цель была достигнута — большинство приверженцев покойного стали преданными последователями пророка; с тех пор в Медине никто уже не оспаривал его первенства.

Вскоре после этого Мухаммед возвестил откровение, запрещавшее ему молиться у постели умирающих и посещать могилы умерших в неверии.

Властвуя безгранично над своим народом, Мухаммед, однако, с большим трудом управлялся с женами и поддерживал спокойствие в своем гареме. По-видимому, он поступал вполне справедливо в своих супружеских отношениях: у всех жен имелись отдельные помещения, где они были единственными хозяйками; посещал жен пророк по очереди, задерживаясь у каждой сутки. Но однажды, когда он находился у Хафзы, та пошла навестить отца и, вернувшись неожиданно, застала пророка с его любимой рабыней Марией, матерью Ибрагима. Хафза разразилась громкими криками. Мухаммед старался успокоить ее, опасаясь, что крики нарушат спокойствие всего гарема, но усмирить ревнивую жену ему удалось, только дав клятву, что он никогда больше не будет иметь сношений с Марией. На этих условиях Хафза дала обещание никому не говорить о случившемся. Обещания своего она, однако, не исполнила и рассказала обо всем Аише, и вскоре о неверности пророка стало известно всему гарему. На Мухаммеда обрушилась буря упреков, и он, выйдя наконец из терпения, развелся с Хафзой и прервал сношения с остальными женами. Целый месяц он спал один на циновке в отдельном помещении, пока Аллах не послал ему суры Корана, освободившие его от клятвы относительно Марии, которая тотчас разделила его уединение.

Непокорные жены узнали из того же откровения, что ограничения, предписываемые простым смертным, не обязательны для пророка, и только тут поняли свое заблуждение. Постепенно Мухаммед вернул раскаявшуюся Хафзу, примирился с нежно любимой им Аишей и простил остальных жен, не переставая любить Марию, мать своего единственного сына.

Глава тридцать пятая

Путешествие богомольцев в Мекку
под предводительством Абу Бакра.
Паломничество Али для обнародования
откровения

Когда подошел священный месяц ежегодного богомолья, Мухаммед решил остаться в Медине. Поэтому мединских паломников возглавил Абу Бакр. Но вскоре после того, как он отбыл с тремястами богомольцами, которые вели двадцать верблюдов для жертвоприношения, Мухаммед призвал зятя и преданного ученика Али, дал ему самого быстрого из своих верблюдов аль-Адга (Надрезанные уши) и велел мчаться что есть духу в Мекку, чтобы обнародовать там перед собравшимися отовсюду богомольцами важную суру Корана, только что дарованную ему небом.

Али выполнил свою миссию с обычным рвением и добросовестностью. Он приехал в священный город в самую кульминацию религиозного праздника, в день жертвоприношения, когда совершалось заклятие в долине Мина, — в момент его внезапного появления Абу Бакр как раз проповедовал учение ислама. Али объявил, что послан пророком с важным откровением, и прочел привезенную суру.

Откровение освобождало Мухаммеда от всех перемирий и союзов с идолопоклонниками и другими неверными, если они нарушали условия договора или подавали помощь неприятелю. Неверующим давалось четыре месяца свободы вероисповедания со времени настоящего объявления.

В течение этих месяцев им предоставлялось право безопасно ходить по земле, но затем всякая снисходительность по отношению к ним исключалась и их надлежало преследовать всюду, во всякое время и на всяком месте. Им предоставлялось на выбор одно из двух: или принять ислам, или платить дань. Священные месяцы и священные места больше не должны были служить им защитой. «Когда же месяцы, в которые вам запрещено нападать на них, пройдут, — говорит откровение, — вы будете убивать идолопоклонников, где бы они вам ни попадались, или забирать их в плен; осаждайте их открыто или устраивайте засады». Отныне правоверные не должны были поддерживать никаких отношений ни с ближайшими родственниками, ни с лучшими друзьями, если они упорно пребывают в неверии. По истечении текущего года ни одному неверному не разрешалось попирать ногами священные границы Мекки и входить в храм Аллаха. Запрещение это сохраняется и по настоящее время.

Вероятно, строгость этой суры была вызвана главным образом поведением некоторых евреев и идолопоклонников-арабов, заключивших с Мухаммедом договоры, но неоднократно обманывавших его и даже изменнически посягавших на его жизнь.

По возвращении в Мекку Абу Бакр выразил неудовольствие, что не ему было поручено обнародовать столь важное откровение. Но Мухаммед успокоил своего верного соратника, сказав, что пророчества должны возвещаться либо самим пророком, либо членами его семьи.

Глава тридцать шестая

Мухаммед посылает военачальников
в дальние экспедиции и отправляет

Али на подавление восстания
в Счастливой Аравии. Смерть Ибрагима,
единственного сына пророка. Мухаммед у постели
умирающего и на его могиле. Недуги Мухаммеда
усиливаются. Его прощальное путешествие
на богомолье в Мекку. Проповедь в Мекке

В начале десятого года хиджры к воротам Медины стекались и стекались послы. В числе тех, кто признал власть пророка, был Фарва, наместник Ираклия в Сирии и правитель Аммона. Впрочем, император отреагировал на это быстро, и Фарва оказался в тюрьме.

Мухаммед постепенно сознавал себя всемогущим властелином. Полководцы его посылались во все более дальние экспедиции с неизменной целью: уничтожить идолов и подчинить идолопоклоннические племена — так что распространение светской власти Мухаммеда шло рука об руку с распространением его веры. Он назначил в Счастливую Аравию двух наместников, но часть этой богатой территории выказала неповиновение, и для вразумления ее жителей туда тотчас был послан Али с отрядом из трехсот конников.

Али высказал было неуверенность в том, что сумеет должным образом исполнить поручение, при котором ему придется сталкиваться с людьми пожилыми и более опытными, чем он, но Мухаммед положил одну свою руку ему на губы, а другую на грудь и, подняв глаза к небу, воскликнул: «О Аллах! Развяжи его язык и руководи его сердцем!» Он дал Али наставление, как поступать в качестве судьи: «Когда к тебе явятся две противные партии, никогда не решай в пользу одной, не выслушав другой».

Когда Али достиг Йемена, люди его занялись разбоем и грабежами. На этом фоне Али пытался объяснить местным жителям учение ислама. Но языку его, даже недавно освященному Мухаммедом, не хватало убедительности, и тогда он обратился к самому сильному своему аргументу — мечу, которым владел столь искусно. Человек двадцать неверных было убито на месте, остальные же признали себя вполне убежденными. За этим подвигом следовали и другие, подобные ему, и Али после каждой удачи посылал гонца к Мухаммеду с известием о новом торжестве веры.

Мухаммеда же в это время поразило страшное семейное горе. Ибрагим, его сын от любимой наложницы Марии, его единственный потомок мужского пола, через которого он надеялся передать имя свое потомству, смертельно заболел и умер на глазах отца. Мухаммед не в силах сдержать отцовского горя в порыве отчаяния склонился над телом мальчика и заплакал. Но даже и в этот момент он проявил покорность воле Бога, которая составляла основу его веры. «На сердце у меня кручина, — шептал он, — и глаза мои полны слез при разлуке с тобой, о сын мой! Но печаль моя была бы еще сильнее, если бы я не знал, что скоро последую за тобой. Все мы от Бога; от Него исходим; к Нему же должны и вернуться».

Абдалрахман, видя его слезы, спросил: «Разве ты не запретил нам оплакивать умерших?» — «Нет, — отвечал пророк, — я запретил вопли и крики, я запретил уродовать лица и рвать одежды, считая это за дьявольское внушение; но слезы, проливаемые от горя, являются бальзамом, исцеляющим сердца, и посланы нам как милость».

Он проводил ребенка до могилы и тут, в порыве отчаяния, дал новое доказательство того, насколько в душе его непоколебимы были основы его религии. «Сын мой! Сын мой! — воскликнул он, когда тело ребенка было предано земле. — Скажи: Бог мой — Господь! Пророк Божий — мой отец, а вера моя — ислам!» Так говорил он, желая внушить сыну ответы на вопросы ангелов, которые, согласно мусульманской вере, они задают умершим.

Затмение солнца, случившееся около этого времени, было истолковано некоторыми ревностными последователями Мухаммеда как небесное проявление печали о смерти Ибрагима, но огорченный отец отверг эту рабскую лесть.

«Солнце и луна, — сказал он, — одни из бесчисленных чудес Господних, посредством которых Он проявляет иногда волю Свою слугам Своим; но их затмение не имеет ничего общего ни с рождением, ни со смертью кого-либо из смертных».

Смерть Ибрагима стала ударом, приблизившим Мухаммеда к могиле. Его организм уже был расшатан необыкновенным душевным возбуждением, нервными припадками и физическими недугами; кроме того, яд, поднесенный ему в Кхаибаре, подточил его жизненные силы, причинил ему мучительные боли и привел к преждевременной старости. Но его религиозное рвение только увеличилось вследствие нездоровья, и он решил употребить остатки своих сил на последнее путешествие в Мекку.

Множество набожных людей со всех частей Аравии пришли в Медину с целью сопровождать пророка-богомольца. Мединские улицы переполнились разноплеменными толпами, явившимися из городов, горных селений и отдаленных пустынь; палатки паломников заняли окрестные долины. Поразительную картину торжества веры представляли эти недавно еще разобщенные варварские и воинственные племена, собравшиеся теперь как братья и воодушевленные общим чувством религиозного воодушевления.

В этом путешествии Мухаммеда сопровождали девять жен, которых несли на носилках. За ним шла толпа, состоявшая, по словам одних, из пятидесяти шести тысяч, а по словам других — из девяноста и даже из ста четырнадцати тысяч богомольцев. Тут же находилось громадное количество верблюдов, разукрашенных гирляндами цветов и развевающимися флагами; их вели для жертвоприношений.

Местом первой ночной остановки избрана была деревня Дуль-Голаифа, в нескольких милях от Медины, где Мухаммед и его последователи сложили оружие и надели одежды богомольцев. На следующий день, рано утром, после молитвы в мечети, Мухаммед сел на своего верблюда аль-Касву и направился в долину Балда, где воззвал: «Здесь я служу Тебе, Боже! Здесь я служу Тебе! Тебе нет равного. Одному Тебе подобает поклонение. От Тебя исходит все благое. Одному Тебе принадлежит царство, и никто не может разделить его с Тобой». Молитва эта, согласно мусульманскому

преданию, была произнесена патриархом Авраамом, когда он проповедовал истинную веру всему человечеству с вершины холма Кубеис.

Толпа богомольцев продолжала свой путь по горам и долинам, растянувшись на несколько миль, оглашая иногда воздух пустыни общими молитвами и восклицаниями. Времена, когда здесь встречались вооруженные отряды, которые могли задержать или потревожить паломников, ушли в прошлое — ислам уже господствовал над всей Аравией.

Мухаммед подошел к священному городу со стороны тех же возвышенностей, с которых когда-то вел его осаду, и вошел через ворота Беви-Шейба.

Через несколько дней к нему присоединился Али, поспешивший вернуться из Йемена; он привел с собой много верблюдов для жертвоприношений.

Мухаммед строго соблюдал во время этого богомолья все обряды — как те, которые он сохранил, уступая патриархальным обычаям, так и те, которые он ввел сам согласно откровениям свыше. Он был слишком слаб и немощен, чтобы долго идти пешком, и поэтому объехал семь раз вокруг Каабы и выполнил паломничество к холмам Сафа и Мерва, сидя на верблюде.

Когда настало время для жертвоприношений, он собственноручно убил шестьдесят три верблюда, соответственно числу лет его жизни. Али заклал тридцать семь верблюдов, тоже сообразуясь со своими годами.

Вслед за этим Мухаммед обрил сначала правую сторону, потом левую сторону головы. Обрезанные пряди волос были поровну разделены между его учениками и с тех пор хранились ими как священные реликвии. Халид всегда носил прядь волос Мухаммеда на своей чалме и утверждал, что она придает ему силу в битве.

Сознавая, что жить ему остается недолго, Мухаммед свое последнее пребывание в священном городе употребил на то, чтобы как можно глубже запечатлеть учение ислама в умах и сердцах последователей. Он часто проповедовал в Каабе с кафедры или на открытом воздухе, сидя на верблюде. «Вслушайтесь в мои слова, — говорил он, — потому что неизвестно, придется ли нам когда-нибудь снова сойтись здесь.

О, слушатели мои, ведь я такой же человек, как и вы; в определенное время явится ангел смерти, и я должен буду последовать его призыву!»

Он старался не только передать народу свое учение и познакомить его с обрядами, но и сообщить ему правила жизни, которые впоследствии имели сильнейшее влияние на нравственность, образ жизни и привычки всего мусульманского мира.

Беспокоясь об участии родственников и друзей после своей кончины и, главным образом, заботясь о любимце своем, Али, у которого после экспедиции в Йемен появилось много недругов, — Мухаммед как-то обратился к своим слушателям с вопросом:

«Вы веруете, что существует только один Бог, что Мухаммед — Его пророк и апостол, что есть рай и ад, что смерть и воскресение несомненны и что предопределено время, когда восставшие из гробов призваны будут на суд?» Присутствующие отвечали: «Мы веруем во все это». Тогда Мухаммед стал заклинять их любить и уважать его семью, в особенности же Али. «Кто любит меня, — сказал он, — пусть будет другом и Али! Да поддержит Бог тех, кто отнесется к нему дружелюбно, и да отвернется от его врагов!»

По окончании одной из таких речей, произносимых на открытом воздухе, раздался, по словам арабских историков, с неба Божественный голос, произнесший знаменитый стих Корана: «Худо тем, кто отверг теперь вашу веру. Не бойтесь их; бойтесь Меня. Ныне Я довел вашу религию до совершенства и проявил к вам Мое милосердие. Такова Моя воля, чтоб ислам стал вашей верой».

Услышав эти слова, говорят историки, верблюдов аль-Касва, на котором сидел Мухаммед, пал на колени в порыве благоговения. Эти слова, прибавляют они, служат печатью и заключением закона, потому что после них больше не было откровений.

Выполнив все обряды, Мухаммед попрощался с родным городом и во главе армии паломников отправился обратно в Медину.

Так совершилось это последнее для Мухаммеда богомолье.

Глава тридцать седьмая

О двух лжепророках — аль-Асваде и Мусайламе

Здоровье Мухаммеда по возвращении его в Медину все ухудшалось; тем не менее он по-прежнему предпринимал усилия по распространению ислама всеми возможными путями и готовился к вторжению в Сирию и Палестину. Пока Мухаммед обдумывал чужеземные завоевания, у него появились два соперника, претендующие на духовную власть в Аравии. Одного звали аль-Асвад, другого — Мусайлама; они получили от правоверных вполне заслуженное название «двух лжецов».

Аль-Асвад, человек умный, одаренный убедительным красноречием, был раньше идолопоклонником, потом обратился в ислам, но отступил и от этой веры, объявил себя пророком и стал проповедовать свою религию. Его неустойчивость в религиозных вопросах заслужила ему название «айлгала», то есть «флюгер». Из подражания Мухаммеду он утверждал, что получает с неба откровения при содействии двух ангелов. Искусный фокусник, он приводил в удивление и смущение толпу зрителей иллюзиями, которые выдавал за чудеса, так что некоторые мусульманские писатели верят, что ему на самом деле помогали два джинна. Планы аль-Асвада имели одно время большой успех, из чего можно заключить, до какой степени были шатки в своих рели-

гиозных верованиях арабы и как легко они увлеклись всякой новой верой.

Когда умер перс Будхан, которого Мухаммед назначил вице-королем Счастливой Аравии, аль-Асвад, глава влиятельной секты в Йемене, сначала убил его сына и наследника, затем тестя, после чего женился на вдове вице-короля и захватил в свои руки бразды правления в Сане. Вся Счастливая Аравия оказалась в его власти.

Когда весть об этом дошла до Мухаммеда, он уже страдал первыми приступами опасной болезни; при этом подготовка похода в Сирию входила в завершающую стадию. Не трата времени даром, пророк отдал своим последователям в Йемене приказание убить аль-Асвада — согласно недавнему откровению, обнародованному Али, по отношению к врагу веры это было допустимо. Два верных человека взялись за это дело — ими руководили не столько религиозные побуждения, сколько жажда мести. Один из них, по имени Раис, был смертельно оскорблен узурпатором; другой, выходец из Дайлема Феруз, приходился двоюродным братом жене аль-Асвада и племянником ее убитому отцу. Они явились к женщине, брак которой с узурпатором был, вероятно, вынужден, и хотя и с трудом, но все-таки уговорили ее отомстить за смерть отца и прежнего мужа. С ее помощью убийцы проникли в комнату, где спал аль-Асвад, и Феруз ударил его кинжалом по шее. Но это не нанесло аль-Асваду большого ущерба — узурпатор вскочил и криками переполошил охрану. Жена его, однако, проявила выдающееся хладнокровие: она вышла из покоев и сказала стражникам, что пророк находится под воздействием Божественного откровения. Тем временем крики прекратились, так как убийцы наконец совладали со своей жертвой и отсекли ей голову. На рассвете знамя Мухаммеда опять развевалось на стенах города, и при трубном звуке было возвещено о смерти аль-Асвада, уже называемого лжецом и самозванцем. Народ, легко меняющий религии, вернулся к исламу так же скоро, как и изменил ему.

Мусайлама — другой самозванец, араб из племени Гонейфа, властвовал над городом и областью Ямама, лежащей между Красным морем и Персидским заливом. В девятый

год хиджры он явился в Мекку и от имени своего племени перед лицом Мухаммеда принял ислам; но, возвратившись к себе, объявил, что и он получил от Бога дар пророчества и указание помогать Мухаммеду в обращении рода человеческого в истинную веру. С этой целью он написал Коран, который выдавал за возвешенный Богом. Согласно его учению, душа помещалась в брюшной полости.

Человек ловкий и влиятельный, он скоро приобрел много последователей из среды своих легковерных соплеменников. Дошло до того, что он написал Мухаммеду письмо, начинавшееся так:

«От Мусайламы, пророка Аллаха, Мухаммеду, пророку Аллаха. Приди теперь и раздели со мною мир; пусть одна половина его будет твоей, а другая — моей».

Мухаммед получил это письмо, когда был удручен болезнью и заботой о военных приготовлениях, поэтому он ограничился ответом:

«От Мухаммеда, пророка Божия, Мусайламе-лжецу. Земля принадлежит Господу, и Он предоставляет владение ею тем из рабов Его, которые заслужили Его милость. Счастливы живущие в страхе Божиим».

Возмездие Мусайламе было отложено до более подходящего времени.

Глава тридцать восьмая

Армия готова к походу на Сирию.
Прощание пророка с воинами. Приступ
болезни. Проповедь Мухаммеда. Смерть
Мухаммеда и сопровождавшие
ее обстоятельства

На одиннадцатом году хиджры после усиленных приготовлений армия была готова к выступлению против Сирии. Командовать походом Мухаммед доверил двадцатилетнему юноше Осаме, предпочтя его своим старым и испытанным полководцам. Тут, по-видимому, повлияло то, что Осаме был сыном Зайда, человека до мозга костей преданного Мухаммеду. Как мы помним, Зайд уступил Мухаммеду прекрасную жену свою Зайнаб, а когда пришло время проявить героизм, пал, доблестно сражаясь за веру, в битве под Мутой.

Мухаммед знал, что делает рискованный выбор, и, опасаясь, что войска не будут подчиняться столь молодому предводителю, на общем смотре увещевал их повиноваться Осаме. Он сказал воинам, что отец Осамы был главнокомандующим в таком же походе против того же народа и пал как храбрец; и было бы справедливой данью памяти отца дать возможность сыну отомстить за его смерть.

Войско выступило в тот же самый день и расположилось на ночлег под Джорфом, неподалеку от Медины. Но тут случились обстоятельства, прервавшие его дальнейшее движение.

В эту же ночь у Мухаммеда случился сильный приступ той болезни, которой он страдал и раньше; многие видели истоки ее в яде, поднесенном ему в Кхаибаре. Приступ начался страшной головной болью с головокружением и бредом. Пробудившись в полночь от тревожного сна, Мухаммед повелел рабу сопровождать его, говоря, что мертвецы, похороненные на мединском кладбище, призывают его прийти и помолиться за них. В ночной тьме он вместе с рабом направился к обширному кладбищу, находившемуся за стенами погруженного в сон безмолвного города.

Став среди могил, он громким голосом обратился к покойникам: «Радуйтесь, вы, обитатели гробов! Утро вашего пробуждения будет гораздо тише и спокойнее предстоящего живущим. Участь ваша счастливее. Бог избавил вас от грозящих им бурь, которые будут сменять одна другую, подобно страже в бурную ночь, и каждая последующая будет мрачнее предыдущей».

Помолившись за покойников, он обратился к своему рабу: «Мне дан выбор или оставаться в этом мире до конца века и упиваться всеми наслаждениями, или скоро возвратиться к Богу; и я избрал последнее».

С этого времени болезнь Мухаммеда быстро усиливалась, хотя он и старался, по обыкновению, выходить из дома и ежедневно менять свое местопребывание, ночуя то у той, то у другой жены. Он был в жилище Маимуны, когда с очередным приступом ясно почувствовал приближение рокового конца. Сердце повлекло его к любимой жене Аише: с ней хотел он пробыть последние минуты жизни. С обвязанной головой, дрожа всем телом, он при помощи Али и Фадлеша, сына аль-Аббаса, добрался до ее жилища. Аиша в этот день тоже страдала сильнейшей головной болью и попросила у пророка лекарства.

«Зачем лекарство? — сказал он. — Было бы лучше для тебя умереть раньше меня. Я бы закрыл тебе глаза, обвинил бы тебя пеленами, положил в гроб и стал бы молиться».

«Да, — отвечала она, — а потом ты вернулся бы в мой дом и стал бы любить другую свою жену, которая воспользовалась бы моей смертью».

Мухаммед с улыбкой выслушал этот упрек и отдался на попечение Аиши. Вскоре к нему пришла Фатима, жена Али, — единственная его дочь, оставшаяся в живых. Аиша часто говорила, что дочь Мухаммеда как никто иной похожа на него мягкостью характера. Пророк всегда относился к ней с нежностью. Когда Фатима входила к нему, он обыкновенно вставал, шел к ней навстречу, брал ее за руку, целовал, а потом сажал на свое место. Рассказ Аиши об этой их встрече сохранился в преданиях, собранных Абульфедой.

«Милости просим, дитя мое», — сказал пророк и посадил Фатиму около себя. Потом он что-то сказал ей на ухо, отчего она заплакала. Заметив ее огорчение, Мухаммед еще раз что-то сказал шепотом, и лицо ее просияло от радости. Лишь после смерти Мухаммеда Фатима открыла, что в первый раз он сообщил ей на ухо о приближении своей кончины и, заметив ее слезы, утешил уверением, что и она скоро последует за ним и будет на небе царицей правоверных мусульманок.

На следующий день Мухаммедом овладела мучительная лихорадка; он велел обливать себя из кувшинов и во время пароксизмов кричал: «О как кхайбарский яд терзает мои внутренности!»

Несколько оправившись, пророк при помощи друзей пошел в мечеть, которая была рядом с домом Аиши. Здесь, сидя в кресле на кафедре, он усердно молился и затем, обратившись к многочисленному собранию, сказал: «Если у кого-нибудь из вас лежит что-нибудь на совести, пусть он выскажется, чтобы я мог вымолить у Бога прощение ему». Услышав это, один человек, считавшийся набожным мусульманином, выступил вперед и сознался, что он — лицемер, лжец и ученик, не слишком усердный в вере. «Прочь отсюда! — крикнул Омар. — Зачем ты открываешь то, что Бог терпит скрытым?» Но Мухаммед обратился к Омару с укором. «О сын Хаттаба, — сказал он, — лучше стыдиться в этом мире, чем мучиться в будущем!» Затем, подняв глаза к небу, он стал молиться за того, кто сам себя обвинил. «О Боже! — воскликнул Мухаммед. — Дай ему искренность и веру и отними у него немощь в исполнении тех повелений Твоих, которые подсказывает ему совесть».

Потом, снова обращаясь к собранию, он сказал: «Если я ударил кого-нибудь из вас, то вот моя спина — пусть и он ударит меня. Если я рассердил кого-нибудь из вас, пусть он теперь же осыплет меня упреками. Если я несправедливо отнял у кого-нибудь из вас что-либо, пусть он придет теперь ко мне и получит удовлетворение».

В ответ на это какой-то человек из толпы напомнил Мухаммеду о долге в три серебряных динария и тут же получил их обратно с процентами. «Много легче теперь, — сказал пророк, — претерпеть наказание, чем в вечности».

Затем он стал усердно молиться за правоверных, павших в битве под Ухудом и пострадавших за веру в других битвах.

Закончив молитву, он обратился к мухаджирам, сопровождавшим его из Мекки, увещевая их чтить ансаров, своих мединских союзников: «Они были моей семьей; у них я нашел приют. Делайте добро тем, кто им делает добро, и не поддерживайте дружбы с теми, кто неприязненно относится к ним». Наконец, он дал три прощальных повеления: первое — изгнать всех идолопоклонников из Аравии; второе — дать всем обращенным одинаковые права; третье — молиться неустанно.

По окончании проповеди Мухаммеда, бережно поддерживая, отвели обратно в жилище Аиши. Он отдал увещеваниям столько сил, что, едва войдя в дом, лишился чувств.

Болезнь усиливалась со дня на день и, по-видимому, сопровождалась бредом. Мухаммед говорил, например, что к нему являлся от Бога ангел Гавриил, чтобы узнать о состоянии его здоровья, и сказал, что ангелу смерти запрещено приближаться к нему без его дозволения и он сам может назначить час своей смерти.

Во время одного из пароксизмов он потребовал письменные принадлежности, чтобы дать несколько житейских советов своим последователям. Присутствующие смутились, опасаясь, чтобы он не сказал чего-нибудь подрывающего авторитет Корана. Услышав их препирательства между собою относительно того, следует ли удовлетворить его требование или нет, Мухаммед велел всем выйти из комнаты, а когда они вернулись, об этом уже не было больше речи.

В пятницу пророк, невзирая на болезнь, приготовился совершить богослужение в мечети; чтобы освежиться и поддержать свои силы, он снова велел облить себя водой, но, сделав усилие, чтобы встать, ослабел и потерял сознание. Придя в себя, он попросил совершить богослужение Абу Бакра, заметив при этом: «Аллах дал своему служителю право назначать на свое место кого он хочет». Впоследствии у некоторых сложилось мнение, что пророк намеревался сделать преемником на службах в мечети этого испытанного друга и последователя, но Абу Бакр не хотел придать словам Мухаммеда такое точное значение.

Вскоре до Мухаммеда дошло известие, что появление Абу Бакра на кафедре вызвало слух, что пророк умер. Тогда, собрав остатки сил, поддерживаемый Али и аль-Аббасом, он направился в мечеть, где радостно встречен был всеми собравшимися. Абу Бакр прервал богослужение, но Мухаммед просил его продолжать и, усевшись на кафедре позади его, повторял за ним молитвы. Потом он сказал, обращаясь к собранию: «Я слышал, что вас встревожил слух о смерти вашего пророка; но разве до меня хоть один пророк жил вечно, из чего вы могли бы заключить, что я никогда не оставлю вас? Все совершается по воле Бога и имеет свой конец, которого ни ускорить, ни избежать невозможно. Я возвращаюсь к Тому, Кто послал меня, и обращаюсь к вам с последним увещанием: оставайтесь в единении, любите, уважайте и поддерживайте один другого; помогайте друг другу в вере, в твердости веры и в благочестивых делах; чрез них только человек достигает благоденствия; все же остальное ведет к гибели». В заключение своего увещания он прибавил: «Я ухожу раньше вас, но и вы скоро последуете за мной. Смерть — всеобщий удел; никто не должен стараться отворотить ее от меня. Я жил для вашего блага, и ради него я и умру». Это были последние слова, произнесенные им публично. Затем Али и аль-Аббас снова отвели его в жилище Аиши.

На следующий день был момент, когда Мухаммед показался таким бодрым, что Али, Абу Бакр, Омар и другие, неотлучно находившиеся при нем, разошлись по своим делам. С ним осталась одна Аиша. Облегчение страданий

было, однако, призрачным. Боли возобновились с удвоенной силой. Чувствуя приближение смерти, пророк велел всех своих рабов отпустить на волю, а деньги, какие найдутся у него в доме, раздать бедным; потом, подняв к небу свой взор, он воскликнул: «Боже, не оставь меня в этой предсмертной борьбе!»

Аиша поспешно послала за своим отцом и Хафзой. Оставшись одна с Мухаммедом, она поддерживала его голову на своих коленях, с нежною заботливостью следя за ним, и старалась облегчить его предсмертную агонию. По временам он опускал руку в сосуд с водою и смачивал себе лицо. Наконец, открыв глаза и устремив их неподвижно, он произнес прерывающимся голосом: «О Аллах! Да будет так — среди славных сподвижников в раю!»

«Тут я узнала, — говорила Аиша, рассказывая о его последних минутах, — что смерть приближается и что он избрал загробную жизнь».

Через несколько минут руки его похолодели, и жизнь погасла в нем. Аиша переложила его голову на подушку и, ударяя себя в голову и грудь, дала волю громким рыданиям. Крики ее привлекли других жен Мухаммеда, которые предались безутешным воплям, и вскоре весть о смерти пророка разнеслась по всему городу. Народ был охвачен ужасом. Все работы приостановились. Армия, сложившая свои палатки, получила приказание остаться на месте, и Осама, вдевший было уже ногу в стремя, чтобы продолжить поход, повернул коня к воротам Медины и водрузил свое знамя у дверей пророка. Собралась толпа, чтобы взглянуть на тело, так что толкотня и споры проникли даже в комнату покойного. Некоторые не доверяли даже глазам своим. «Как может он умереть? — кричали они. — Разве он не посредник между нами и Богом? Как же мог он умереть? Это невозможно! Он только уснул и вознесен на небо, подобно Исе (Иисусу) и другим пророкам».

Толпа вокруг дома все увеличивалась и шумно требовала, чтобы тело не предавалось погребению, когда прибыл Омар, только что узнавший о случившемся. Он вынул меч и, пробираясь сквозь толпу, грозил отрубить руки и ноги тому, кто осмелится утверждать, что пророк умер. «Он только удалил-

ся на время, — сказал он, — как Муса (Моисей), сын Амрама, тоже удалялся на сорок дней на гору, и наш пророк скоро вернется, подобно ему».

Абу Бакр, находившийся в отдаленной части города, прибыл вовремя, чтобы успокоить пришедший в отчаяние народ и обуздать порывы Омара. Войдя в комнату, он поднял покров, прикрывавший тело покойника, и, поцеловав бледное лицо Мухаммеда, воскликнул: «О ты, заменявший мне отца и мать, ты благоухаешь даже и мертвый: живые благовония исходят из тебя! Теперь ты достиг полного блаженства, потому что никогда уже Аллах не подвергнет тебя второй смерти».

Потом, накрыв тело, он вышел и постарался перервать речь Омара, но, не достигнув этого, обратился к толпе: «Воистину, если вы поклоняетесь только Мухаммеду, то он умер, но если вы служите Богу, то Он умереть не может. Мухаммед был только пророк Божий, и его постигла участь всех других апостолов и святых, живших до него. Сам Аллах говорит в Коране, что Мухаммед — только Его посланник, но смертный. Ну что же? Разве вы отвернетесь от него и откажетесь от его учения потому только, что он умер? Помните, что ваше вероотступничество не принесет вреда Богу, но только послужит к вашему осуждению; тогда как благословение Божие снизойдет на тех, кто останется верен Ему».

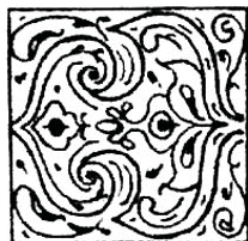
Народ слушал Абу Бакра со слезами и рыданиями, и слова его смягчили народное отчаяние. Даже и Омар был убежден, но не утешен; он упал на землю и стал оплакивать смерть Мухаммеда.

Согласно мусульманским историкам Абульфеде и Джаннаби, Мухаммед умер в день своего рождения, когда ему исполнилось шестьдесят три года. Событие это совершилось в одиннадцатый год хиджры, или в 632 году христианской эры.

Близкие родственники и ученики, приготавливавшие тело его к погребению, утверждали, что чудесный аромат, который, по свидетельству жен и дочерей, исходил от него при жизни, продолжал исходить и после смерти, так что, по словам Али, «казалось в одно и то же время, что он и умер и что он еще жив».

Тело, омытое и умощенное благовониями, было завернуто в три покрова, два из которых были белые, а третий — полосатый, из йеменской ткани. Все это было надушено амброю, мускусом, алоэ и благовонными травами, и затем тело было выставлено публично и над ним прочитали семьдесят две молитвы.

Останки пророка три дня оставались непогребенными, как это требовалось восточным обычаем и вместе с тем, чтобы удовлетворить людей, веривших в возможность летаргического сна. Когда же относительно смерти не оставалось больше никакого сомнения, начали готовиться к похоронам. Мухаджиры хотели, чтобы пророк упокоился на своей родине, в Мекке; ансары, что тоже объяснимо, стояли за Медину, где Мухаммед жил последние десять лет. Были и такие, кто предлагал перенести тело в Иерусалим, где погребены другие пророки. Однако Абу Бакр, слово которого всегда имело большой вес, напомнил, что сам Мухаммед хотел, чтобы его похоронили там, где его застигнет смерть. Это и было исполнено буквально — могилу Мухаммеду вырыли в доме Аиши, под той самой постелью, на которой он умер¹⁷.

Глава тридцать девятая

Личность и характер Мухаммеда. Обзор его пророческой деятельности

Мухаммед, судя по сведениям, сообщаемым преданиями, исходящими от его современников, был среднего роста, плотно сложен, мускулист, с большими руками и ногами. В юности он обладал необыкновенной силой и крепостью, а к концу жизни проявлял склонность к тучности. Голову имел большую, прекрасной формы и отлично сидевшую на шее, выступавшей, как колонна, из его полной груди. Лоб у него был широкий и высокий, изборожденный вплоть до бровей жилами, надувавшимися всякий раз, когда он был возбужден или рассержен. Лицо его было продолговатое, выразительное, с резкими чертами; нос орлиный, глаза черные, окаймленные дугообразными, близко сходящимися бровями, рот широкий и выразительный; белые зубы, несколько редкие и неправильные; волосы черные, волнистые, ниспадавшие кудрями на плечи; борода длинная и густая.

В обращении он был спокоен и ровен, иногда допускал шутки, но обыкновенно был серьезен и полон достоинства, хотя улыбка его, как уверяют, была обворожительно приятна. Лицо его было более румяно, чем обыкновенно у арабов, и в минуты возбуждения и восторга сияло, что ученики объясняли сверхъестественным светом пророчества.

Его умственные качества, без сомнения, были незаурядны.

Он отличался быстротой соображения, хорошей памятью и живым воображением. Не получив почти никакого образования, он развил и обогатил свой ум тщательными наблюдениями и массой разнообразных познаний относительно различных религиозных систем, господствовавших в его время или известных с древности по преданию. Разговор его отличался важностью тона и обилием сентенций, обычных у арабов; воодушевляясь, Мухаммед становился красноречивым. Он обладал звучным, приятным голосом.

В пище он был умерен и даже воздержан, тщательно соблюдая все посты. Он не выносил наружного великолепия, этого предмета тщеславия ограниченных умов; но простота его одежды не была искусственная, а выражала его действительное пренебрежение к таким пустякам. Одежда его была иногда шерстяная, иногда полосатая бумажная, какую принято ткать в Йемене, и часто на ней встречались заплаты. На голове он носил чалму, по примеру будто бы ангелов, причем чалма обвивалась вокруг головы так, что один конец спускался и висел между плечами, ибо так, по его словам, носили ее и ангелы. Он запрещал чисто шелковые одежды. Точно так же им не допускались золотые кольца. Сам он имел серебряный перстень, служивший печатью. На внутренней стороне перстня вырезаны были слова: «Мухаммед, посланник Бога». Мухаммед отличался щепетильностью относительно чистоты и соблюдал частые омовения. В некоторых отношениях он был человек очень чувственный и часто повторял: «В мире есть две вещи, восхищающие меня: женщины и благовония. Они радуют мой взор и придают мне силы быть более ревностным в благоговении». Благодаря чистоплотности и употреблению духов и благовонных масел для смазывания волос получалось, вероятно, то приятное благоухание, которое ученики приписывали врожденному и сверхъестественному свойству его тела. Его слабость к женскому полу имела громадное влияние на все его дела. Уверяют, что в присутствии красивой женщины он постоянно гладил лоб и расправлял волосы, как бы из желания казаться интереснее.

Число его жен неизвестно. Абульфедда, наиболее осторожный из всех арабских историков, ограничивал число их пятнадцатью, хотя некоторые утверждали, что у него было два-

дцать пять жен. В момент смерти у него оставалось девять жен, и каждая обитала в отдельном здании близ мединской мечети. В оправдание того, что он имел больше жен, чем позволял своим последователям, приводят его желание дать своему народу особенное племя пророков. Если таково было действительно его желание, то оно не осуществилось. Из детей одна только Фатима, жена Али, пережила отца, да и та умерла вскоре после его смерти, а из всего ее потомства лишь старший ее сын Хасан достиг престола халифов.

В своих отношениях пророк был справедлив и обращался одинаково и с друзьями, и с врагами, и с бедными, и с богатыми, и с сильными, и со слабыми — простой народ любил его за то, что он приветливо принимал каждого и внимательно выслушивал жалобы, с которыми обращались к нему.

Мухаммед по своей природе был раздражителен, но научился сдерживаться, так что даже в домашней жизни он был всегда добр и терпелив. «Я служила ему с восьмилетнего возраста, — говорила служанка Анаса, — и он никогда не бранил меня, хотя нередко мне случалось портить разные вещи».

Теперь невольно возникает вопрос: был ли он тем беспринципным самозванцем, каким его рисуют? Были ли все его видения и откровения сознательным обманом, а вся его система — сплетением лжи? Рассматривая этот вопрос, мы должны помнить, что Мухаммед неповинен во многих нелепостях, связанных с его именем. Многие из видений и откровений, передаваемых за полученные будто бы им, в действительности поддельны. Все чудеса, приписываемые ему, являются плодом фантазии ревнителей мусульманской веры. Он положительно и неоднократно отрицал все чудеса, кроме Корана, который, в силу его замечательных достоинств и того, каким способом он ниспосылался ему с неба, признавался Мухаммедом за величайшее чудо.

Письменные воспоминания о Мухаммеде полны извращений, а записанные по преданию нередко являются выдумками. Этим, бесспорно, увеличивается трудность ясно и справедливо разрешить вопрос об истинном характере пророка и образе его действий. История его, по-видимому, распадется на два резко отличающихся периода. В течение первого периода, вплоть до середины его жизни, мы не можем даже

придумать достаточно сильного мотива для того бессмысленного и изумительного обмана, в котором его стараются обвинить. В самом деле, какие личные выгоды могли руководить им? Жажда богатства? Но благодаря его женитьбе на Хадидже он уже был достаточно богат, и в течение многих лет, предшествовавших его видениям, он не проявлял никакого желания увеличить свои средства. Желание известности? Но он уже пользовался известностью в родном городе как человек выдающегося ума и честности, а кроме того, он принадлежал к знаменитому племени курайшитов и даже к самой почетной ветви этого племени. Стремление к власти? Место охранителя Каабы и сопряженная с ним власть правителя священного города в течение многих поколений принадлежали членам его рода, а его положение давало ему полное право с уверенностью рассчитывать на этот выдающийся пост. Стремясь упразднить ту веру, в которой он воспитывался, Мухаммед тем самым подрывал в самом корне все эти преимущества. Прежняя вера служила источником богатства и знатности его семьи. Нападать на нее значило вызвать против себя ненависть родственников, негодование своих сограждан и ужас и ненависть соотечественников, поклонявшихся Каабе.

Были ли какие-нибудь внешние выгоды, которые могли бы в начале пророческой деятельности вознаградить за все жертвы и пленить Мухаммеда? Нет, наоборот: деятельность его началась с сомнения и втайне. В течение многих лет она не сопровождалась никаким материальным успехом. По мере того как учение становилось известно и пророк возвещал о своих откровениях, он все больше становился предметом насмешек, злобы, клеветы и, наконец, упорных преследований, разоривших его самого и его друзей, заставивших некоторых членов его семьи и многих его последователей искать убежище в чужих странах. В силу чего упорствовал бы он столько лет в обмане, подрывавшем все его земные блага, и притом в такой период жизни, когда уже было слишком поздно надеяться на возможность восстановить их снова?

За отсутствием достаточных эгоистических или материальных побудительных причин мы вынуждены дать иное объяснение поведению Мухаммеда в этот наиболее загадочный период его жизни. Мы можем предположить только

одно: что в это время он сам верил в действительность своих снов или видений, верил тем более, что все его сомнения развивались ревностной и безусловно верившей ему Хадиджей и ловким Баракой.

Убедившись в своей Божественной миссии — идти и проповедовать новую веру, он соответственно этому объяснял и все свои последующие сны и представления, которые считал за указания Божественной воли, различными путями проявлявшейся ему. Мы находим его постоянно подверженным припадкам столбняка или экстаза при малейшем возбуждении или волнении, когда он легко мог воображать себя в общении с Богом, и действительно после таких припадков почти всегда следовали его откровения.

Общий характер его поведения вплоть до бегства из Мекки ясно обнаруживает, что он глубоко убежден был в своем посланничестве; яркий путь, который его восторженный дух пробивал сквозь путаницу верований и диких преданий, не лишен поражающего величия; это был путь к чистому и духовному поклонению единому истинному Богу взамен слепого идолопоклонства его детства.

Все, объявленные им части Корана, даже в том несвязном виде, в каком они дошли до нас, пройдя через различные руки, когда их первоначальная красота была, несомненно, омрачена, отличаются, однако, чистым и возвышенным характером, и от них веет не только религиозным, но и поэтическим вдохновением. Они указывают на то, что Мухаммед многое черпал из живых источников христианства, и если ему не удалось усвоить их во всей безукоризненной чистоте, то это потому только, что он заимствовал эту живую воду из надтреснутых цистерн и нечистых потоков, замутненных теми, которые должны были их охранять. Вера, проповедуемая им, была чище исповедуемой многими мнимыми христианами Аравии.

Таков наш взгляд на Мухаммеда и на его жизнь в течение первой половины его деятельности, когда он терпел преследования и всякие невзгоды в Мекке. Однако после бегства в Медину, когда вместо убежища и защиты, которых он только и искал и на которые и мог только рассчитывать, он встретил неожиданно почитание, слепое повиновение как властелину и очутился во главе могущественной,

всевозрастающей и воинственной толпы последователей, в нем, как мы показали в предыдущих главах, произошла резкая перемена. С этого момента мирские страсти и мирские цели слишком часто становятся побудительными причинами его деятельности. Старое учение о долготерпении, прощении и страдании внезапно отбрасывается в сторону. Он становится мстителем к тем, кто гнал его, и проявляет жажду честолюбия. Начиная с этого времени его откровения так преднамеренны и так часто приноровлены к известным обстоятельствам, что мы невольно начинаем сомневаться в его искренности. Впрочем, необходимо помнить, что откровения не всегда записывались точно.

При этом мы не можем признать справедливость мнения, в силу которого Мухаммеду приписывают широкие замыслы и глубоко обдуманнные планы завоеваний. Основатель ислама, бесспорно, был человек гениальный, обладавший сильной творческой фантазией, но нам кажется, что он в значительной степени действовал под влиянием минутных порывов и очень сильно подчинялся обстоятельствам. Его планы возникали по мере его успехов, а не наоборот: не успехи его являлись результатом его планов. Ему было сорок лет, когда он впервые возвестил свое учение. Затем он медлил год за годом, не проповедуя его никому, кроме членов своей семьи. К моменту бегства из Мекки прошло уже тринадцать лет со времени возвещения его миссии, и из богатого купца он превратился в разоренного изгнанника. Явившись в Медину, Мухаммед и не мечтал о мирской власти, а единственно желал только построить скромную мечеть, где мог бы проповедовать, и надеялся, что ему безнаказанно позволят это делать. Когда власть внезапно очутилась в его руках, он некоторое время пользовался ею для жалких набегов. Его военные планы разрастались вместе с увеличением возможностей, но их отнюдь нельзя считать искусными, а часто даже и успешными. Они не отличаются ни смелостью замысла, ни определенностью исполнения, но часто изменяются сообразно с мнениями воинственных вождей, приближенных к нему, а иногда даже и с внушениями людей ограниченных, нередко ложно направлявших его. Если бы Мухаммед действительно с самого начала лелеял мысль соединить все раз-

розненные и враждующие племена Аравии в одну нацию, он был бы одним из первых военных гениев; но мысль о широких завоеваниях, по-видимому, возникла у него впоследствии, как результат его успеха. Он возвестил «религию меча» и вызвал в хищных арабах страсть к грабежам; с этого момента он ринулся на путь завоеваний, который с непреодолимой стремительностью увлекал его все дальше и дальше. Фанатическое рвение, внушенное им своим последователям, значительно больше содействовало успеху, чем его военные знания; вера в его учение о предопределении вызывала победы вопреки всевозможным военным расчетам. При первых нерешительных шагах в роли пророка Мухаммед встретил поддержку в искусных советах своего ученого оракула Баракки, а в деле завоеваний имел при себе Омара, Халида и других пылких воинов, которые помогали ему направлять грозную силу, пробужденную им к деятельности.

Военные победы не породили в Мухаммеде ни гордости, ни тщеславия, как это неизбежно случилось бы, если бы он руководствовался эгоистическими целями. В период своего величайшего могущества он сохранил ту же простоту манер и внешности, как и в дни, когда ему приходилось испытывать всевозможные превратности судьбы. Он чуждался царских почестей, ему не нравилось даже, когда, входя к нему, кто-нибудь выражал необычайные знаки уважения. Если он и жаждал всемирного господства, то господства веры; что же касается временной власти, возраставшей в его руках, то он пользовался ею без всякого тщеславия и не употребил ни малейшего усилия, чтоб сделать ее наследственной в своей семье.

Богатства, сыпавшиеся на него в виде военной дани и добычи, употреблялись на дела, содействовавшие победе веры, и на помощь бедным его последователям, причем часто его личная касса бывала истощена до последней монеты. Омар ибн аль-Харис утверждает, что у Мухаммеда после смерти не осталось ни одного золотого динария, ни одной серебряной драхмы, ни одного раба или рабыни, а только его седой мул Далдал, его оружие и земля, которые он завещал своим женам, детям и бедным. «Аллах, — говорит один арабский писатель, — предоставил ему ключи от всех богатств земных, но он отказался принять их».

Сколько бы земной примеси ни обнаруживалось в нем после того, как мирская власть досталась ему в руки, ранние влечения его духа всегда сказывались и возносили Мухаммеда над всем земным. Неправы те, кто пытается упрекнуть его в обмане, ибо трудно и даже невозможно примирить столь пламенное благочестие с душою, преданной неблагородным страстям и низким, земным интересам. Молитва, эта религиозная обязанность, предписываемая исламом, и это вернейшее средство хранить чистоту души, всегда соблюдалась им строго. Упование на Бога служило утешением и поддержкой ему во дни невзгод и испытаний. Аиша передает, что однажды спросила его: «О пророк, разве никто не входит в рай, как только по милосердию Божию?» — «Никто, никто, никто», — отвечал он, повторяя эти слова задумчиво и с особенным ударением. «А ты, пророк, неужели и ты войдешь в рай, только если Бог смилуетя над тобой?» Тогда Мухаммед, положив себе руку на голову, с особенной торжественностью произнес три раза: «И я не войду в рай, если Бог не осенит меня Своим милосердием!»

Когда Мухаммед в сильнейшей печали находился у смертного одра своего сына Ибрагима, покорность воле Божией сказывалась во всем, и надежда на то, что он сам скоро свидится с сыном в раю, служила ему утешением. Провожая останки Ибрагима, он перед страшным зрелищем могилы призывал дух сына твердо верить в единого Бога и в свою миссию как пророка. И в минуты, когда дыхание смерти уже касалось самого Мухаммеда, когда последние слова дрожали в его устах и никакие мирские заботы уже не могли руководить им, в его словах не было места обману — он был переполнен неизменным религиозным благочестием и верой в свою пророческую миссию.

Умственные видения, поразившие восторженный дух Мухаммеда на горе Хира, сопутствовали ему до самого конца земного поприща, до самого последнего дыхания.

Примечания

¹Помимо арабов, населявших полуостров, были и другие, называемые кушитами, они, по преданию, происходили от Куша, сына Хама. Они заселяли берега Евфрата и Персидского залива. Именем Куш часто в Священном Писании называются арабы вообще, равно как и их страна. Вероятно, к арабам этого племени принадлежат те, которые бродят и теперь по пустынным областям древней Ассирии и в последнее время привлекались для раскопок развалин Ниневии (раскопки Ниневии начались в 1847 г. — *Прим. ред.*). Их иногда называют также сирийскими арабами. В нашей книге мы будем говорить только об арабах, населяющих полуостров, или о настоящих арабах.

²«Летом, — пишет Буркхардт (швейцарский путешественник и востоковед. — *Прим ред.*), — кочующие арабы редко остаются более трех или четырех дней на одном и том же месте; как только их скот уничтожит всю траву местечка, снабженного водой, племя пускается дальше в поисках пастбища, а когда отрастает снова там трава, она служит другому отряду. Лагери различаются количеством палаток: их бывает от шести до восьмисот; когда палаток немного, они размещаются кругом, но при более значительном, количестве они располагаются по прямой линии или рядами по три или по четыре, одна за другой, преимущественно вдоль речонки. Зимой, когда нет недостатка в воде и в пастбищах, все племя рассеивается по пустыне партиями в три или четыре палатки на расстоянии получасовой езды от одной партии до другой. Палатка шейха всегда ставится с того края посел-

ка, с которого можно ожидать появления врагов или гостей. Предъявить отпор первым и принять вторых составляет главную обязанность шейха. Каждый отец семейства втыкает копьё в землю рядом со своей палаткой и привязывает лошадь спереди. Тут отдыхают и его верблюды по ночам» (Burckhardt. Notes on the Bedouins. V. I. P. 33).

А вот описание Лэйярдом (британский археолог и путешественник. — *Прим ред.*) ассирийских арабов, хотя в значительной степени это применимо и ко всем арабам вообще: «Трудно описать картину значительного племени во время его перекочевки к новым пастбищам. Мы вскоре очутились среди обширных стад овец и верблюдов. На всем пространстве, какое мы могли окинуть взором, и справа, и слева, и впереди нас виднелись все те же движущиеся стада. Длинные ряды ослов и быков, навьюченных черными палатками, огромными котлами и пестрыми коврами; пожилые женщины и мужчины, неспособные идти, привязаны были сверху домашнего скарба; худенькие головки детей торчали из узких отверстий мешков, приделанных к седлам; они колыхались на спинах животных и уравнивались козлятами или ягнятами, привязанными с противоположной стороны; молодые девушки в узких арабских рубашках, скорей обрисовывавших, чем скрывавших их грациозные формы; женщины с детьми на плечах; мальчишки, погонявшие стада ягнят; всадники, вооруженные длинными пиками, мчащиеся по равнине на своих быстроногих кобылицах или погоняющие своих верблюдов короткими серпообразными палками, держа своих породистых коней на поводу, и, наконец, прыгающие жеребята — такова была пестрая толпа, сквозь которую нам пришлось пробивать себе дорогу» (Layard's Nineveh, 1. 4).

³Некоторые считают, что речь идет о двух разных монахах, разговаривавших с Мухаммедом.

⁴Отец Авраама, Азер или Зераль, как он назван в Библии, был скульптор и идолопоклонник. О том, как Авраам отвратился от идолопоклонства, в которое впал род человеческий после потопа, рассказывается в шестой суре Корана:

«И Авраам сказал своему отцу Азеру: “Воистину, ты и твой народ заблуждаетесь, принимая за богов изображения, высеченные из камня”.

Тут свод небесный раскрылся перед Авраамом, дабы он мог видеть, как управляется мир.

Когда наступила ночь и мрак застлал землю, он увидел блестящую звезду, загоравшуюся на небе, и обратился к своим людям, поклонявшимся звездам: “Так вы утверждаете, что это Бог?”

Но звезда скрылась, и Авраам сказал: “Я не верю в заходящих богов”.

Тогда он увидел восходящий месяц и воскликнул: “Это, несомненно, Бог!”

Но и месяц точно так же скрылся, и Авраам смутился и стал молиться Богу, говоря: “Направь меня, дабы я не стал таким же, как этот заблуждающийся народ”.

Увидя затем восходящее солнце, он воскликнул: “Вот это светило величественнее всех; несомненно, это — Бог!”

Но и солнце также зашло. Тогда Авраам сказал: “О народ мой, я не верю в те вещи, которые вы называете богами. Воистину, я обращаю лицо мое к Нему, Создателю, сотворившему небо и землю”.

⁵Доктор Густав Вейль в одном из примечаний в своей книге «Mohammet der Prophet...» рассматривает вопрос о том, был ли Мухаммед эпилептиком, что вообще считалось клеветой его врагов и христианских писателей; но, кажется, болезнь эта была подтверждена некоторыми древнейшими мусульманскими биографами на основании свидетельства близких пророку людей.

По их словам, у него иногда внезапно появлялась сильнейшая дрожь, за которой следовало нечто вроде обморока или, вернее, конвульсий, причем со лба его струился пот даже в самую холодную погоду; в это время он лежал с закрытыми глазами, с пеной у рта и ревел, как молодой верблюд. Одна из его жен, Аиша, и один из его учеников, Зайд, приводятся как очевидцы его припадков. Они считали, что в это время он находился под воздействием откровения. Но подобные припадки, однако, случались с ним и в Мекке, до откровения о Коране. Хадиджа со страхом думала, что он одержим лихим духом, и хотела позвать заклинателя, чтобы изгнать беса, но Мухаммед воспротивился этому. Он не любил, чтобы были свидетели этих припадков. Харет ибн Хашим, говорят, как-то раз спросил его, какими путями получает он откровения. «Часто, — ответил он, — ангел является мне в образе человека и говорит со мной. Иногда я слышу звуки, похожие на звон колокола, но не вижу ничего. Когда невидимый ангел удаляется, у меня остается данное им мне откровение». Некоторые из этих откровений он считал полученными прямо от Бога, другие же — через сновидения.

Читатель найдет, вероятно, это примечание полезным как освещающее до некоторой степени деятельность этого замечательного человека.

⁶Коран, II.

⁷Коран, V.

⁸Чтобы дать понятие о той путанице учений, из которых Мухаммеду пришлось заимствовать свои сведения о христианской вере, мы изложим здесь главные спорные пункты различных сект восточных христиан, о которых упомянуто в предыдущей главе; все они были признаны еретическими или схизматическими.

Савелиане, получившие это название от ливийского священника Савелия, жившего в III столетии, верили в единство Бога; Троица же, по их мнению, выражает только три различных состояния или отношения; Отец, Сын и Святой Дух составляют одно существо, как человек, состоящий из души и тела.

Ариане, последователи Ария, священника александрийского, жившего в IV столетии, хотя и утверждали, что Христос — Сын Божий, но считали Его не подобным Богу, а ниже Его; Духа же Святого за Бога совсем не признавали.

Несториане — от Нестория, епископа Константинопольского, жившего в V веке, — утверждали, что Христос имеет два различных естества: Божеское и человеческое; что Мария была Его Матерью только как человека и что нехорошо называть Ее Богородицею, как это принято церковью.

Монофизиты признавали в Иисусе Христе только одно естество, на что указывает и их название. Они утверждали, что в Нем Божеское и человеческое так смешано и слито, что составляют одно естество.

Евтихиане — от Евтихия, игумена константинопольского монастыря, жившего в V столетии, — были ветвью монофизитов, вполне противоположно несторианам. Они отрицали двойственное естество Иисуса Христа, признавая, что Он был только Бог до воплощения и только человек во время воплощения.

Иаковиты — от Иакова, епископа Эдесского в Сирии, жившего в VI столетии, — составляли многочисленную ветвь монофизитов, незначительно отличавшуюся от евтихиан. Большая часть христианских племен Аравии были иаковитами.

Мариамиты, или почитатели Девы Марии, считали, что Троица состоит из Бога Отца, Бога Сына и Божественной Девы Марии.

Коллиридианки — секта арабских христиан, состоявшая главным образом из женщин. Они поклонялись Пресвятой Деве как Божеству и приносили Ей хлебные лепешки, называемые коллири; отсюда произошло и название их.

Назаряне — секта еврейских христиан. Они считали Иисуса Христа Мессией, родившимся от Девы и Святого Духа и обладавшим в известной мере божественным естеством; но во всем остальном они не отступали от Моисеева закона.

Эбиониты — от Эбиона, обращенного еврея, жившего в I веке, — были тоже сектой иудействующих христиан, немного отличавшейся от назарян. Они признавали Иисуса Христа чистейшим человеком, величайшим из пророков, но отрицали Его существование раньше рождения от Девы Марии. Эта секта, так же как и секта назарян, имела много последователей в Аравии.

Следует кратко перечислить и другие секты: коринфиан, маронитов и марсионитов, названных так в честь своих ученых вождей;

кроме того, были: докеты и гностики, подразделявшиеся на различные мелкие толки. Некоторые из них признавали, что чистота Девы Марии не была нарушена, что зачатие и роды совершились без нарушения Ее девства, подобно тому, как световые лучи передаются сквозь оконное стекло. Мнения этого и теперь ревностно придерживаются испанские католики.

Большинство докетов утверждало, что естество Иисуса Христа было вполне божественно и что только призрак, форму без субстанции, распяли заблуждавшиеся евреи; что распятие и воскресение были тоже ложными мистическими представлениями, совершенными для блага человечества.

Карпократиане, базилиане и валентиниане, названные именами трех египетских полемических писателей, утверждали, что Иисус Христос был только мудрый и добродетельный смертный, сын Иосифа и Марии, которого Бог избрал для исправления и вразумления человечества, а природу божественную Он получил уже взрослым, во время крещения Его Иоанном Крестителем. Первая часть этого верования, сходная с верой эбионитов, ожила и исповедуется христианами-унитариями, составляющими в настоящее время (в 1849 г. — *Прим. ред.*) многочисленную и всевозрастающую протестантскую секту.

⁹Чудеса, описанные здесь, приводятся на страницах книги Абульфеды и не упоминаются другими, более серьезными мусульманскими писателями, но они существуют в предании и передаются со многими подробностями авторами апокрифов. Следует помнить, что сам Мухаммед приписывал себе только одно чудо — Коран.

¹⁰Вера в джиннов господствовала на Востоке гораздо раньше появления Мухаммеда. Рассказывают, что в давние времена джинны имели доступ на небо, но были изгнаны оттуда за свою склонность вмешиваться в чужие дела. По-прежнему они, оставаясь существами любопытными и пытливыми, стараются взобраться на звезды, чтобы заглянуть оттуда потихоньку на небо и увидеть и услышать, что там делается, но ангелы гонят их оттуда пламенными мечами.

Другие легенды утверждают, что земля была первоначально населена джиннами, но они восстали против Всевышнего, незаконно завладели господством над землею и пользовались им в течение двух тысяч лет. Наконец против них был послан Азазил, или Люцифер, который победил их, разбив их могущественного короля Гигана-бен-Гигана, творца пирамид, магический щит которого, обладающий волшебной силой, достался впоследствии царю Соломону Премудрому и дал ему власть над чарами и колдовством магов и злых джиннов. Возмутившиеся духи, побежденные и униженные, были загнаны на темный край света. Тут-то Бог сотворил человека, одарив его менее

опасными свойствами и способностями и предоставив ему для обитания весь земной шар.

Ангелы, по понятию мусульман, сотворены из ярких драгоценных камней, джинны — из огня без дыма, а Адам — из глины.

Мухаммед, в семьдесят второй суре Корана, говоря о появлении духов в пустыне Наклах, передает следующий откровенный рассказ их о самих себе:

«Некогда мы старались подсмотреть, как ведутся дела на небе, но оказалось, что оно охраняется ангелами с огненными мечами; и мы присаживались там на некоторых местах, чтобы подслушать разговоры их обитателей; если же кто подсматривает теперь, то находит пламя, приготовленное для охраны небесных пределов. Некоторые из нас — мусульмане, но есть и совратившиеся с истинного пути. Принявшие ислам избрали истинный путь; уклонившиеся же от него станут растопкой для геенны огненной».

¹¹Как учат мусульманские богословы, Бог слушает всегда благосклонно три голоса: голос человека, читающего Коран, голос того, кто молится о прощении, и голос этого петуха, поющего во славу Всевышнего. Когда приблизится последний день, прибавляют они, Аллах прикажет этой птице сложить свои крылья и перестать петь. Тогда и все земные петухи перестанут петь, и их молчание будет признаком того, что великий Судный день приближается.

¹²Буркхардт говорит, что степные арабы не богаты лошадьми. Среди больших племен Красного моря, между Акабой и Меккой, к югу и юго-востоку от Мекки до самого Йемена, лошади встречались очень редко. У оседлых же жителей Йемена и Хиджаза также не в обычае было держать лошадей; распространены же они больше всего у племен, населявших сравнительно плодородные равнины Месопотамии, по берегам Евфрата и на сирийских равнинах (Burckhardt. Notes on the Bedouins. V. II. P. 50).

¹³Об этой чудесной помощи неоднократно упоминается в Коране, например:

«Бог уже даровал вам победу при Бадре, когда вы были малочисленнее. Когда ты говорил правоверным: “Разве вам не достаточно, что Господь содействует вам, посылая с неба три тысячи ангелов?” Воистину, если вы будете тверды и богобоязненны и враги ваши внезапно нападут на вас, Господь ваш пошлет вам на помощь пять тысяч ангелов на отличных лошадях и в чудной одежде».

«О истинно верующие, не вы убили тех, которые были убиты при Бадре, а Бог убил их. И не ты, Мухаммед, как казалось это тебе, бросил в их глаза песок, но Бог бросил его» (Коран, III).

¹⁴Этот невероятный факт приводится историком Абульфедой. «Абу Раф, — замечает Гиббон (английский историк. — *Прим. ред.*), —

был свидетелем-очевидцем, но кто может быть свидетелем справедливости Абу Рафа?» Мы присоединяемся к сомнению почтенного историка, но тем не менее если относиться недоверчиво к свидетельству очевидцев, то что останется нам от истории?

¹⁵Маимуна была последней женой пророка и, хотя вышла за него уже в преклонных годах, тем не менее пережила всех его жен. Она умерла много лет спустя после смерти Мухаммеда под тем же деревом, в тени которого была раскинута их брачная палатка, и там же ее похоронили. Историк аль-Джаннаби, именующий себя «жалким слугой Аллаха, надеющимся на прощение милосердного Бога», посетил ее могилу, возвращаясь из Мекки с богомолья в 963 году хиджры, то есть в 1585 году по Р.Х. «Я видел там, — говорит он, — черный мраморный памятник, воздвигнутый на том самом месте, где апостол Божий возлежал с ней. Богу ведома правда, а также и то, почему этот памятник черного цвета. Служил ли он некогда местом омовения или молельней, я не знаю, но, во всяком случае, он пришел в упадок».

¹⁶Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre. P. 247. Stuttgart, 1843.

¹⁷Дом Аиши находился рядом с мечетью, которая была в то время очень скромным зданием — с глиняными стенами, с крышей, опиравшейся на древесные столбы и покрытой пальмовыми листьями. Впоследствии она была заключена в обширный храм, занимающий продолговатый четырехугольник длиной в 165 шагов и шириной в 130, со стенами, имевшими вид колоннады, без крыши и с четырьмя входными воротами. Колоннада, состоящая из нескольких рядов колонн различной величины, покрытых штукатуркою и раскрашенных яркими красками, поддерживает несколько небольших белых куполов, расположенных по всему четырехугольнику. На четырех углах этого храма возвышаются величественные пирамидальные минареты.

Около юго-восточного угла четырехугольника имеется пространство, огороженное металлической решеткой филигранной работы, перевитой позолоченной проволокой, так что внутренность нельзя видеть иначе как через маленькие окна в шесть квадратных дюймов. Это огороженное пространство, куда сходятся богомольцы, называется худжрой и включает в себе гробницы Мухаммеда, двух друзей его и преемников Абу Бакра и Омара и дочери пророка Фатимы. Существовала чудесная сказка, будто гроб Мухаммеда висит в воздухе без всякой поддержки. Над этим священным местом возвышается величественный купол с позолоченным шаром и полумесяцем на вершине.

Мечеть эта подвергалась многим переделкам. Однажды во время страшной бури часть ее обвалилась и разрушилась, но впоследствии была восстановлена египетским султаном. Некоторые халифы рас-

ширяли и украшали ее, особенно Валид I, при котором была завоевана Испания. Однако множество сокровищ, пожертвованных по обету, было похищено, когда Мединой овладели ваххабиты. Ныне мечеть эта поддерживается, хотя и с меньшей роскошью, под наблюдением тридцати агаханов, глава которых называется шейх аль-Харам, или глава священного дома. Он — главное лицо в Медине. Посещение Медины хотя и считается делом очень благочестивым и почтенным, но необязательно для мусульман; посещение же Мекки признается религиозным долгом; поэтому Медину в настоящее время богомольцы навещают все реже и реже.

Вышеприведенные подробности сообщены Буркхардтом, который проник и в Медину и в Мекку, хотя для этого ему пришлось переодеться и подвергаться большим опасностям, так как посещать эти города могут только одни мусульмане.

Оглавление

Предисловие	6
Глава первая	8
Глава вторая	18
Глава третья	23
Глава четвертая	26
Глава пятая	31
Глава шестая	34
Глава седьмая	40
Глава восьмая	45
Глава девятая.	50
Глава десятая.	57
Глава одиннадцатая.	63
Глава двенадцатая.	68
Глава тринадцатая	77
Глава четырнадцатая.	85
Глава пятнадцатая.	91

Глава шестнадцатая	94
Глава семнадцатая	99
Глава восемнадцатая	106
Глава девятнадцатая	110
Глава двадцатая	113
Глава двадцать первая	118
Глава двадцать вторая	122
Глава двадцать третья	125
Глава двадцать четвертая	133
Глава двадцать пятая	136
Глава двадцать шестая	142
Глава двадцать седьмая	145
Глава двадцать восьмая	147
Глава двадцать девятая	150
Глава тридцатая	152
Глава тридцать первая	161
Глава тридцать вторая	169
Глава тридцать третья	175
Глава тридцать четвертая	181
Глава тридцать пятая	184
Глава тридцать шестая	186
Глава тридцать седьмая	191
Глава тридцать восьмая	194
Глава тридцать девятая	202
<i>Примечания</i>	<i>210</i>

Ирвинг В.

И78 Жизнь пророка Мухаммеда / Вашингтон Ирвинг. — Пер. с англ. П.Киреевского. — М. : Ломоносовъ. — 2012. — 224 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-156-4

Эта книга посвящена пророку Мухаммеду, который основал одну из трех мировых религий — ислам и мирной проповедью объединил вокруг себя массы людей, а затем, уже в качестве политического деятеля и полководца, создал мощнейшее государство, положившее начало Арабскому халифату. Через Мухаммеда, согласно учению ислама, Бог ниспослал людям Коран, одну из величайших книг на земле.

«Жизнь пророка Мухаммеда», написанная Вашингтоном Ирвингом, которого принято называть отцом американской литературы, вышла в 1850 году, но, несмотря на множество появившихся в последующие годы исследований, эта книга по-прежнему остается одной из лучших биографий основателя ислама, написанных христианами, — она проникнута глубоким уважением к личности и деятельности великого человека, изменившего ход мировой истории. В России Ирвинга знают как автора знаменитой «Легенды о Сонной Лощине», но его исторические труды до сих пор практически неизвестны отечественному читателю. Перевод на русский язык сделан известным славянофилом Петром Киреевским.

УДК 929

ББК 86.38

История. География. Этнография

Вашингтон Ирвинг

Жизнь пророка Мухаммеда

Редактор О. Иванов
Верстка А. Кашафутдиновой

Подписано в печать 07.03.2012.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 14. Тираж 1500 экз. Заказ № 8134.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО

«Можайский полиграфический комбинат»

143200 г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.rф

тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ также ВЫШЛИ:

Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо

Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ

Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»

Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ

Свен Хедин В СЕРДЦЕ АЗИИ

Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА

Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО

Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО

Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ

Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ

Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ

ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР

Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ

Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ

Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК

Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА

Гомбожаб Цыбигов. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА

Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ

Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ

Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА:
ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ

Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
И ПРОЧИЕ...

Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА

Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ

Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА
И ЛЮБОВНИЦА

Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН
ИСТОРИЧЕСКИЙ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ

Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ

Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА

Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА

НАШ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ПАРТНЕР

РАДИО

ГОВОРИТ
МОСКВА 92,0 FM

Вашингтон
Ирвинг
Жизнь пророка
Мухаммеда

ISBN 978-591-678-156-4

9 785916 781564